

ПРИКОСНОВЕНИЕ

ГАЛИНА МУРАТОВА

Галина Муратова

Прикосновение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69980044

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник рассказов Галины Муратовой посвящен обычным людям – жителям обычного неназванного города. Эти люди проживают день за днем, и попадают в обычные жизненные ситуации, но при этом они чувствуют, размышляют и ведут себя самым неожиданным образом, проявляя самое лучшее, что в них есть по отношению как друг к другу, так и к миру, в котором они живут. Благодаря тому, что все лучшее и самое светлое в человеке скрыто, но все-таки находится на поверхности, у нас всегда есть надежда, если мы сможем к этому прикоснуться. Прикосновение: сборник рассказов / Галина Муратова. – Москва, ИМЛИ РАН, 2020. – 432 с. ISBN 978-5-9208-0641-3 На обложке изображена картина «Галина Муратова», художник Александр Муратов, 2005 г.

Содержание

Башмачки	6
Порода	13
Его величество	19
Порыв	26
Чужой завтрак	30
Бремя дат	34
Разъезд	39
Изнанка	43
Чужеземка	48
Вторжение	54
Первая любовь	58
Прикол	61
Свет	67
Пластик	71
Не туда	75
Цивилизация	80
Профессорша	85
Капля	89
Мена	93
Меланж	99
Гея	104
Вдребезги	109
Горица	113

В тренде	116
Бантик	120
Меха	124
Пегас	127
Тайна босса	131
Драже	134
Рецепт	141
Впечатление	145
Хоровод	148
Склеить	152
Выбор	158
Светик	162
Оказия	167
Его благородие	173
Цокольный этаж	178
Постирушки	183
Пустоты	187
Кстати	191
Надо же!	195
Мираж	200
Звездун	203
Рюкзачки	207
Рычаг	211
Глаза	215
Мостик	219
Садовники	224

Легко!	228
Лён в городе	232
Престиж	235
Вне тональности	241
Ловушка	244
Русская печь – одна штука	247
Божья корова	251
Главнее главного	254
Сэл-фи! Фи!	257
За космос!	260
Страхи! Хи-хи!	263
Не о чем говорить	266
Таратайка	271
Шнурки	275
Гламур	279
Прикосновение	285

Галина Муратова

Прикосновение

Башмачки

Каждый в этой жизни – чья-то потеряшка. Хоть и навсегда знает об этом. И это касается в большей степени людей, чем животных. Всю жизнь мы ищем кого-то. Кто – свою половину, кто – призвание, кто – смысл жизни. А раз это нами ищется, то значит – потерялось. Главная потеряшка – для кого-то не вторая половина, как думается, и даже не работа.

Для Вовки Бочкина – главная потеряшка его жизни был он сам.

Его когда-то в самом начале жизни потеряла мать, забыв у бабушки, сгинув в очередное замужество. Потом он потерял бабушку. Очень трудно было жить. Вовка бедствовал, совсем обнищал, с горем пополам окончил торговую школу, и стал продавцом в обувном магазине. Как раньше сказали бы, «приказчиком».

Но Вовка не знал этого старинного слова и поэтому стыдился своей работы, и особенно неловко себя чувствовал и терял, не накопленного им еще чувства лакейского высокомерия, когда к ним в магазин приходили vip- клиентки.

Он сильно терялся и моментально скрывал эту потерянность за угоднической вежливостью и большим фирменным бейджиком на фирменном пиджаке. Его спасло еще то, что он был большой дока по части обуви. Это касалось не только ведущих фирм. Он мог по запаху даже отличить шевро от лайки, сафьян от замши. Он знал об обуви все – историю, фурнитуру, особенно края, стежки. Все о протекторах, супенаторах. И если вдруг кто-нибудь из покупателей снисходил до разговора с ним, то уходил явно облагороженный новыми знаниями из мира обувного производства.

И хоть хозяин магазина был доволен им, до него доносились молва о знаниях Вовки, ему жилось нерадостно. Не по себе.

Никакие похвалы и премиальные не могли вытравить из души стойкие чувства потеряшки. Он и по салону магазина, ходил с видом, будто что-то ищет.

И часто слышал:

– Володя, что потерял?

– Себя, – серьезно отвечал он. И все смеялись.

Но чаще всего никто вопросов ему не задавал, всем было не до него. В магазине всегда было много народу. И народа не простого, золотого. То есть богатого.

И конечно, среди такой публики Бочкин особенно остро помнил, что он – ничей. Потеряшка.

Сегодня предстоял тяжкий день. Начиналась рождественская распродажа. Все в лавке были напряжены и делови-

то-насторожены.

Главное, чтобы ничего не стащили. Бдение предстояло еще то, глаз-да- глаз.

– Ну, ребята, держитесь, – сказал им перед открытием магазина хозяин. А сам трусливо скрылся в своем кабинете, спасаясь от натиска покупателей.

И Вовка смело вышел на растерзание этой жадной оравы. Надо было устоять перед этим натиском публики, и еще быть вежливым и зорким.

«Молодой человек... Эй, товарищ... Продавец!» – как его только не подзывали к себе вспотевшие от бесчисленных примерок.

Вовка напрочь забыл о своей потерянности и ненужности, он был просто нарасхват.

Глядя на эту публику, в короткие паузы, Вовка жаждал все время спросить у кого-нибудь, знают, что такое Рождество. И кто родился. Сегодня.

Однажды он даже спросил об этом роскошную женщину, на узкую ногу которой надевал сапожок.

– Родился? – вскинула она брови. – Откуда вы знаете? Вчера внук у меня родился. Как мило, что вы в курсе...

Больше Вовка вопросов не задавал.

Прошел и этот оглашенный день. С грустным звоном закрылась за последним покупателем дверь.

И тут же открылась дверь из кабинета хозяина.

– Ну, что ребятки? Как наши дела? – Витрина цела. Ах,

какой хороший день получился. – Он заглянул к кассирам. Все по домам. До завтра.

Продавцы мгновенно покинули разоренный за день магазин.

Вовка не торопился домой. Чего он там не видел, здесь в магазине, через огромные витринные стекла, ему была хорошо видна нарядная праздничная улица, её праздничное многолюдье.

Некоторые останавливались у витрины их магазина и рассматривали великолепное её оформление.

Влекущий призыв на ней «РОЖДЕСТВЕНСКАЯ РАСПРОДАЖА – СКИДКА 50%»

И никто не видел в этом никакого вранья, только радостный посыл.

Но Вовку слегка припорошил стыд. Он-то знал всю правду об этих скидках, сам оформлял ценники и краснел.

Окинув взглядом отдел, он кое-что поправил из коробок, наклонился, чтобы отключить главный свет. И тут, из-под прилавка ему показались на глаза, стыдливо прятавшиеся за стенным выступом, два стоптанных башмака.

Вовка с некоторой осторожностью взял их в руку.

Башмаки были старыми, промокшими, с перетертыми шнурками. Явно не по сезону, скорее летними, чем зимними, из светлой замши. Но такими поношенными, что бывшее их благородство было затоптано годами их ношения и службы хозяину.

Вовка расстроено швырнул ботинки на пол. Они прилегли сиротливо, косенько как-то, набок.

Эти башмаки могли означать только одно – кто-то ушел в новых, не заплатив. Это довольно часто практиковалось в народе.

Вовка еще раз глянул на старую грязную непотребность и попытался припомнить кого-нибудь из покупателей, кто мог бы так поступить, так беспардонно надуть его, самого бдительного смотрящего.

И ему вспомнилось. Он вспомнил молодую женщину в легкомысленном беретике, в нелепой курточке и длинной юбке. Причем подол этой юбки был влажным от снега. Вовка хорошо вспомнил и увидел, как бежевая юбка этой женщины стала темной от того, что снег на ней растаял.

И Вовка четко вспомнил этот контрастный орнамент.

В чем была женщина на ногах, было не видно, из-за того, что юбка была длинная, и от влажности тяжело влачилась по полу, скрывая ноги.

Поэтому она легко и незаметно переобулась в новые сапоги и вышла. А старые забросила за выступ.

Бочкина охватила злость и раздражение.

– Ну, что за люди...

Потом он вдруг припомнил, что с женщиной была маленькая девочка, очень похожая на неё – в таком же легком берете и зябкой курточке с капюшоном.

Окрыленный догадкой, Бочкин пошел в детский отдел. И

конечно же, под сиденьем он обнаружил маленькие старые кроссовки. Так и есть. Хороша мамаша...

Бочкина охватило сильное негодование. Как он умудрился прохлопать эту тетку. Втерлась в доверие. Еще и дитя втянула в воровство. Теперь надо будет докладывать об убытках, то есть краже. И будет разнос от хозяина и вычеты из зарплаты.

Душа приказчика Бочкина негодовала. Он бросил на пол детские кроссовки с найденными им раньше башмаками.

Они лежали на полу во всей красе своей стоптанности и бедности. Как чьи-то потеряшки.

Бочкин вдруг вздохнул. В этой ненужности старой обуви было какое-то родство с ним. Бочкин даже не понял еще от чего, но тихая жалость к этим двум умело своровавшим в магазине и им, его охранявшим, стремительно прорастала в нем. У них был один корень одна основа – Потеряшки. Не сумели ничего приобрести, только потеряли. Когда крадешь – тоже ведь теряешь.

Бочкин поднял обувку с пола и сунул в большой фирменный пакет.

– Ничего я не стану говорить хозяину, – решил он. Повеселел вдруг и порадовался за этих женщин.

– С Рождеством вас, милые Барышни, – поклонился он, бросая пакет в урну, подальше от магазина.

Пусть вас кто-нибудь найдет.

Он шел домой и представлял, и думал о том, как эти двое

радуются, и может быть на сэкономленные на обувке деньги, мать купит елку и всякие сладости. И они будут веселиться и вспоминать, как они ловко провели продавца.

И Бочкин утвердился, что именно так и будет, и порадовался за них и за себя. Что его почти не огорчила это мелкое воровство.

И еще он почти с нежностью подумал: «... Это ж надо... Золушки».

26 ноября 2012, бестетрадные.

Порода

На интервью с ней, уже очень и давно популярнейшей писательницей, пришло много журналистов. Что и говорить, она сидела перед ними, не без гордости бликовала бриллиантами в кольцах, на своих пухлых пальцах и ждала своей тишины. Той тишины, при которой она могла говорить тихо и не спеша, о своих успехах, своей давней популярности, и любви народа к её книгам. Таких интервью в жизни её было немало. Но это отличалось только тем, что она неосторожно пообещала раскрыть тайну её давнишних отношений, с человеком который недавно почил не только на лаврах, а в буквальном смысле – почил, то есть умер. Об их отношениях ходило много слухов и много правды было в тех слухах. Но теперь, журналисты бросились на свою охоту за свежачком и заполонили все пространство её дачи. Сама она восседала в огромном деревянном кресле, сделанном из пня дуба. Оно было оригинальным, и она хорошо в нем смотрелась. Как будто была при дубовых могучих корнях.

– Вы обещали рассказать... Что повлияло на вас в жизни. Что заставило вас стать прозаиком. Что двигало вами.

– Только правду, – крикнули с другого места.

Она вдруг замерла от этого простого вопроса.

«Что двигало, сподвигнуло?» Она честно задумалась. И

тут голова подбросила угодливо и быстро одно воспоминание. От которого ей сразу же пришел ясный ответ на этот вопрос.

– Зависть. Меня двигала зависть, – неосторожно вслух произнесла она.

Журналисты насторожились. Камеры отразили её одутловатое лицо, жесткое, без улыбки.

– Сейчас расскажу.

– Я из простой семьи. Мама моя малообразованная женщина, родом из деревни, – тихо начала она банальной фразой.

Да, она хорошо знала всегда, что не дворянка. Крупная кость, грубый голос, резкие манеры. У себя во дворе она общалась с такими же детьми, детьми дворников и всякой малолетней лимитой. Она с детства слышала грубые разговоры, нецензурную речь, видела затрещины, которые щедро раздавались детям, женам, мужьям. На кого Бог пошлет. Нередко получала их и сама.

Но однажды пришла мать и неуверенно сообщила ей, что хотела отдать её в спортивную школу, но там мест не оказалось, и она записала её в музыкальную. На класс какой-то домры.

– А что такое домра? – спросила она у матери.

– А хрен её знает, казахское что-то... Иди, лучше бы в спортивную... ты вон у меня какая здоровая. Но мест нет.

Так она оказалась в филиале музыкальной школы по клас-

су домры. Она стала ходить по своей улочке, с синей папкой на шнурках – в которой лежали ноты. Эта папка вызвала уважение к ней даже у отпетых местных задира. Шел её тогда одиннадцатый год, и в школе ей понравилось. И играть она научилась не только на домре, но и на фортепиано. Научилась слушать классическую музыку, петь в хоре и играть в оркестре. И это ей очень даже пригодилось, образовало её и дало мировоззрение.

Но не это оказалось главным в то время для неё.

Тогда, на уроках игры на домре, она впервые увидела девочку Люсю Эйт. Она училась у того же педагога, только годом старше.

Прошло столько лет, но она и сейчас не может сформулировать что так поразило её тогда в этой сверстнице. Ведь они ходили в одной школьной форме, к одному педагогу, учились играть на одном и том же инструменте.

Но в этой Люсе Эйт... именно так, с фамилией. Она не была просто Люсей. И не могла быть. Только Люсей Эйт. фамилия была загадочной и странной. Для нее звучала как титул.

В Люсе Эйт было что-то такое, что разделяло их пропастью. И коса заплетена была также, и платьнице с передником. Ан нет. Коса украшала её бледное лицо, как корона. Светлые волосы очень сочетались с темными огромными глазами. И щеки были чуть впалыми и придавали лицу незнакомый нам, дворянкам, аристократизм. Все в ней было утонченным. Да-

же медиатр, которым она играла, казался драгоценностью в её тонких, необычайно чистых для этого возраста, пальцах. Вся она была в каких-то незнакомых моему детству, подробностях. Не было в её движении резкости, быстроты. Не было форте в её интонации голоса, никогда. Чулки, хоть и грубые, обтягивали её ноги очень ладно, а туфли были начищены. От неё исходила незнакомое мне сияние чистоты и света. Женственности, которую я в своих кругах не встречала ни дома, ни в школе.

И представить себе, что какой-нибудь мальчишка-одноклассник бьёт Люсю Эйт учебником по голове – невозможно. Что её могли дразнить в школе из-за странной фамилии? Нет! Никогда. В ней была какая-то незнакомая мне защита. И я уже тогда понимала, эту защиту она пронесет через всю жизнь. И тут я ясно поняла, что во мне ничего этого нет. И никогда не будет. Не ляжет так коса, не натянутся чулки, и говорить тихо я никогда не смогу. И таким изысканным жестом перелистывать ноты. И так изящно наклонять голову, когда читаешь их. Эйт была девочкой из другого мира. Другой Природы. И мое сердце пронзила зависть. Впервые в жизни я завидовала, не предмету, а состоянию человека. Его несуетности, чувству собственного достоинства и непонятной свободе, и спокойствию.

И я тут же начала у неё учиться. Начала ставить ноги носками чуть врозь. До этого ходила носками внутрь. Потом стала следить за её интонациями, набором слов в предложении,

какой воротничок в форме, и как он пришит. Попросила поиграть её медиатором. Она мне тут же подарила. Это были мои первые курсы благородных девиц. Люся Эйт совсем не догадывалась о своем влиянии на мою жизнь. Она была вежлива, приветлива и все равно сидела на какой-то вершине самой высокой горы. На которую мне так хотелось забраться.

Это детское сильное впечатление перевернула все. Я иначе стала относиться ко всему. И я очень старалась научиться этой неизвестной мне породе. Это потом я поняла, что породе не научиться никогда. Люся Эйт родилась с этим. А мне предстоял долгий путь совершенствования. И я встала на этот путь и совершенствуюсь до сих пор. И вот, глядя на свои толстые пальцы и дряблые щеки, и читая отзывы своих читателей. Восторженные. Я четко понимаю и сегодня. Что я – далеко внизу. Я ширпотреб природы, и жизнь моя, и книжки – это все ширпотреб. Он нужен конечно. И принес пользу и мне, и моим читателям. Только я знаю одно. Люся Эйт не стала читать мои книги. Не станет. Она вообще не помнит меня. Мало ли кто там с кем учился. А я вот помню. И завидую тому, чего никогда не достигну. Породы.

– Виктория Семеновна!!! Что же вы молчите? – услышала она волнение журналистов, наконец.

И тут только она поняла, что сидит молча на своем дубовом пне. Напряженная тишина повисла над братией журналистов. И все по-прежнему ждут от неё откровений.

Ей очень хотелось рассказать кому-нибудь о девочке Люсе

Эйт, которая так круто изменила её жизнь. И зависть к её недоступным человеческим достоинствам заставила писать о собственном несовершенстве.

Она глянула на дружную братию элитных журналистов.

И вдруг поняла, что девочка Люся Эйт никогда бы не позволила себе восседать на этом дурацком пне, и рассказывать чужим людям хоть какую-то малость из своей жизни.

Она покраснела во все щеки от стыда за себя, свою примитивность, свою доступность в творчестве и жизни. Неожиданно расплакалась, встала резко и ушла.

– Переживает, – по своему поняли её репортеры. – Такого покровителя потеряла.

А она, запершись на веранде, тихо плакала. И сама не знала о чем. Хотя сейчас можно было и не врать себе. Знала. Она плакала о Люсе Эйт.

Эй-Т! Звучало, как оклик.

18 января 2013, бестетрадные.

Его величество

Он был великолепен. Он вошел в её сердце сразу.

Величественный, мощный, редкий в наше время по габаритам.

Хотя и выглядел он слегка, и даже можно сказать не слегка, обшарпанным, от контактов с жизнью. Но это придавало ему настоящего шарма. Вид у него был надежный, ладный, в высоту и ширину. Но той самой виньеткой совершенства был настоящий тяжелый замок, который накрепко соединял верх и низ, и выглядел очень строго. Это была любовь с первого взгляда. Она только сейчас поняла, что встречи этой ждала и знала, что она будет. Просто это желание никогда не формулировалось в ней, а сейчас просто бросила её к этому «первому встречному», и она обняла бы его, если бы хватило рук.

Она подбежала и, все еще не веря своим глазам, стала ощупывать это сокровище руками. Да, это был тот сундук из её детства, который стоял в избе её бабушки и теток, который вмещал в себя весь скарб тогдашнего её дома. Он вмещал в одном отделении скатерти, белье и рушники. В маленьких отделеньицах были нитки и другие предметы для рукоделия, а в самом центре всегда лежали, приложенные белым льняным рушником, хлеба, которые пекла бабушка, и поэтому

когда она в очередной раз открывала крышку, по избе всегда распространялся запах хлеба. Будто он был только испечен.

А еще там хранились, тоже в полотенце специальном – тяжелые куски пиленого сахара, которые всегда экономили и отпиливали бережно, осторожно, будто боясь поранить.

Сундук занимал почетно место в избе у окна. На нем и обедали, и беседовали, пока ели. Он был главной мебелью в доме, со своим таинственным скарбом. Ей в детстве очень хотелось нырнуть в его нутро с головой. И сидеть там, постигая смыслы вещей сложенных на самом дне его. Потому что все доступное, и ежедневной потребности, лежало в нем сверху. Но до дна там было скрытое от её детских глаз пространство, которое чем то же было заполнено. Но доступ к ним был закрыт на замок, а ключ от него бабушка носила с собой постоянно.

– Вам чем-то помочь, – выдернул её из воспоминаний приятный мужской баритон.

– С доставкой помочь! – приказала она.

Приказчик, именно так называли раньше продавцов-помощников, а ни какой ни «менеджер», был слегка удивлен её решительному желанию купить эту застрявшую в их супермодном комиссионном антикварном магазине, этот глупый сундук. Они уже надежду потеряли, что на него кто-нибудь позарится. А тут еще такая тетка, вся в мехах и макияже.

– Откройте его, – приказала она.

И когда продавец, уже торопясь под её требовательным

взглядом, звякнул замком, и не без натуги поднял сундучью крышку, она даже слегка оттолкнула его – и быстро-быстро заглянула туда вниз, на дно.

География оказалась той же. Все отделения, полочки и ящички расположились в знакомом рельефе.

Это был он! Может и не именно он. Тот бабушкин никто бы не доставил сюда из другого конца российского простора. Но это был его брат. Их делала рука одного мастера и одного времени. Это было несомненно.

Правда, из сундука не повеяло конечно, ароматом свежеспеченных хлебов. Скорее, из него потянуло прокисшими блюдами коммуналки, где он и стоял, скорее всего, в последнее время. И еще она на дне рассмотрела какие-то пятна.

– Фонарик, – приказала она продавцу. Тот незамедлительно принес. Она высветила днище сундука и сразу поняла, что все поправимо.

И она все сможет, отчистить и отремонтировать нутро этого сокровища, и подарит ему новый аромат.

– Какой этаж? – спросил её оформляющий доставку мужик. А узнав, пробурчал:

– Берем как за рояль. Такая же тяжесть.

Она только улыбнулась этому сравнению. Она была счастлива и успокоилась только тогда, когда собственным присутствием удостоила всю погрузку и, к удивлению грузчиков, села с ними в грузовичок, чтобы не оставлять без присмотра его величество – сундук.

– А вас из дома не выгонят? – шутканул один из грузчиков. Она не удостоила его ответом.

– Ну-ну!!! – хихикнул напарник.

Сундук действительно на свету выглядел не столь величественно. И бок ободранный и крышка неопределенного цвета, а ещё сбоку – она в магазине не рассмотрела, было нацарапано и вырезано короткое, лучшее слово русского языка. И про неё тоже.

«Д – У – Р – А».

Сундук как бы сказал ей сразу, что он о ней думает.

Грузчики не могли угадать. Никто её с этим сундуком и не мог выгнать.

Дом её, вернее квартира, хоть и был, по словам немногочисленных подруг, «полной чашой». Но чаша эта была с большим дефектом, со сколом в судьбе, который назывался в быту – одиночеством. Не сложилось ни с мужьями, ни с детьми. Она снимала шляпу перед своим одиночеством, очень уважала и боялась его. И постоянно придумывала себе всякие дела, чтобы держать с ним дистанцию, и не сильно общаться.

И вот это приобретение. Она как-то сразу поняла, что сундук, который грузчики поставили прямо посреди комнаты, требует своего места, и она стала ревизским взглядом оглядываться. Что бы такое удалить из своего жилища, и сразу глаза выхватили предметы, без которых давно можно было обойтись. Которые из лени не выбрасывались. И потянулись

руки к ним в азарте, и позван был дворник Рустам, который за небольшое вознаграждение унес на помойку. Дворник Рустам всё порывался и сундук новообретенный вынести, удивлялся его трагическому облику, но был впряжен ею в обратное. Они вдвоем с большим трудом поставили сундук под широченное окно в комнате. Где он и замер сразу, поняв, что наконец дома. И она, проводив Рустама, наконец пристроилась на его крышку, и погладила ласково его шершавый бок.

– Привет! Живем? – тихо спросила она. Но в ответ с поверхности на неё живо глянула надпись поменьше, но с тем же смыслом прямолинейным.

– Да. Я – дура, – улыбнувшись, согласилась она.

Она сидела на сундуке и с удивлением рассматривала свое жилище. Каким оно стало пустым, просторным. Как будто дом наполнился другим, незнакомым или давно забытым, пространством. И в доме можно было прыгать, танцевать. И ничто уже не цепляло тебя за рукава, никаких острых углов. Ничего кроме того, что она забросила в доброе чрево сундуку. Все лишнее он не принял, все улетало за борт жизни. Он быстро навел ревизию в хламе, который казался до этого незыблемым, и оставил только то, что мог вместить. Отбор нужного был жесток и с учетом вечности. Сразу мыслилось – стоит в сундуке сохранить, или обойдешься.

Оказалось, что почти без всего она может обойтись.

Даже спать на нем можно было, так он был широк. И

крышка его была теплой, будто дерево из которого она была выстругана, все еще делилось своей нескончаемой жизнью.

Она еще немного колебалась, зачистить ли ругательные словечки «дура» и прочие, которые приобрел сундук на своем долголетию, но не стала.

Потому что была в этом какая-то правда и о ней.

Чтобы заполнить сундук по настоящему, ей придется долго, очень долго жить. А главное, хорошо бы научиться хлеба печь, чтобы вернуть сундуку его личный аромат. Она еще раз открыла крышку, заглянула внутрь. Пахло свежевывымытым влажным деревом.

Что ж! И это не плохо.

И углы в сундуке были хоть и кованые, но не острые. И замок легко вошел в ушки, ключик повернулся.

– Щелк! – услышала она приятный звук. И стало вдруг легко и спокойно. Она даже не стала анализировать, почему. Было ощущение сделанного большого и нужного.

Все, чем дорожилось, о чем много было думано, бережно хранимое, воспоминательное слезливо – не вместились в старый сундук. Он их просто не захотел принять, хоть там было много места. При желании она бы могла поместить там себя вместе с одеялами и подушками. Она – да. Все остальное – нет. Лишнее. Её поразила отборчивость сундука. Она просто чувствовала его нежелание вмещать в себя непотребство всякое. Он был разборчив. Ей стоило бы поучиться этому редкому качеству.

Сундук, казалось, готов был заменить ей все, при этом расширяя свободное пространство. И даже в окно, которое было вечно занавешено шторой, можно было смотреть, удобно усевшись, на все тот же сундук. Что она незамедлительно и сделала. Сев на его теплую крышку, она как будто опустилась на траву газона во дворе, на который всегда строго запрещалось выходить даже босиком.

Сидя на сундуке, она легко рассмотрела внизу во дворе, как три тетки в спортивных костюмах шли бодрим шагом и строем, резко отчеканивая углы по каре двора. Чеканя шаг, они маршировали по периметру двора. Периметр был коротким, но они еще раз, и еще раз прошагивали его. Вид у них был деловой и сплоченный. Они явно имели цель. Сверху они казались маленькими, широкоплечими и слегка карикатурными.

– Р-раз – ра-аз! – спешили.

Куда?

«Каждый – к своему сундуку», – подумалось ей уверенно.

17 октября 2018, бестетрадные.

Порыв

Она встала не в духе. И все было не так. Обещал кто-то – и не позвонил, она точно помнила, что кто-то должен был позвонить. И даже напросился на вечер. Кофе уплыл на чистую вымытую накануне плиту, в ванной опять что-то капало. И все эти мелочи гнусом мелким роились в голове, вызывая неприятное и ненужное в ней раздражение. Ведь утро должно быть деловым и нежным. Это у неё по жизни был такой девиз. Утро должно быть деловым и нежным, деловым, чтобы настроиться на рабочий и обязательно толковый день. Нежным – для себя. Она пыталась беречь себя, свое настроение, с самого утра. Потому что, если по какой-то мелочи выходила из строя, доставалось всем. И домочадцам, и неосторожно позвонившим, и собаке, и кошке, и тарелкам. Она никогда не анализировала, откуда это черная волна мелких обид и огорчений, которая и под лупой не была бы видна, разве что в окуляр микроскопа, вырастала за несколько минут в яростное цунами. За несколько минут накрывала её и потопляла в отвращении ко всему, что происходило.

И тогда она срывала с вешалки плащ или пальто – это по сезону, и бежала от себя на улицу. И там долго и быстро ходила кругами по знакомым улицам, которые её тоже раздражали узнаваемой однообразностью, отсутствие сюрпризной

радости.

Через час с небольшим она возвращалась домой, где цунами уже не было и следа. И она всегда удивлялась, думая в какой-то канализационный колодец она откатилась в своем отливе.

Но сегодня она не могла позволить себе сбежать от этой гневной напасти, она действительно ждала звонка.

Она в раздражении рванула в разные стороны шторы на кухонном окне и вернулась к плите, стереть до конца кофейную пенку.

Она, ворча злые слова себе под нос, провела рукой с губкой туда-сюда. И вдруг уловила синхронное движение за окном. Она метнула туда взгляд.

Там, под сильным ветром, раскачивались ветки рябины. Ветер сильно выгибал их, потом отпускал. А рябина не давалась его силе и все выпрямлялась, выпрямлялась. И движение её, взмахи листьев, напоминали дирижера. Как будто он стоял и руководил огромным оркестром, невидимым окружающим.

Это выглядело страстно, неистово, и похоже было, что исполняется очень сильная музыка. Симфония Гайдна или Бетховена.

И оторвавшись от грязной плиты, подойдя к окну, она стала слышать эту музыку.

На рябину больше никто не смотрел. Она росла во дворе одна. Двор был и для нее узок и мал. Но она каким-то чу-

дом, вопреки всему, выросла в ладное высокое дерево. И теперь макушка её дотянулась до ветра. И он вольно гулял в её июльской листве и ворошил оранжевые уже ягоды.

Ветер как будто звал эту рябину из узкого двора. Туда, в просторы, которые она так и не увидит. А она все сгибалась и выпрямлялась, взмахивая ветками, как дирижерской палочкой.

Зрелище было воистину прекрасным. И она слышала эту симфонию- диалог между рябиной и ветром. Видела их недолгий союз. Ветер налетал и отступал. И дирижирование не заканчивалось.

Она отступила от окна. Ей почему-то было неловко, как будто она подсмотрела и подслушала.

И ветер сдался, перестал уговаривать, сгинул, стих.

Листва успокоилась. Вернулись на ветки воробьи.

«Что это было?» – подумала она. Как похоже на мои приступы паники и гнева. Значит, и в природе это задумано, только в другом исполнении.

Рябина отдирижировала и справилась. Устояла. И развеселые птицы вернулись к её недоспелым еще ягодам. И бежать ей некуда. И подчинилась этому.

И откуда-то понялось вдруг, что это её никчемному настроению продирижировала рябина и исполнила её музыку, только для неё. Только она могла её услышать. Успокоила подружка.

А что, так оно и случилось. И ничего в этом странного нет.

Рябина в подружках не каждому приходит. Вот так в окно и с дирижерской палочкой.

Она, улыбнувшись уже, ставила новую порцию кофе на отчищенную плиту, и с нежностью смотрела на рябину.

Ветви её были сдержанно-спокойными. Как будто ничего и не было несколько минут назад. Так! Порыв!

18 июля 2018, бестетрадные.

Чужой завтрак

Она сбежала пораньше из дома, чтобы успеть перед работой пройтись не спеша, по незадымленному еще городу, послушать, посмотреть на сонные еще дома, на чисто синее сегодня небо, пока шар солнца не выкатился на него, и не заставил прятать глаза за очками, а голову под шляпой.

Мир только пробуждался, и можно было постоять, посмотреть, открыв рот, на небо, не боясь попасть под автомобиль, чутко рассмотреть облака, придать каждому из них художественный образ или смысл.

Хорошее было утро. Приветливое, радушное.

Она вышла в улочку, которая являлась пешеходной зоной, и вела прямехонько к метро.

Переходя на нужную сторону, она внезапно увидела, вернее сначала услышала мужское пение. Это был известный романс, из итальянских, но исполнялся по-русски, и как-то совсем по-домашнему.

Посмотрев вверх, она в открытом окне увидела толстенького лысоватенького мужчину, который был в больших наушниках, и скорее всего, подпевал певцу в них.

Мужчину было хорошо видно и слышно, всего второй этаж. Он самозабвенно пел и жарил яичницу.

Он высоко поднимал яйцо, легко касался скорлупы ножом

и опускал содержимое на сковородку. Ей показалось, что она даже слышит шкворчание яиц на масле.

Не прерывая пения, мужчина развернулся к холодильнику, он был у него за спиной, открыл его и вытащил какую-то зелень.

Она не сразу поняла, что уже давно стоит и наблюдает, за его ловкими движениями, счастливого человека, готовившего себе завтрак.

Окно было широко открыто, и он был совсем рядом. Толстенький, умиротворенный и очень довольный и собой, и песней, и яичницей.

Вот так нужно жить, подумала она, любуясь мужчиной. Во всем находить радость, петь, смотреть на восход, готовить завтрак.

Она не могла оторвать глаз от этого необычного зрелища. Не то, что она – бежит из своего дома, оставив детям бутерброды в контейнере и чай в термосе. Бежит от усталости будней, в этот летний рассвет, чтобы почувствовать какую-то неведомую непостижимую красоту утра, неба. Здесь она черпала силы, чтобы прожить целый день в рабочей рутине и вернуться домой, уже в толпе людей, озверевших в своем недостойном человека кроссе в суету.

Мужчина, между тем, опять открыл холодильник, вытащил еще что-то в дополнении к завтраку.

И запел новый романс. Она заметила, что он сильно загоревший, наверное из отпуска недавно, а еще она вдруг ло-

гично вывела, что он человек очень состоятельный. Дом, в котором он сиял в окне, был из очень дорогих в городе. Окна были вставлены, не обычные стандартные стеклопакеты, а стекла были с какой-то неведомой прожилкой. Да и общий вид крепыша говорил о хорошем достатке и отсутствии проблем.

Ей вдруг нестерпимо захотелось оказаться на этой кухне, рядом с этим теплым человеком, разделить с ним завтрак, разделить наушники пополам, послушать одну и ту же мелодию.

Очутиться в этом чужом уюте, хоть на пару минут. Просто так. Ей хватило бы впечатлений на целую жизнь. Она бы просто посидела, заразилась бы от него здоровьем, силой духа, весельем, благополучием и удачей. А это все у него там в окне было. Просто стояло столпом-опорой за этим коренастиком.

В это время на кухне появилось лицо. Неожиданно и резко. Женщина в чем-то белопрозрачном, она сделала потягушки, толстячок как-то сразу сник. Быстро снял наушники и поднес к уху мобильник.

Дальше можно было не смотреть. Как будто погас свет, выключила хозяйская женская рука. Выключила и свет, и музыку, и самого мужчину.

Дальше, наверное, они завтракали обыкновенно, он ей врал, что у него дела, поскольку он исчез из кухни, а жена стала тоже говорить с кем-то по телефону.

Больше смотреть было не на что. Она шла и думала, как этот толстячок радовался минуткам, в которые был один, свободе выбора, пусть даже еды из холодильника. И как все гаснет под прессом семейных отношений или отсутствия таковых.

Этот мужчина был точной копией её самой. Она вот так же по утрам сбегала, чтобы побыть одной, выпрямиться и посмотреть на небо. Хоть полчаса, такой необходимой воли. Встретиться с собой.

И она почувствовала к этому незнакомому толстячку нечто вроде влюбленности. И благодарности. И жалости.

Но надо было на работу. И она поспешила к метро. И не оглянулась. Зачем. Подсматривать не хорошо. Она уже корила себя за эту случайность.

4 июля 2018, бестетрадные.

Время дат

При всей своей загруженности, Павел имел добрую привычку – помнить все нужные даты. То есть он помнил все дни рождения, не только нужных людей. Он помнил даты разводов, свадеб, дней знакомств и прочие ну, совсем уже, ненужные и неактуальные события, время, когда они прошелестели или ударили громко в жизни кого-то из его знакомых. Такой это был феноменальный дар. Может и не совсем дар. Потому что Павел все-таки, на всякий случай, записывал все эти числа в свой талмуд, и при случае, зная, что это вызовет неподдельное удивление, а то и восхищение, мог внезапно явиться в нужный день и огорошить не только поздравлениями с грядущим праздником, но и с налету прилагавшейся к нему бутылкой шампанского или водки, зависело от торжества.

Все эту особенность его знали, высоко ценили и вовсе не озадачивались тем, что вслед за поздравлениями от Павла шла какая-нибудь ненавязчивая просьба, какой-то намек на возможный гешефт. Все равно его визит казался праздником. Еще бы! Когда все уже про тебя забыли. И вдруг, из темноты Прошлого выныривает Пашка, с его бутылкой, и приятности говорит, и утешает, по обстоятельствам.

Сегодняшнее утро было обыкновенным. Пашка встал с

той ноги, потрепал детей ласково по затылку, сказал несколько ласковых слов жене. Потрепал за ухом собаку. И полез за своим талмудом. С датами. Он еще вчера решил проверить дату одного нужного товарища. Повод был устаревший и не очень значительный, но этим самым и удивить можно было сильнее. Когда-то, двадцать пять лет назад, этот его товарищ развелся с женой. И Пашка вытирал ему слезы и сопли. Сегодня, же когда этот его товарищ очень удачно женат и не вылезает из-за границ, пора его поздравить с двадцатипятилетием его свободы.

У Паши даже подарок был приготовлен – на этот случай. Серебряная калоша.

Купленная им по случаю, у какого-то алкаша. Забавная вещица, показалась Пашке. Авось пригодится. Вот пригодилась. Вот только он слабо помнил число. И Пашка полез за своей записной книжкой.

Конечно же, всю эту писанину можно было давно перенести в интернет, но была какая-то особая прелесть в этой старой записной книжке, с её тайнописью, с её пометочками, кружочками, понятными только ему.

Талмудика на месте не оказалось. Пашка окликнул жену. Но она ответила отстань. И то правда. У них так было заведено, что никогда в бумагах друг друга они не рылись. Пашка стал искать в столе, под столом, на полках, на полу, в старых кофтах, пиджаках. Книжицы нигде не было. Он конечно помнил и так, но очень приблизительно. А здесь как никогда

нужна была точность.

Точность свободы – серебряная калоша. Почти как серебряная свадьба.

Он еще долго вертелся по квартире, но книжицу так и не нашел. Придется так, вроде в тех числах. Пашке необходимо было сделать визит к своему бывшему товарищу, поэтому он и выжидал такого, может быть мало подходящего момента (подумаешь, развод), да еще двадцатилетней давности. Но у Паши дозревал сын. А он хотел в МГИМО. А это мог обустроить только бывший однокашник В.

И Пашка, не долго думая, схватил серебряную калошу, завернул её в парчовую тряпицу и убежал из дома.

Дом товарища В. Находился на Арбате, где же еще ему быть. И Пашка за каких-нибудь два часа уже раскланивался с консьержем.

На его робкий звонок, дверь тут же открылась, как будто кто-то стоял за ней в ожидании его, Паши.

Мимо него что-то пронеслось, оставляя шлейф дорогих духов, и громко хлопнула дверь. Пашка от неожиданности вжался в стенку.

– Аллё, алёе... – пошел он по длинному коридору. Никого. Слева, вдалеке была кухня, он увидел спину какого-то мужика.

– Аллё... Можно?

Мужик оглянулся. Мутный взгляд его не сразу сфокусировался на Пашке.

А тот, в свою очередь, не сразу опознал в широком красном лице – друга молодости. Впрочем, было некоторое сходство. Однокашник плакал. Он не плакал даже, а рыдал. Вздохнул. И уже через минуту друзья молодости обнимались. И Пашкина грудь принимала рыдания и всхлипы, горестно говорившего не понять что, несчастного своего приятеля.

Уже после первой рюмки, Павел узнал, какой неблагородной и неблагодарной оказалась Василиса. Да, это она его чуть не сбила у входа, это она укатила навсегда со своим молодым любовником.

Она, она... она... Каких только слов не услышал Павел в сторону исчезнувшей половинки. Все было ровно как двадцать пять лет назад.

Паша сидел, утирал слезы несчастному, полез в карман за платком.

И там вдруг нащупал серебряную калошку. Как она оказалась кстати. Пашка достал её бережно, извлек из парчовой тряпицы и поставил перед другом на стол.

Уже через несколько минут оба хохотали, вспоминая те, первые слезы после ухода первой блудной жены, и теперь сквозь смех вспоминали уход нынешней.

Короче, калошка очень оказалась кстати.

А что касаясь точности даты, ну ошибся Павел на один день.

Разве в этом дело. Комизм ситуации все одолел. Калоша пришлась очень кстати.

Потом много чего было. И Пашкин сын пошел учиться, куда хотел, и новая жена заступила на свою вахту. И что главное, Пашка нашел свою записную книжку в туалете на полочке, где любил ею полистывать, извлекая пользу.

А вы говорите: «Бремя дат, бремя дат!»

2 июля 2018, бестетрадные.

Разъезд

Они любили раз в год набиваться в его тесненькую квартиру всем своим бывшим курсом, по крайней мере в том количестве, которые оказывались в этот день в городе.

Это был его, Валькин, день рождения, 1 апреля. И поэтому легко запоминался, легко отмечался. И дата предполагала несерьезность подарка и общения.

Валек, был юноша уже взрослый, давно минул ему тридцатник, был не женат. Жил один, и поэтому дом его располагал к чисто мужским посиделкам.

Приятелей всегда удивляло, если не сказать слегка коровила, удивительная скромность Валькиного жилья. За долгие годы послешколья, он не обзавелся ни машиной, ни всякими другими атрибутами современной жизни. Дом его был пуст, нищ и свободен. В нем было самое-самое то, без чего ну, никак не обойтись.

Мужики недоумевали. По слухам Валентин владел какой-то конторой, был, так сказать, её боссом, но встретил их как всегда – в трениках, и как бы нехотя стал выгружать подарки. Подарков была тьма-тьмущая. Все Валентина жалели, видели его прямую нищету, и поэтому молча тащили ему все, что им было ненужно, переподаривали, сгружали со своего роскошного плеча. Но не только. Обвинить их в кро-

хоборстве не приходилось. Они всегда сбрасывались ему на нужную вещь, клали купюры в конверт и желали ему, Валентину, ну вот срочно «встать на ноги».

Он, улыбаясь, принимал подарки, смущенно сбрасывал их на хлипкую тахту, и они шли на кухню.

И начиналось то, ради чего они хором сюда наведывались аккуратно раз в год. Без жен, без детей. Только те, из детства. Родные, необманутые, помогающие.

Валька был их проблемой. Как-то он в этой жизни стерся и облек. И это их задевало, даже объединяло помочь вынырнуть на высоты социальные одаренному, они это знали, товарищу.

Товарищ смущался, вырывался из объятий, пожеланий богатств и мирно пил с ними водку. Они всегда пили водку, так, по-простецки.

Все они преуспели, все были с семьями, машинами, гаражами, домами, виллами, островами и почему-то им не давал покоя унылый образ жизни их сотоварища. Они Вальку любили, его нельзя было не любить. Умный, добрый, красивый, он держался особняком. И на этот раз он не выказал особой радости пакету с деньгами, на мелкие расходы.

Они попили, поговорили, перемыли кости всем женам, тещам, начальникам. Застолье получилось как всегда щедрым, и главный тост был произнесен не однажды, а как-то часто и настойчиво!

– Валя, будь богатым. Денег тебе побольше. И смотри,

чтобы в следующий раз...

«В следующий раз» включало наилучшие пожелания, со списком всех богатств мира и строчкой в журнале «Форбс».

Валя обещал, ну кто, если не он, имеет все возможности, с его-то головой, с его-то руками. Друзья знали, что он программист отменный, другая часть – что он художник. Оба были уверены в своей правоте. Держит же он какую-то контору, в которой он босс.

Конечно, никто и не вникал. Мужик взрослый, разберется. Но пора бы уже. Они, конечно же, душой отдыхали с предметом далекого милого детства. И уходить из его каморки не очень хотелось. Но дело оборачивалось так, что Валькин дом был похож на какую-то черную дыру, прорву, в которую заглывалась вся щедрость друзей. И невероятная эта щедрость обо что-то всегда разбивалась. Все дары были тщетными. И Вальку по-прежнему, нельзя было предъявить ни на одном рауте в их высокой сфере. Стыдно, не поймут. И сколько бы ему не дарилось костюмов, джинс с их плеча, вообще не ношенных или чуть-чуть, Валька своим треникам не изменял.

Для них было тайной, как он выглядит на улице. И вообще, им казалось, хоть ни разу не признались, что на улице-то они его не узнают. А собирались они у него постоянно, в день первого апреля, потому что была у них особая договоренность – сделать из Валентина человека. Постольку, тогда в школе, на выпускном, он показал лучшие свои человеческие

качества и спас их от возможного скандала. Уже мало кто из них помнил подробности того случая, но появился азарт, вырвать Валентина из рук нищеты.

«На посошок» всегда вставал с рюмкой Валентин.

– За аскезу, друзья, – произносил он и смачно выпивал.

Ну, как-то очень смачно.

– А кто такая «аскеза»? – поинтересовался уже за дверью кто-то.

– А, хрен её знает, – равнодушно ответил голос.

Друзья разъезжались по домам. И это, доложу я вам, было достойное зрелище. Валька видел это из окна. И махал им рукой.

2 июля 2018, бестетрадные.

Изнанка

Первым эту странность в ней заметил старший сын.

С открытым раздражением посоветовал быть поаккуратнее. Он назвал гостей, она суетилась весь день, накрывая стол в гостиной, и совершенно не обратила на этот пустяк внимание. Она вышла к гостям в платье, которое было хоть и не новым, но самым изысканным в её скудном гардеробе. И она надела его на изнанку. Платье было вывязано крючком из довольно грубых шерстных белых нитей. Оно было оригинальным, когда-то она сама старательно вывязала его, когда длинными, ничем не заполненными вечерами сидела на кухне в ожидании звонка. И вязала, вязала. А он не звонил. И не позвонил никогда. Но платье получилось роскошным. В него вложила она все свое узорчатое настроение того времени. И все надежды, на его возвращение. Но он не вернулся, а платье осталось. И всегда выручало её в редких раутах в их доме.

Оно походило на бледно-сиреневое облако, и казалось, что её просто нет в этом пушистом объеме. Это был первый её вязальный опыт и поэтому хорошо, что никто не мог увидеть это платье с изнанки. Там то были сплошь оборванные нити, узелки и прочие некрасивости испода.

Но тут получился конфуз. Все эти грубые небрежности

явились всем гостям в неприглядном виде. Повисла даже, непредвиденная в веселой компании, пауза. Так нелепо выглядела хозяйка.

Сын быстро ухватил её за плечи и, шипя ей что-то в ухо, вывел из комнаты. Она тут же услышала за спиной смех молодежи. Впрочем он быстро затих. О ней сразу забыли.

Сын поставил её перед зеркалом в спальне, и молча вышел из комнаты. Она увидела свое отражение и сама улыбнулась. Все платье было в узелках-хвостиках. Болтались нитки. По бокам грубили обнаженные швы. Они топорщились, будто скалились на кого-то, защищая хозяйку.

И она вдруг поняла, и приняла эту защиту этой огрызнувшейся одежды. Она встала на защиту её ненужности, её вечному спеху угодить чужим гостям, платье было своей изнанкой за неё горой – защищало от унижительного смеха друзей сына. И наоборот, согревало и нежно-ласково касалось тела лицевой стороной.

Она слегка оторопела от этого нового ощущения защиты и ласки. И не поверила. Но постояв еще минуту, она поняла, что дело обстоит именно так. Так и с её изнанкой.

С утра до ночи она хлопотала, бегала, все время была в каком-то движении, чтобы вывернуться наизнанку – перед мужем, который этого не замечал, перед детьми, которые принимали все её старания как должное. И выражение «вывернуться наизнанку» стало её обычным состоянием, девизом жизни. Она глянула в зеркало. А ведь изнанка выглядела

очень даже отвратительно, непрезентабельно, для окружающих просто оскорбительно.

Надо было переодеть платье.

Но она не захотела. С лицевой стороны тело ничего не требовало. Кожу ничего не царапало, не травмировало.

Может и надо так носить. Чтобы лаской к телу. И наплевать, что видят окружающие. Она провела рукой по шероховатостям узелков.

И вдруг поняла, что это не случайность, что последнее время она часто слышала замечание в свою сторону, что «у вас... у тебя... кофта наизнанку». Значит, она подсознательно уже давно надевает вещи изнаночной стороной. Чтобы избегать грубых швов. За последние годы, от страхов, людской грубости, и незвонков, она вся истончилась, кожа её стала до такой степени болезненно-незащищенной, что она сама нашла помощь носить все швами грубыми наружу. Она вспомнила, как своим новорожденным детям надевала распашонки и там все швы были не к тельцу, а снаружи. Для младенцев это было продумано. Кожа их нежна.

Она улыбнулась этому открытию. И подумала. Хорошо бы еще и обувь носить наизнанку. Тогда бы не было никаких потертостей и мозолей.

В комнату заглянул сын. Обнаружив, что она все еще не переделалась, недовольно хлопнул дверью.

Она почему-то даже не оглянулась на эту грубость. Изнанка защитила её. Это точно. И пусть все будит недовольны.

Она же оставит эту ласку лицевой стороны платья для себя. Так уютно, ничто не царапает.

«И впредь буду все так носить».

В этом будет может быть и вызов, но выстраданный. Она поняла, что её нужно беречь, как новорожденного. И знала, что некому этого делать. Пусть будет хотя бы платье. Оно так неожиданно вступилось за нее.

Когда она вошла в комнату в прежнем виде, заранее зная, как разозлится сын и будет стесняться материнской старческой рассеянности, то слегка робела ненужного внимания к себе.

Но ничего такого не произошло.

Одна из девиц с рыжей веселой копной волос, ткнув палец на платье прогремела достаточно развязно:

– Изнанка – хорошая примета... К обновке.

И все разом успокоились и продолжали есть домашние пирожки. И только один гость, мрачный молодой человек, процедил грозно: «Биты будете».

«Буду бита? Нет! Не буду», – подумала она весело.

Изнанка была на месте, и она защитила. И сейчас. Сын только пожал плечами, дескать, что взять со старого человека.

А вот это уж было совсем неправдой. Она была не старым человеком, а новорожденной. Это право новорожденной давала ей изнанка, которая уже давно просилась заступиться за неё перед этим равнодушным, жующим миром. Закрывать

её от недоброты и ударов. И чтобы не царапало, не кусало её бытовое прозябание. Пусть её считают рассеянной старухой, но она будет держать в себе это новое открытие, и укрывать свою младенческую незащищенность за грубыми швами изнанки.

И только одно её озадачило, почему раньше не пришло это простое открытие в голову. Скольких рубцов можно было избежать. И самой не выворачивать наизнанку перед всей равнодушной публикой её жизни.

Она ласково погладила узелки на платье. Очень хотелось сказать кому-то спасибо. И она сказала.

11 июля 2014, бестетрадные.

Чужеземка

Она приехала в их дом издалека. Из чужой, неведомой, и финансово недоступной их семье, страны. По незнакомой чьей-то капризной воле, и в самый неподходящий момент. И сразу случился скандал.

– Что это? – Людмила с неприязнью разглядывала вещь, с трудом отрываясь от кучи квитанций всякого рода, на уплату за жизненный комфорт.

Она вертела в руке эту непривычную вещицу и не сразу поняла, что это за предмет.

– Я что? Ювелир ? Или следователь? Или старуха столетняя? – ярилась она на мужа.

– Ты – ювелир моей души, и следователь, – улыбнулся он. – Вот не мог устоять. Согласись, она красавица.

И он ушел на службу, оставив Людмилу раздосадованной, потому, как она не успела ему сказать еще о зря потраченных деньгах на очередную никчемную штуку. Поскольку сразу поняла по облику этой гостьи, что лет ей за столетие, явно. А возраст её увеличивает и цену. Вот бы так и у людей.

Огорченная Людмила бросила лупу на стол, прямо на бланки неоплаченных квитанций. Светом настольной лампы сразу высветилось квадратное окошко линзы. И появилась сумма долга. Очень разборчиво. Грозным напоминанием о

легкомыслии мужа.

– Дурак, совсем, – проворчала Людмила. И взяла лупу в руки. Пальцы почувствовали тепло деревянной рукояти. Живое тепло.

Лупа была очень тяжелой, начищенная бронзовая оправа придавала ей аристократизм некоторый, и была свидетельством о прежней её неведомой и, скорее всего, богатой жизни. Вид у неё был дорогой и неприступный.

Бронзовые бока прямоугольника источали благородство, даже винтики, которые держали стекло, были украшены резьбой. Окошечко линзы было удивительно чистым, даже каким-то сиятельным. И муж был прав – Красавица!

В этой вещице было столько благородства, что Людмила вдруг стала подробно её рассматривать. Вот какие-то щербинки на ручке, её много держали в руках. Странная, прямоугольная форма её, была как бы вызовом привычным круглым формам лупам нашего теперешнего обихода. Ширпотреба всякой. И её тяжесть тоже придавала значимости в истории, и веса. И что с ней было? Кем исполнена? Почему вдруг сюда, в её безалаберный дом, где не только никогда не было лупы, даже очки никто пока не носил. Лупа лежала на столе и её стекло пускало зайчик прямо в лицо. И почему-то раздражение Людмилы поутихло, а проснулась давно дремлющая ученическая любознательность.

Она открыла ноутбук. И уже через каких-то полчаса знала о лупах многое. Точно такого образчика, как её гостя,

она не встретила. По фотографиям она находила схожесть и поняла, что этой вещице около двухсот лет. Более того, она узнала много интересного об оптической истории, о мастерах линз. Образовалась на этот счет сильно, и на лупу стала смотреть другими глазами.

Она, в свою очередь, стала осматривать людмилиин дом и саму Людмилу.

Она как бы сильно приблизила и увеличила все предметы, и образ жизни всего – от стен, давно не знавших ремонта, до включенной головы Людмилы, до грязных концов пояска домашнего халатика, и оторванного помпона на тапках.

Людмила под этим пристальным, почти криминальным осмотром чужестранки вдруг увидела приближенный и сильно замусоренный мир своего дома. Его пространство было беспощадно оценено строгим толстым стеклом беспристрастного «оценщика».

Людмила схватила лупу и поднесла к своей ладони. И тут же увидела каждую хозяйственную морщинку на ней. Потертость пальцев от вечных стирок и мозоль от ручки тупого ножа.

В поле зрения попало и обручальное колечко. Его турецкое происхождение оскорбило, верно, лупу. Она выпала из рук и бухнулась на стол со странным звуком. Людмила испугалась, что разбила, а может и обрадовалась, что этот беспощадный глаз треснул. Но ничего не случилось.

Лупа эта и не такое видела. Скорее всего, она за свою

жизнь повидала не только бриллианты чистой воды, но и следы-улитки, отпечатки пальцев дурных и всяких людей. А может она смотрела внутрь всяких часовых механизмов и подружилась под их тиканье со временем.

Людмиле захотелось попросить прощения у этой леди, за небрежное отношение к ней и её падение.

Что она и сделала. Потом долго искала куда бы поместить красавицу, чтобы и под рукой была, мало ли понадобится, и обезопасить от падения. Она долго носилась с лупой по своей захламленной квартирке. Заодно обнаружила много того, что нужно было выкинуть, и что никак не уживалось с новым роскошным предметом из старины. И казалось неуместным и оскорбительным строгому оку её. Она, Людмила, обозревала теперь свой очаг этим чужим оком, и себя тоже. И очень осталась недовольна – и тем, и другим. В голове её зрели идеи вдруг, совсем её до этого не посещающие.

Когда поздно вечером вернулся муж, робко открывавший дверь своим ключом, потому что приготовился к привычному скандалу по поводу неразумно потраченных денег, то удивился какой-то небывалой тишине. Не орал телевизор. В коридоре мягко светилось никогда не работающее бра. В квартире был ослепительный какой-то новый порядок. Он скинул стоптанный башмаки и побежал в комнату. Не случилось ли чего. Он заметил новые тяжелые шторы на окне необычного золотистого цвета. Все было прибрано, весь ненужный бумажный хлам был убран с полок. Появилось ка-

кое-то новое пространство наполненное светом и воздухом.

Он побежал в спальню. Там он обнаружил огромную незнакомую кровать, застеленную немислимым шелковым бельём.

Поверх всей этой роскоши спала Людмила в незнакомом халатике. Она крепко спала, сном уставшего за день человека. И муж с удивлением обнаружил, что рядом на шелковой подушечке лежит лупа. Дамы отдыхали.

Вот и определись с этой женской логикой. Еще утром жена негодовала и с брезгливостью поведала ему о том, что терпеть не может антикварное барахло, и кто эту лупу в руках держал неизвестно! Надо бы её спиртом протереть, прежде чем в дом тащить.

«Наверное протерла», – подумал муж, погасил свет в спальне и тихо пошел на кухню.

Выходя, он зацепился за тапочки жены. Наклонился их аккуратно возле кровати.

«Смотри-ка ты... И помпон пришила», – поощрил он жену.

Этот полуоторванный помпон сильно раздражал его последние дни и породил скандальчики.

И ужин, оставленный для него на столе показался ему необыкновенно вкусным. И даже электрический чайник не так сильно шумел, наверное боясь разбудить двух новорожденных. Или гостью.

24 февраля 2014, бестетрадные.

Вторжение

Они ворвались в её дом как мамаева орда. Громко-звучные незнакомцы, со слегка выпученными восточными глазами, и из всех исковерканных плохим знанием русского языка, она поняла только «трубы». Они пришли менять трубы. Откуда решили, кто приказал, но, услышав угрозу – «отключим воду, если...», – Татьяна сдалась. Сдалась этим вторженцам, хоть ей и очень жаль было ломать роскошный серо-бежевый кафель. Ванная комната была вообще предметом её гордости и зависти. Здесь было продумано, все канализационные устройства были спрятаны, обшиты и ничем себя не выдавали. Продуманное освещение, сама ванная по происхождению – французенка. Что там говорить. От одной мысли, что эти мужики сейчас разом лишат её этого стерильно-уютного и любимого, особенно по утрам, места, застали Татьяну врасплох. Она только руками развела. И сдалась.

Она ушла в дальнюю комнату, чтобы не слышать незнакомой гортанной речи, грохота дрели и прочих устрашающих звуков этого вторжения.

В комнате она плотно закрыла дверь и подошла к окну. Стала смотреть на улицу. Но увиденное на улице мало успокоило её. Неслись машины, увозя своих равнодушных хозяев, шли пешеходы резвой трусцой, видно опаздывая на служ-

бу. Небо было серым и тучным, и обещало дождь или снег.

Мрачность картины усугубил разгулившийся под окном грузовик, с теми самыми трубами. Их стали разгружать и Татьяна отвернулась от окна.

Её угнетало только то, что после ухода этих горцев надо будет делать в ванной ремонт. Мало того, что этот факт сам по себе угнетал, но тревожило то, что денег на это не было. Изразцы в ванной комнате были из той еще, далекой теперь «невозвращенки» – жизни то есть той её давней, когда ей все было все-равно, и она могла себе позволить любой ремонт, любой кафель. Она жила на широкую ногу, и ремонтники, которые отделявали эту квартиру сразу почувствовали в ней редкую женщину. Богатую и не жадную. Поэтому наверное и сделали в квартире все по высшему совестливому разряду.

Но время сдвинулось. Ушло в минус. В минус во всем! В возрасте здоровье, работе, деньгах. Сейчас этот минус грозился вытянуться в длинное тире. Татьяна даже не пыталась думать о том, что с этой «дырой в нищету», она так мысленно назвала пролом в стенке ванной комнаты, она останется до конца своего жизненного похода.

А горцы всё горланили, кричали друг на друга, дверь на лестницу была не закрыта. Они бегали туда-сюда, с этажа на этаж. Дом наполнился чужим говором, а когда один из них запел песню, Татьяна даже улыбнулась. Только закрыть глаза и ты как будто на Кавказе, куда много раз её возили родители. Она много раз слышала эти песни. И тогда они ей очень

направились, своим непривычным для уха мужским многоголосьем.

Татьяна закрыла глаза, послушала. Нет. Эффект был другой.

Пение это в её доме вызвало только раздражение и почти детскую обиду.

И немножко необъяснимого страха. Чувство острое, как у животного, которую ведут на бойню, охватило Татьяну. Она стремительно вернулась в комнату и села к роялю. Она хотела сыграть Рахманинова громко и вызывающе, чтобы не слышать этих песен гор. Но неожиданно заиграла «Сулико». Потом «Тбилисо», потом «Ереван». Она играла по памяти все что помнила из музыкального обхождения всех горцев.

Одну из мелодий вдруг подхватили пришедшие мастера.

И Татьяна обнаружила их всех за своей спиной. Они подкивали ей кивками и улыбками. А один, помоложе, даже станцевал, сделав круг по паркету в грязных башмаках. Потом раздались дружные аплодисменты.

А дальше случилось то, что может случиться при абсолютном доверии и любви. На столе в кухне появилось вино и белоснежная брынза и фрукты.

Трубы были заменены уже через минуту, а по приказу бригадира усатого и смешного тут же была заделана дыра, и наклеен кафель. с розочками на белом фоне. Все это выглядело букетом ярким и даже живописным. Дыры как и не было.

Горцы ушли, шумно и долго провозглашая достоинства хозяйки. А Татьяна убирая кафельные крошки на полу ванной, все думала: «Что это было? Что это было?» Но думалось ей уже совсем без всякого страха. Она улыбалась, глядя на оригинальный импровизированный букет на кафеле. Он остался теперь здесь навсегда. И, никакой дыры в нищету.

25 февраля 2014, бестетрадные.

Первая любовь

Все, конечно, помнят ярко и сильно свою первую любовь. Пронесят воспоминание это через всю жизнь, обогащая её всякими прекрасными возможностями и невозможностями. С нею всегда связаны самые сильные и драгоценные воспоминания. Обычно это девочки или мальчики. У Галины все было не так. Её первым сильным и громким открытием был – рояль.

Никогда потом, ни в каких любовных отношениях, не чувствовал такой нежный трепет как тогда. В детстве.

Они жили в маленьком раздолбанном войной городе, где в одном из уцелевших зданий был местный дом культуры, а в нем – филиал музыкальной школы, в которую она поступила. И там, на сцене, на обшарпанных, не очень чистых досках, он и стоял. Он был посланцем из какой-то другой жизни. Строг, красив и, как бы, просил не трогать его руками. Но его трогали! Еще как.

Галина, если случалось придти раньше на занятия, с испугом и отвращением наблюдала, как пыль с него стирает тетка Зина, уборщица, половой тряпкой, а какие-то парни фривольно бацают на нем – то марши, то липкую простенькую музыку.

Когда она поднималась на сцену, и тихо, с нотной папкой в

руках останавливалась у кулисы, мужчины не останавливали свои наигрыши, но когда входила на сцену учительница её по фортепиано, они смущенно ретировались.

Еще бы. Она поднималась по ступенькам медленно и царственно подходила к инструменту. В детстве она еще не могла знать такого определения, но потом уже понимать стала, что учительница музыки была у неё необыкновенным человеком. И фамилия у неё была хоть и трудная, но зато алмазной резьбой запечатлялась на всю жизнь. Дизенгаузен. Загадочно и маняще звучала она, и вызывала робость, потому что ни на какие фамилии не была похожа, как и её хозяйка.

– Приступим, деточка, – говорила она спокойно, и регулировала для неё прирояльный винтовой стул. У неё это получалось ладно и точно.

Сама она была очень преклонного возраста. Седые волосы были заколоты роговым гребнем. Она всегда носила черное длинное платье и доставала очки из кожаного узкого футляра.

От неё исходил аромат какой-то другой жизни. Она была строга, опрятна, немногословна. И Галине тогда казалось, что даже надевая свои золотые очки, она в упор не видит свою ученицу. Она слушала скверное её исполнение сдержанно, не раздражаясь на ошибки, и никогда её не ругала за них.

И Галине никогда не казалось, что это от хорошего к ней отношения, она, эта старуха, была равнодушна к ней. И это

равнодушие к скудно одетой девочке в шароварах, с рабочей окраины, куда она приезжала обучать её игре на фортепиано, она терпеливо выполняла свои обязанности, но при этом не присутствовала.

Галина очень робела её, эту старуху, но полюбила её за то, что она имела право подойти к роялю свободно и смело, смахнуть с его клавиш, очень дружески, невидимую пыль своим носовым платком, потом пробежала по клавишам какой-то музыкальной фразой, тоже из другой жизни. И рояль отвечал ей громким веселым звуком.

И тут Галина была в сторонке и понимала, что этот рояль, в который она влюбилась сразу и навсегда, не отзовется ей таким звуком ровни. И это её огорчало отчаянно. И она всем своим детским сердцем и неловкими руками, просила у него прощения за свою корявость и несуразность. За свои шаровары и штопанную кофточку.

И уже тогда, она поняла, что где-то есть другая, но её жизнь, в которую она должна войти, прямо, не робея. Она уже чуть чувствовала, что эта жизнь существует, стоит таинственным силуэтом у неё за спиной.

И как бы подтверждая это, педагог Дизенгаузен, сказала: – Ну-сс, деточка, приступим.

18 июля 2018, бестетрадные.

Прикол

Калоши были весьма необычного вида.

Они были сиреневыми, в розовые мелкие сердечки. Очень по-девичьи веселыми и легкомысленными. Модного фасона, и легкими. Но, что самое странное – подходили по размеру ему.

К ним прилагалась записка-памятка. Заводская. «Калоши счастья» было написано крупными буквами, дальше помельче – «беречь от огня» и пр. сопутствующая дребедень.

Ян Борисович, почтенный профессор кафедры, был сильно озадачен. Поскольку пакет с этими калошами лежал у него на учебном столе в аудитории, и явно был предназначен ему.

Пока он, отвернувшись от уходящих по домам студентов, аккуратно расставлял методички в книжный шкаф, кто-то, уходя, подбросил ему на стол пакет с этими странными калошами.

Что больше всего удивило его, так это, что калоши были сиреневыми. Никто из студентов, да вообще почти никто из близких, не знал, что он коллекционировал сиреневый цвет. Почему эта страсть жила в нем – тайной было даже для него. Но, видя любую вещь сиреневого цвета, он загорался к ней страстью, и она не исчезала, жгла, пока не приобреталась им.

Калоши стояли перед ним на столе и сияли сиреневой улыбкой.

Конечно, догадался Ян Борисович, студенты подшутили над ним. Они могли заметить и сиреневые рубашки и сиреневый галстук.

«Но не такие уж они наблюдательные», – тут же отверг он свою догадку.

Они давно не смотрят на него, да и не слушают. Все их глаза и любопытство в смартфонах, телефонах, диктофонах. И потом – калоши, педагогу. Странно. Но, тем не менее, калоши стояли перед ним, во всей своей сиреневой роскоши, и очень подходили в его коллекцию. Уже хотелось поставить их в прихожую на сиреневый коврик. Они хорошо бы смотрелись на фоне такого же цвета обоев.

Ян Борисович быстро зашуршал бумагой, упаковал тщательно и сунул в пакет. Хорошо, что никто не вошел в этот момент. А то что подумали бы. Сидит уважаемый профессор и улыбается калошам.

До сессии было еще очень далеко. Осень только начиналась, и взяткой плохо успевающего студента это быть не могло.

Ян Борисович скорее был склонен подумать, что это шутка.

«Прикол», как теперь говорят. Но зачем такой прикол. Что он означает. Прикол – это всегда насмешка. Неужели он дал повод такому к себе отношению. Чем? Что не так.

Ян Борисович стал перебирать мысленно студентов из группы, которую только что отпустил. Группа была маленькой, человек десять всего присутствовали. Но никто не подходил на это творчество с калошами. Студенты были так себе, милыми и заурядными. Более того, о столь ретро-предмете, как калоши, пусть даже и сиреневого цвета, вряд ли кто из них и знать-то мог. Они все больше в кроссовках.

«Калоши счастья». Надо же. Рекламщики, классическую литературу знают. Назвали свою продукцию сказочным именем. Все на продажу, и ради неё.

Однако, что было делать с этой находкой Ян Борисович совсем не знал. Вещь был чужой, и надо было что-то решить, найти хозяина. Хотя Ян Борисович с горькой радостью обнаружил, что калоши ему очень понравились, мысленно он уже определил их в свою коллекцию, своего дома. Где почти все – от посуды до штор и ковра на полу, было этого любимого им цвета.

Ян Борисович вдруг вспомнил, что даже первая любовь его в школе была связана с этим цветом. Девочка, в которую он влюбился, мучительно и надолго, носила пышные сиреневые банты.

Кто знает, может уже оттуда и родилась в нем слабость к сиреневому. Девочка чувств его не разделила, чем сильно обидела, и лишила всяких амбиций юноши в отношениях с женщинами, которые он чувствовал всю жизнь. Он так и жил один. В свое сиреневое удовольствие. В отношениях с

людьми он всегда был осторожен, боялся всяких сложностей, очень любил свой дом. И всем был доволен. Может быть и кошку завел, если бы они были сиреневой масти.

Ян Борисович улыбнулся грустно этой мысли.

Пора было идти домой. И что было делать с сюрпризной находкой? Надо было что-то решать.

Ян Борисович еще раз достал калоши, развернул бумагу. Запрыгали розовые сердечки на сиреновом фоне перед его глазами.

«Нет, не мне оставлены, они похоже, все-таки женские».

Ян Борисович вдруг неожиданно увидел себя со стороны. Сидит этакий очень взрослый мужчина и улыбается как-то калошам.

Тьфу. Он решительно завернул их в бумагу и сунул в пакет. Отдать секретарю, разберутся – что, чьи, кому. Решительно подумал он, и вдруг зажглась мысль. А вдруг это все-таки для меня. Немыслимое приключение – получить в подарок «Калоши счастья». И пусть и в шутку, в насмешку – но это маленькое чудо очень понравилось ему.

«Ни за что не отдам», – Ян Борисович решительно сунул пакет в свой необъятный портфель. При этом сильно потискав и измяв строгие, всегда аккуратно сложенные деловые бумаги.

Пакет с калошами так легко поместился, и так уютно занял пространство портфеля, как-будто именно для этого случая Ян Борисович отказался носить на службу модный

кейс. Худой и узкий, он всегда раздражал Яна Борисовича своей невместительностью.

Щелкнул замок, и Ян Борисович очень легко, и без лишних раздумий, и сшибая на ходу чувство вины, что возможно взял чужое, легкомысленно напевая, отправился домой.

На пути в коридоре он увидел запыхавшуюся свою студентку.

Она бежала в аудиторию и, скорее всего, судя по её взлохмаченному виду, бежала за забытыми калошами.

Но Ян Борисович не стал уточнять. Ему не хотелось знать уже, не хотелось знать, кто забыл эти калоши. Ему очень хотелось чтобы кто-то именно для него оставил эти розовые сердечки.

И чтобы все знали как он любит сиреневый цвет. Цвет неразделенной любви к девочке, а может и просто к людям. И только он один по достоинству оценил, увидел и полюбил эту простую пару калош. И не только потому, что они сиреневые. Ведь в приложении инструкции большими буквами написано: «Калоши счастья».

И как было этому не верить. А вдруг??? Даже, если это и «прикол». Ян Борисович почти бежал на автобусную остановку.

И не стал оглядываться. Домой! И никому не рассказывать. Да!

14 августа 2015, бестетрадные.

Свет

Они появились на улице такими изысканными иностранцами. Стройными, высокими, и в шляпах из плафонов матового стекла, в металлическую сеточку.

Они выстроились вдоль улицы строгим ранжиром как-то очень быстро, в каких-то два дня. Наскочили на неё и замерли, взяв в плен местных жителей надеждой, что они еще и зажгутся.

– Деньги отмывают, – резюмировал сосед Жора их появление. – Поставили чупки, а не подключат. У них завсегда обман.

Он всегда так говорил по поводу ненужных трат местного начальства.

Жора оказался в чем-то прав. Конечно, появление стражей возможного света обрадовало местных жителей, поскольку единственным освещением для них в темные осенние ночи был экранчик собственного смартфона.

Но Жора оказался прав. Прошла длинная темная осень, надвигалась зима, а фонари так и стояли черными палками. И в шляпах их плафонов уже сугробился первый снег.

Жители уже и к этому привыкли, только в темноте молодые мамы старательно объезжали с колясками новые препоны, да собаки местного значения не забывали в собствен-

ную радость отмечать каждый столб поднятой лапой.

Жизнь налаживалась, привыкали и к этому, новой бутяфории.

Полина шла с тяжелыми сумками из магазина и, перейдя мрак улицы, поспешно поставила их на низ строительных лесов, чтобы передохнуть. Леса строительные тоже здесь были вечными.

Они выросли много лет назад вокруг красивого исторического, и должны были по срокам уже корни пустить. Поскольку они назывались лесами. Пусть и строительными. Может и пустили. Никто не приглядывался. Нижние доски часто служили нуждам бездомных и кошек и собак, а иногда и подгулявшим удавалось прикорнуть на них не без комфорта.

Полина поставила сумки, распрямила спину, и полезла в карман за носовым платком, очки залепило густыми снежинками. Надо бы протереть.

Тоска, тоска, тоска. Темнота и холод декабря мрачили настроение. Она с грустью рассматривала редких прохожих, с бледно-голубыми лицами от подсветки телефонов, они напоминали ей то ли ангелов, то ли призраков. В зависимости от настроения.

– Ангелы, – решила сегодня Полина, надела очки и тут же передумала. – Призраки!

Подхватив с лесов сумки и глубоко вдохнув с решительностью собралась идти дальше, как вдруг взгляд её споткнул-

ся о женщину.

Она стояла в арке дома, изящно облокотясь о стену дома.

Она была в спецодежде, в каске строительной, комбинезон был обильно испачкан известкой.

Поза в которой стояла она, красивое лицо её, и особенно – взгляд величавых темных глаз, которые казалось освещали и лицо, и комбинезон и всю улицу. Такой исходил от неё свет. Глубинный и непостижимый. Красоты и любви к кому-то, там! Далеко! Высоко!

Полина не сомневалась, что она правильно почувствовала эту мысль, уловила состояние отдельности и важности этой женщины. Которая смотрела вдаль поверх всех скромных жизней и событий, происходивших на этой темной, заснеженной и чуждой ей улице.

Она смотрела поверх всего и с такой нежностью, грустью и причастностью её к чему-то недоступному и совершенному, доступному только её умным прекрасным глазам, перед которым тушевались и грязный комбинезон и известка на нем.

Полине захотелось подпрыгнуть, чтобы попасть в силу этого взгляда. Но женщина была высокой, и вообще, она как на горе стояла.

И вдруг разом зажглись все фонари на улице.

Вспыхнули ярко и надежно. Теплым почти солнечно-желтым светом. Это получилось вдруг, и так нарядно-празднично, что кто-то из прохожих заплодировал и крикнул «ура» в конце улице. Идти домой стало сразу быстрее и легче.

Полину встретил Жора прямо у двери.

– Не зря я писал во все инстанции... Испугались. Не зря, – торжествовал он победу.

– Зря, – ответила она соседу.

Она-то знала отчего ожили фонари на улице. Она знала! Знала! И могла только резюмировать не без восхищения. – Надо же!

И она это видела!

Она не могла видеть, что Жора в своей комнате, уже пытался достать шваброй до фонаря из открытого окна.

Уж больно свет обнажил прокуренное запустение его комнаты. Аж слепил этот фонарь, будто прямо в комнате помещился.

Швабра, увы не дотягивалась до плафона чуть-чуть! Но, похоже, фонарь был обречен.

Жора всегда добивался. Не привык отступать.

Засвидетельствовано 15 декабря 2018, бестетрадные.

Пластик

Быть Злой ей было всегда в тягость. Она не любила в себе холодную и острую сталь, от которой шла волна неприятия всего и всех.

В такие минуты-часы она не подходила к телефону, взбиралась на антресольную часть комнаты – на свои нары добровольные под потолком. И только тогда ей было уютнее и безопаснее.

И злоба её прыгивала вниз, и жила отдельно. Хотела – шла на улицу гулять, и там, с прищуром высокомерия, держала прохожим. А то, устав от отдельности, возвращалась, и уже взяв жестко так хозяйку под руку, заставляла спуститься с нар в пропасть неуютную дома, где не было никого, ничего, только эхо от вечно лающей соседской собаки. И это было невыносимо.

Она стучала в сердцах соседу в стену, что-то кричала, но злость не отступала. Выхода было два – в окно или в дверь.

Сегодня был выбран второй – дверь. Тяжело гукая металлом, она закрылась за хозяйкой и осталась ей верным сторожем.

Выскочив во двор, и швырнув пакет с мусором в бак, она шагнула за ворота двора.

Шла опустив голову, и старательно прогоняя рапидом и

виды улицы и прохожих на ней.

Она знала эту свою асфальтовую тропу, каждую выбоину в ней и разлом. И точно знала что зацепится за «нечто» там, на углу. Это нечто фигой всегда выросло внезапно перед носком сапога. И тут же пряталось, исчезало.

Потому что она, падала неоднократно, но враждебную к ней зацепину так и не обнаружила. Хотя и смотрела под ноги.

И как было не злиться.

Дул ветер. Резкий и неприятный. Пахло корюшкой. Она терпеть не могла этот запах.

Потом – больше, она увидела этот прилавок, с россыпью серебристых рыбок. Пришлось перейти на другую сторону.

И тут ей навстречу из-за угла вышла невеста. Настоящая, в белом. Высокая и красивая, она шла одна. Шла не торопясь, смирившись с приговором, который, по-видимому, только что вынесла ей жизнь или еще кто-то.

Ляля (так назовем героиню) уступила дорогу широкому подолу платья невесты, а та вдруг, ни с того ни с сего, впихнула ей в руку свой серебристо-белый букет. Он блеснул на солнце крупными ромашками и флердоранжем.

– Живи ! – приказала невеста то ли Ляле, то ли букету. Села в машину и уехала. Ляля заметила, как зажатый дверцей, торчал шлейф от платья, он был похож на флаг капитуляции.

Ляля с букетом немножко постояла на месте прислушиваясь к чему-то. Потом поднесла букет к носу. Цветы оказа-

лись фальшивыми. Неживыми. И серебристостью своей напомнили Ляле гору корюшки на прилавке.

Она очень быстро сунула его за ближайшую водосточную трубу. Ей почему-то не хотелось идти дальше по злему своему знакомому маршруту, и она вернулась домой другой дорогой.

Здесь гулял сосед со своей страшной собакой. И Ляля почему-то не стала отпихивать ее от себя ногой, а наклонилась и почесала мрачного кобелька за ухом.

И хозяйину его чуть улыбнулась: – Привет, Федя!

Федор был сражен:

– С вами все в порядке ?

И тут же попросил у нее денег в долг. И ей пришлось отказать. Наличных у нее давно не было. Пластиковая карта, как у всех, и к которой она не могла привыкнуть никак. Но ее не спрашивал никто. У всех были карты – удобно.

А она вот, краснея отказала соседу.

– Только на пластике.

– Оно понятно. – вздохнул Федя. – А! Жаль, – искренне огорчился он.

Огорчилась и Ляля. И на пластик, и вспомнила брошенную невесту. И вдруг остро почувствовала ее беду.

Невесте было еще хуже чем ей. Но почему-то это не радовало.

А вечером, когда к ней заехали сын с невесткой на высоком, как её нары, джипе, она раздраженно почти приказала

сыну.

– Оставь мне наличных денег немного.

Сын удивленно поднял брови.

– С пластика милостыню не подать, – объяснила она и зло хлопнула дверцей отъезжающего джипа. И ей очень хотелось пнуть этот металлический зад.

18 мая 2020, Цветочная тетрадь.

Не туда

Она не любила лето по странной причине – к ней с вопросами «как» и «куда» постоянно приставали туристы. Они принимали её за местную старую жительницу, которая вполне могла заменить карту. И то. Вопрос – ответ. И счастливый турист шагает весело дальше, вооруженный обстоятельным ответом на правильном русском языке.

Она всегда вызывала у туристов, и в том числе иностранных туристов, доверие. И совершенно напрасно.

Хоть и жила она в центре города и давно, но центр этот знала мало. Он всегда давил на нее имперской своей значительностью. От робости перед этим великолепием она путала названия дворцов, улиц и мостов. Тушевалась и стыдилась этого, и поэтому, как только очередной турист спрашивал её о чем-то, она сразу пугалась, чувствовала ответственность и спеша, торопливо как первоклассница на уроке, отвечала туристу. Ее благодарили.

Она шла дальше и с ужасом понимала, что отправила людей совсем не туда. И более того – совсем в противоположную сторону. Как будто в этот самый ответственный момент кто-то нарочно, в насмешку выкладывал неверный маршрут.

И каждый раз этот таинственный кто-то подсовывал эту путаницу в её ералашную голову. И она страдала и жалела

этих людей, которых угораздило задать ей этот вопрос – Куда? Главное непонятное было в том, что потом она четко знала куда нужно было указать идти. Но это было потом. И так легко и рядом.

А бедолаги, которые у неё спросили, наматывали лишние километры по городу. И наверное ругали её за враньё. И думали о всех горожанах по примеру её дремучести или вредности.

Одно было в утешенье, Город был настолько красив, что лишние километры должны быть приезжим людям в радость.

Вот и сейчас, рассказав двум милым женщинам и подробно и уверенно как пройти к Михайловскому замку, она вдруг через несколько минут поняла, что дойдут они туда не скоро. Хоть и ориентир она дала им правильный, но можно было дойти до нужного места вот прямо здесь. По набережной.

Досадуя сильно на себя, она шла в раздумье. Что же с ней такое и не так.

Все едут сюда, в эту красоту, таща детей и чемоданы. Увидеть чуть, восхититься, посэлфиться в обнимку с Казанским собором и уехать победителем этой красоты.

Она же, живя в ней, в этой самой красоте чувствовала себя дочкой прислуги, которую в тихую пустили в господние покои. И она, робея, держалась одной рукой за бархатную занавеску над барской дверью, боится пройти дальше, в комнаты. Потому что ее не звали.

Она никому не рассказывала об этом почтительном страхе к этим адресам, о которых у неё спрашивали постоянно.

Как-то не держались в системной карте все маршруты, которые хоть и были на слуху, но не стали ей близкими родными. Она чуралась лишних знаний об этом царёвом городе. Жила скромной приживалкой и даже об этом молчала.

Чтобы скрыть досаду, которая влетела нее от неправильного очередного ответа, она хотела догнать женщин, но тут ее грубо толкнул в плечо проходивший в отель хозяин номера в нем. За ним, ряженный в обветшалую ливрею лакей, тащил чемодан.

И сразу ушла досада.

Она потеряла ушибленное туристом плечо и тихо выругалась.

– О! Б-С-Е!

Она не выносила матерных слов и поэтому давно выучила аббревиатуры современных названий. И применяла их исключительно как ругательства.

– П-А-С-С! Е! – тоже подошло, когда она смотрела на прислугу, взявшего чаевые и глядевшего на хозяина чемоданов собачьим взглядом.

– О-Б-С-Е! – повторила она притормозившим возле нее туристам

– О-Б-С-Е..., – она развела руками.

Они поняли что им отказали в культурной форме и пошли дальше. Она же, чуть успокоившись и остыв, подумала

вдруг о себе хорошо. Что бывало редко. Отличная идея была заменить грубый мат аббревиатурами. И никто- никто этого не понимает.

Она перешла на другую сторону подальше от отеля, туристов и всякого ОБСЕ.

Наверное, она произнесла последнее слово по неосторожности вслух и громко. Потому как встречный прохожий, пожилой вальяжный в белоснежных шортах мужчина, ответил ей как на приветствие.

– Гуттен таг ! – и приподнял козырек бейсболки. И широко улыбнулся ей, как бы извиняясь за всех туристов и прощая ей все ложные отсылы, которые она делала не от зла, а по незнанию. Что на самом деле было непростительно. И она это понимала.

И поэтому приветствовала немца на прекрасном русском языке.

– Рада видеть вас. Хорошего дня.

Сразу сбежали из нее досада и она пообещала себе выучить и запомнить названия всех дворцов и мостов в округе. А если не получится, всем туристам отвечать честно – «Не знаю».

Не знаю. И при этом для понимания широко разводить руками. А не ругаться при этом даже красиво-загадочно по аббревиатуре.

Но еще она понимала про себя и этот город, что она так и не перешагнула порога господского дома, так и будет дер-

жаться за тяжелую занавеску над дверью, и навсегда в ней останется робость перед этой роскошной анфиладой чужого дома, куда её не приглашали, не звали. Никогда.

7 сентября 2020, Цветочная тетрадь.

Цивилизация

Ее пригласили в ресторан. Итальянский. Она не раз проходила мимо его зеркальных витрин и внутри всегда был народ. Она могла наблюдать и кожаные диваны и удобные столики, и уютный свет свисающих доверчиво низко ламп.

Даже через стекло витрин просачивалась роскошь, пополам с ароматами.

Ленок была девушкой приезжей, работала курьером при крупном гостиничном комплексе. Много ходила пешком, но никогда не вводило ее в смущение её провинциальное происхождение и низкий финансовый достаток.

Отсутствие финансов корректировалось силой молодости, озорства прически и знанием польского языка. Он был почти родным, он знала его с детства и умела этим пользоваться, щеголяя польским акцентом. А впридачу к нему у нее еще был роскошный смартфон, который перед отъездом из их городка, купил ей один поклонник, с условием, чтобы она не звонила, а настраивалась на новое счастье по новому месту жительства.

Подарил смартфон и вернулся к жене и детям.

И она уехала в новую жизнь. Город встретил ее появление равнодушно. Она как-то быстро узнала его улицы и освоилась в метро. И по легкой уверенной ее походке, никто не

сомневался в ее местном происхождении.

Она держалась всегда чуть горделиво и независимо. Чувствовала себя современной девчонкой, дружила в интернете. И вообще – жизнь налаживалась, особенно когда программист Юра неожиданно пригласил ее отобедать.

– Здесь рядом, в итальянском. Там баклажаны ну, очень, – поведал он Ленке. Так она узнала, что он вегетарианец. И дала согласие.

– Созвонимся.

Благо было лето. Ленка, не думая, надела светлый нейтральный с бантиком сарафанчик. Волосы убрала в длинный тяжелый хвост. Это был главный аксессуар. Волосы у нее были длинными, светлыми и какими-то вздернутыми.

Она очень радовалась встрече с Юрой. Таким умно-недоступным. Она иногда слышала его разговоры с коллегами. И лексика этих диалогов была ей недоступна.

Но она этого не стеснялась. Она повторяла про себя мамини слова «маленькая ты еще очень». Всё узнается, все уразумеется.

Ленка всегда могла найти слова, чтобы взбодрить и утешить себя.

Юра ждал ее у ресторана как-то по-деловому, без цветов и улыбок, взял под локоток и провел в зал. Ленка едва не задохнулась от ароматов, полных дивных, каких-то новых оттенков другой жизни.

Ленка смутилась чуть, потом достала из сумочки смарт-

фон и несла его в руке – как пропуск дозволенности этой смачной жизни.

Они сели за столик, им принесли меню, и Ленок стала вникать в новые для себя названия блюд. Юра тоже молчал и выжидательно смотрел на нее.

Она вдруг увидела знакомое название и иллюстрацию к ней. Узнала.

– Это! Баклажаны!

Юра улыбнулся и кивнул.

– Мне тоже.

Официантка отошла а Ленок поняла что ей хочется вымыть руки, успокоиться. Она на этой встрече с Юрой, чувствовала что ей, как альпинисту, трудно тяжело идти к этой вершине интеллектуализма и амбиций.

Она не была к этому готова, стусевалась, и чтобы никто не заметил поднялась с удобного диванчика.

– Руки помыть, – Юра догадался. – Найдешь.

Он указал направление рукой. И Лена поняла, что он здесь бывал часто. Ленок, впрочем и сама нашла. Она зашла в зеркальную комнату с белоснежными раковинами и сиятельными над ними кранами.

Она глянула на себя в зеркало, поправила слегка свой хвост, укрепив его завязкой.

И тут обратилась к крану. Вместо кранов она увидела какие-то кнопки на маленьком табло.

Ленок наугад стала нажимать каждую из них, потом обе

сразу вода так и не потекла.

Ленок слегка растерялась. Она уже повнимательнее при-
смотрелась к незнакомцу – крану. Опять пощелкала ка-
кой-то кнопкой сбоку, потом нажимала все сразу кнопки.

Вода не шла.

Ленок вдруг почувствовала, что ей не справиться с этим
чужаком- иностранцем. Что он уже был представителем дру-
гого, будущего мира, до которого Ленке еще долго жить.

Нет, она прекрасно ориентировалась в современной тех-
нике. Она так думала. Где там! Она не справилась с сантех-
никой. Чертов кран! Хотя бы кто зашел, она подсмотрела бы
как действовать. Но в комнату никто не заходил.

Ленок осмотрела всю туалетную комнату и обнаружила в
ней много других пределов и кнопочек, неведомых совсем
ей. А еще глаз видеокамеры, которая безжалостно наблюда-
ла за её конфузом. Она почувствовала себя совсем чужой в
этом зазеркалье.

У нее горели щеки, как будто она получила пощечину от
этого сиятельного крана.

К Юре в зал она не вернулась, а прошла через другой вы-
ход в какой-то двор-колодец с узнаваемой помойкой и – бе-
гом домой.

Ей было стыдно за себя, за высокомерный кран и равно-
душного Юру... Интересно ей было только, как она объяс-
нит ему свое бегство.

«И чего я сбежала. Соврала бы, что вымыла руки, сделала

вид, что вытирает их платком. Притворилась бы».

Но ни врать, ни притворяться Ленок не умела.

Поэтому она шла быстрым шагом, и ей казалось, что она сейчас побежит к себе домой, где был простой рыжий от старости кран, который ей никогда не отказывал в звонкой сильной струе воды. Он был прост и надежен.

А Юре завтра она скажет правду.

14 сентября 2020, Цветочная тетрадь.

Профессорша

Вера не понимала, почему ее так растревожил этот звонок. Звонок был очень доброжелательный, от их старой знакомой, которая давно живет в столице, и отлично живет замужем, за очень известным человеком. Но Вера не только растревожилась, но не позвала супруга своего к телефону. Страх непонятный и глупый удерживал её. Муж в соседней комнате сидел за своим ноутбуком и вряд ли слышал звонок. И она воспользовалась этим и соврала, что Геннадия Николаевича нет дома. Он на даче, а там нет связи.

Соврала, положила трубку и осталась собой недовольна.

Не нужно бегать от этой женщины. Она не страшна больше, никакой угрозы семейному благополучию она не несет. У нее все хорошо.

Но если так, зачем звонить, что за наглость. Или она думает что Вера все забыла. Должна бы. Но не забывалось.

– Кто звонил? – вошел на кухню муж. – Кто это помнит об этом телефоне.

Вера молчала долго. А потом сказала:

– Она звонила.

Вера даже имени не назвала. Это было излишне.

– Что хотела?

– Сказала что-то про курьерскую почту. Адрес уточняла.

Гена сел тяжело в кресло. Закурил. Жена вздохнула.

– Так я и знала. Ты никогда не бросишь.

– Курить?

– Её. Все помнишь.

Наступила затяжная пауза. Гена докурив встал и сказал.

– Курьерская почта? Это интересно.

Вера стояла у окна и тихо плакала. Все было странно и как-то вне морали. Вне ее, Веры, понятий.

Она разлучила этих двоих десятки лет назад. Тогда помогло ей наличие дочери, которая давно уже живет на другом континенте, обходясь без родителей. Гена остался с дочерью и с ней. И Верой.

Казалось тогда, что она сделала всё правильно, сохраняя семью. Муж защитился, стал профессором. А она – профессоршей. Но этот разрыв – из каната связи превратился в тонюсенькую паутинку. И она оказалась живее канатов семейных уз. И подлость ее казалась в её невидимости. Она, паутинка, видна только на солнце. А солнце в их жизни потом и было только от ее звонков и визитов в этот родной город.

Они были редкими, эти визиты. Но Вера видела, как сиял Геннадий. И видела паутинную эту связь. И это было невыносимо и стыдно явного своего недоброжелательства злобы и нелучших пожеланий.

Вера всё смотрела в окно. Там шел дождь, который зарядил так некстати с самого утра. А то уехали бы они за город и не было бы никакого этого звонка. Она всегда звонила на

стационарный аппарат.

Мобильного номера муж ей не дал. И это чуть радовало. Может у них и закончилась эта странная долгожизненная связь.

А еще ей подумалось, чего она сейчас боится, ведь не сбегит ее профессор уже никуда. После тяжелой травмы он плохо ходил. Как-то искривился.

Но это не успокаивало Веру. Она посмотрела на спину сидевшего за компьютером мужа, подошла к нему со спины, обняла его за шею, прижалась к его щеке.

– Ты меня все-таки зови к телефону, – Гена без улыбки глянул на ее. – Мало ли что...

Вера поняла, что правильно ей тревожится.

Мается всю жизнь. Она понимала и уже давно точно знала, что есть связи, которые навсегда, даже если они не подтверждены номером мобильного.

И адрес она соврала напрасно курьерской почте. Это надежно.

Профессорша знала об этом не по наслышке. Пользовалась, если срочно нужно переслать дочери на другой материк.

Вера вздохнула привычно, вжав голову, закрывая форточку. Начала готовить ужин.

И привычно и смиренно подумалось ей.

– Что ж ! будем ждать курьера, – сказала она вслух.

И Вера сразу переключилась, стала привычно греметь ка-

стриюлями. И это означало, что надвигалось время семейного ужина.

14 сентября 2020, Цветочная тетрадь.

Капля

Он был худ, высок и вечно простуженный, ее сосед. Кто он, она не знала, да и не интересовало. Интересовала Лелю совсем другая публика – резвая, легкая, улыбочивая.

Она и сама была хохотушкой. Громкой и неугомонной. Из квартиры ее слышна была музыка, голоса и, если прислушаться, то и звон бокалов.

Сама она работала в модном салоне парикмахером. Была известна среди молоденьких содержанок. И любима ими, потому что несмотря на видимую легкомысленность, она умела слушать своих клиенток и успешно хранить их тайны.

С худым соседом она едва здоровалась у лифта, и он вызывал у нее тайное раздражение. Ну, нельзя же так выглядеть в наши дни. Жалко и непрезентабельно. Уж джинсы-то можно купить.

Сосед носил брюки, правда хорошо выглаженные, и на нем было по осени длинное мешковатое пальто асфальтового цвета. Убого и жалко он выглядел.

«И хорошо бы ему очки помоднее», – думала Ляля второпях на минутку, оценивая соседа. И тут же о нем забывая.

Но однажды случилось непонятное и странное событие. Лялька уронила ключи от квартиры.

Они улетели в лифте в узенькую щель, куда очень трудно

было улететь, трудно было их даже запихнуть в эту щель. Но так случилось, и Ляля вышла из лифта слегка в оторопи, и не зная, что такое может выручить её и поможет попасть домой, в свою любимую квартирку.

Она прокатилась до первого этажа и пыталась проникнуть в шахту лифта, но быстро поняла, что это опасно и вообще-то невозможно.

Поделилась с дворничихой, та сказала, что надо вызывать лифтеров.

Ляльке стало скучно, она позвонила матери, сказала про потерю ключей. В ответ выслушала лекцию о своей непригодности в жизни. И что мать может приехать только вечером. И совет – «вызывай лифтера».

Ляля вернулась к себе на этаж и тут встретила соседа. Он глянул сквозь очки довольно приветливо, и поэтому она неожиданно сказала, будто оправдываясь.

– Вот ключи улетели. Раззява я.

Он улыбнулся выслушал ее и сказал.

– Лифтера надо вызывать.

Лялька рассмеялась неожиданно.

– От третьего человека слышу один и тот же совет.

Он позвонил куда-то, пришли, правда не сразу, два парня, отключили лифт, достали ключи, взяли немереную какую-то плату, и удалились.

Ляля оставила соседа на ужин, угостила его коньяком и чаем.

Он попросил налить ему чай в большую кружку, чтобы надолго хватило. Они сидели на кухоньке, и пытались узнать друг о друге.

Но сосед был немногословен. Занимается компьютерами. Много работает, четверо детей. Последнее ошеломило Лялю. Он совсем был не похож на многодетного отца.

Она уже внимательнее стала изучать его лицо в очках с запотевшими стеклами. Он старательно и очень как-то смачно потягивал чай из кружки, чередуя с коньяком. И делал это с каким-то степенным удовольствием.

Леля увидела, что у него под носом образовалась капелька от горячего чая. Он быстро убрал ее большим мятым платком. Но она тут же появилась опять, как бы хотела поучаствовать в этом уютном ужине.

Капля эта почему-то так растрогала Лялю, разжалобила ее, привела к какому-то новому человеческому знаменателю.

Лялька даже застыла на минутку, чтобы нежная волна доброты к этому человеку не исчезла. Лялька давно не переживала подобного общения. Вроде бы ничего не происходило значимого, но она быстро подлила ему еще чаю и еще коньячку.

Ей хотелось, чтобы благодарность к этому человеку, а по сути – ко всем людям, осталась в ней навсегда. Так в этом состоянии было ей хорошо. Это было что-то новорожденное в ней.

Сосед еще раз вытер вспотевшее лицо. Исчезла трогатель-

ная капелька под носом.

Ляля глянула вниз и заметила дырочку в его черном носке. Гость смутился и спрятал ногу под стулом. А потом заторопился домой

– Засиделся. Пора.

Она не стала его удерживать. И даже побыстрее закрыла за ним дверь, чтобы сразу рухнуть на свой диван и уже не торопясь, осознать что с ней такое случилось необыкновенное.

Лялька вспомнила и вероятную жену соседа. Худенькую, с озабоченным лицом тетку. Стертая какая-то женщина. Даже лица её не вспомнила. И вдруг опять цунами жалости к этим мужчине и женщине переполняло ее.

И в благодарность за это в себе состояние, она готова была еще раз и еще раз бросать свои ключи в щель лифтовой шахты.

Чтобы этот сутулый человек сидел у нее на кухне, стыдливо прятал ногу в дырявом носке, потягивал чай из большой кружки, утирал милую каплю под носом большим мятым платком.

Лялька поняла, что это было ее счастье. Первое за шумную легкую жизнь.

Она вошла в лифт и бросила нарочно ключи от квартиры в шелку. Попытка не удалась. Было не попасть понарошку.

15 сентября 2020, Цветочная тетрадь.

Мена

Центральная часть города, красота её давно закончилась, а окраины новостроек не начинались. Она уже долго ехала по каким-то репейным волостям, заваленными обломками арматуры, страшными торчащими скелетами то тут, то там.

Местность чуть внушала ужас, который ликвидировался голосом навигатора.

– Еще 500 метров прямо. Потом направо.

Но давно закончились эти самые пятьсот метров, а поворота никакого не проглядывалось, унылые куски промзоны и все те же обрезки арматуры.

Где-то вдалеке можно было заметить домики, типа сторожек, и нелепый шлагбаум посреди поля.

Поворота нужного все не было видно, а навигатор молчал. Ни звука. Как-будто отключили связь с жизнью, и от сильного чьего-то пенделя ты очутился в неопознанном странном мире... в другой жизни другого летоисчисления, и вне привычного тепла земли.

Она заметила, что проезжали кирпичный белый дом странной кубической формы. Ни окон, ни дверей она в этом доме не увидела. За то его окутывало по периметру простынное полотнище с нарисованными окнами – красными, и дверь – черной.

Все это выглядело настолько сюрреалистично, что она остановила машину и вышла.

Вокруг ни звука. Тишина какая-то деревенская, особенная.

Ей показалось вот-вот закричит местный огненно-рыжий петух. Этого петуха, единственного живого, она видела в детстве. Он накинулся на нее и стал бить шпорами, и кудахтав громко. А она стояла, сбита страхом, и не могла даже убежать.

Её неподвижность тогда Наверное озадачила петуха и он ушел, гордо потряхивая перьями. Потом сосед отрубил в наказание ему голову, по просьбе её бабушки. Уж больно драчун.

Тогда, еще в детстве, она поняла, что зло обязательно накажут, а боль непременно затихнет от справедливости.

Стоя у машины и созерцая местные красоты, она считала себя пришельцем на другую планету. Но воображение её грубо прервал матерным окликом водитель из проезжавшей маршрутки, с крупным номером маршрута «13».

Она улыбнулась. Только с таким номером и живут здесь несчастные.

Это земли необетованные. Суета мира сюда не добралась. И не больно ей хотелось прыгать по арматурным тутошним полям. Маршрутка уехала, оставив надежду, что отсюда кто-то уезжает по желанию.

Надо только развернуться и скорее, скорее за маршрут-

кой, хоть водитель ее и груб.

Она села в машину, настроила регистратор на свой адрес. В ответ – тишина.

– Этого только не хватало, – она развернула машину на сильно битом шоссе и поехала за маршруткой. Но та вдруг свернула на какую-то тропку- дорожку. Она, потеряв регистратор в услужении, тоже свернула, надеясь все- таки спросить дорогу к цели своего визита в эту забытую окраину.

Маршрутка остановилась у местного сельпо. Из нее вывалились много женщин и дружно рванули в магазин.

На двери зазвонил колокольчик, который только за границей принято подвешивать, чтобы было слышно – кто-то вошел. Но здесь, в глуши, и это сельпо, и этот неожиданный колокольчик вызывали только удивление и некоторую оторопь.

Колокольчик затих, всех принял возможных покупателей. И она с сожалением обнаружила, что водитель тоже ушел в магазин.

Не ждать же его здесь, пришлось тащиться в местный супермаркет.

Над ее головой тут же нежно звякнул колокольчик, и она невольно ответила ему:

– Привет ! И почему-то поправила прическу...

В магазине стоял гвалт. Продавщица металась из отдела в отдел. Улыбалась, называла всех по имени, и сразу было видно, что здесь отношения простые. И навсегда!

Прислушиваясь к гомону женщин, она просочилась к

прилавку, у которого стоял водитель маршрутки.

Только она хотела спросить о маршруте и регистраторе в своей машине, как она увидела её. Трудно было поверить своим глазам. Это была лампа из её детства.

Тогда в каждом доме была такая. Настольная лампа-грибок. С красной шляпкой.

– Я беру это.

Она схватила за рукав продавщицу.

– Что «это»? – не поняла та просьбу.

– Лампу.

Выяснилось, что лампа стоила денег. Наличных.

А карточка ей здесь совсем не пригодилась.

Поди ж ты. Деньги есть, а не купить.

Она обшарила все свои карманы. Увы. Ни монетки. И вдруг, неожиданно для себя, она обратилась к женщинам купить у неё что-нибудь за живые деньги. Что-нибудь из её гардероба. Те стали придирчиво оценивать.

И тут она пожалела, что дорогую короткую шубку она не оставила в машине.

Так и случилось. Так и должно было быть.

Она счастливая, с лампой, села в машину.

И с удивлением смотрела на мятые рубли и десятки, которые дали ей впридачу к лампе.

Женщины были покорены её бестолковостью и щедростью. Поэтому, за руль она села почти раздетой, но с желанной лампой.

Если бы кто-нибудь из разумной центральной части этого города узнал о случившемся обмене, или как они говорят сегодня – «бартере», они бы ничего не поняли.

Ну, и пусть. И вдруг заговорил навигатор.

– Прямо. Прямо!

– Оно и понятно, – ответила она.

Она уже узнала дорогу домой. Что это было?

Ей вдруг подумалось, что кто-то относится к ней с большим участием. Последнее время ей было не по себе. Она сильно стала скучать по ночным звонкам своих друзей.

Она ругала их за эти ночные звонки, но втайне сама счастливо беседовала и, чувствуя их некую нетрезвость, раздражалась, но ей было интересно. Всегда.

Звонки эти исчезли по уважительным причинам. Никто уже не позвонит.

Трудно к этому привыкалось.

Прошлое всё богатело, украшалось бриллиантами вины и желаний. И оно казалось недооцененным. Хотелось туда, пожить там хоть чуток. Хотя бы в мыслях.

Вот под такой лампой с красным абажуром провела она много часов, вышивая что-то крестиком, или штопала носки, тогда они были в дефиците.

И это приятное занятие штопкой было чудо-терапией. Все в доме спали, а она сидела штопала или вышивала и любила их всех, спящих, и каждый крестик и стежок от иглы. И весь этот тихий уютный мир.

– Ты дома, любовь моя, – сказал Навигатор голосом мужа.

Она вышла из машины, прижимая к груди красную свою лампу и бегом, бегом.

Было холодновато без шубки. Она сейчас забежит и зажжет лампу своей жизни.

Ну, поносит пока пальтишко.

Она, лампа, того стоила. Надо было еще объяснить это мужу.

Но она ему предложит мистическую историю о пустырях пустынных, ужасах, инопланетянах.

Не может же она ему сказать что Некто специально отправил ее в это сельпо, чтобы предложить ей и осуществить достойную Меню.

22 января 2020, Синяя тетрадь.

Меланж

Сколько он помнил себя – мама всегда вязала. Из детства страшное постоянное лязгание спиц у самого ее лица, вызывало тревогу. Ему тонкие спицы представлялись орудием пыток неизвестных, а то и капканом. Вдруг защелкнет лицо мамы своими стальными цапками. И он тогда подходил к маме и испуганно пытался прервать этот бесконечный процесс. Но клубки толстых ниток разноцветно-разных прыгали, каждая в своей таре, и худели просто на глазах.

– Не вяжи, не вяжи, – пытался он объяснить матери свои страхи.

Но она, не вникая в суть, просто поднимала руки со спицами повыше. И спокойно продолжала вязать.

Он шел на кухню, где на столе, накрытый ажурно-вывязанной салфеткой его ждал завтрак, обед или ужин. В зависимости от времени суток. У них в доме было вывязано всё – от носков, до абажуров и абажурчиков, салфеток и наволочек.

Но больше всего мама обожала вязать для них с Нинкой, сестрой, разную одежду. Откуда-то, самым таинственным образом для того времени, у мамы были толстенные журналы мод. И стоило только подросточке ткнуть пальцем в любую понравившуюся ей модель – через пару дней

она уже была на ней, еще может быть и краше. Щедрость маминой любви добавляла в свитерок в очень нужном месте карман, добавлялась большая обвязанная пуговица, которая придавала связанной вещи изысканную неповторимость.

Только потом, уже юнцом, он понял откуда взялось его музыкальное образование, его пианино, коньки и лыжи, и всё самое лучшее. Для них с сестрой мама вязала. У неё была своя клиентура. Она как-то очень таинственно приходила и уходила. Он видел, что сумка огромная с пряжей никогда не пустеет. А стопка журналов с вязанием обновляется.

Но дети были на первом месте всегда. Даже когда Нинка неожиданно завела жесткошерстную таксу, мать, хоть и не сильно обрадовалась живности в доме, но тут же связала таксе Сайке теплую попонку-пальто. И даже беретик к нему.

А Нинке сказала не отрываясь от вязания.

– Спасибо, что не котенка – а то бы вязанью моему пришел каюк.

Когда он привел свою будущую жену, Люсю, впервые, мать оценивающе сказала:

– Восемьсот грамм меланжа.

И через три дня Люся получила в подарок и в приданое меланжевый кардиган, которому позавидовал бы любой модный салон.

Что говорить о внуке и внучке. Пока варится борщ – связан жилетик.

Пока яйца вкрутую – носочки. Яркие и полосатенькие. На

зависть всем в садике.

Казалось нити в комодке никогда не закончатся, клубки толстые, но вертялые, катались слегка постукивая, стараясь выпрыгнуть. Но куда там. Ящики комодки держали их крепко и строго следили, берегли от спутывания.

Что случилось с Люсей, но она завела котенка. Просто принесли, никого не спрося. С небольшим злорадством в душе.

– Она глупая, – только и сказала мама на эту Люськину диверсию.

И с тех пор мерой оценки ума у нее стал – один Люсь. А мерой благородства и любви – один Такс. Потому что такса очень обрадовалась появлению котенка и сразу его усыновила.

Только вот пришлось купить и поставить комод для изоляции клубков от кота. Всё обошлось. И Нина уже не жила с ними а была замужем и редко бывала у них,

Но однажды она пришла и рухнула перед матерью прямо на ковер. Она плакала. Такса Сайка тут же обеспокоенно стала вылизывать ее лицо, мама отложила спицы.

Ему пришлось выйти, подчиняясь взгляду недовольному матери. Ведь, поди ж-ты, кто-то осмелился сбить её с подсчета бесконечных петель «накид- пропуск». Собьешься – все перевязывать. Он это знал из детства. Когда мать вязала, по пустякам её тревожить нельзя было.

А вязала она всегда.

Нинка так и не ушла, осталась жить в доме. И муж её не искал.

Она заняла свою прежнюю комнату, так что Люся была очень недовольна уплотнением.

– Вы со своим вязанием держите все комнату, – проворчала однажды неразумно невестка. – Достали, с вашими нитками.

Люся сердито хлопнула дверью.

И в комнате вдруг стало нестерпимо тихо. Это клубки остановили свой вечный бег в ящиках комода, и только звякнули спицы, упав на ковер.

Мать долго лежала в больнице.

Вязать она больше не могла, чему обрадовалась Люси. Можно было вынести комод старьевщикам и нитки, наконец. Меланж! Все вон! Простор, чистота, свежий воздух. Оставила она только недовязанный меланжевый мужской джемпер – это мама вязала для сына. Остался недовязанным один рукав. Он так и встретил своей незаконченностью мать. Четыре спицы были как кинжалы, воткнуты в клубок пряжи.

Мать села в свое кресло, сложила дрожавшие руки на коленках. И вдруг сказала:

– Гуси-Лебеди.

Он не поверил своим ушам.

– О чем, ты ?

– Гуси лебеди! Не довязала рукав. Помнишь сказку.

Он не нашел, что ответить.

А в ногах юлила Сайка. Она всегда была рада всему.

– Один такс мой.

Мама наклонилась.

А он почему-то сильно был огорчен, что не читал этой сказки.

– Эх! Гуси-Лебеди. Зови сюда одну Люсь ! – приказала мать.

И он схватил кепочку в коридоре и легко выскочил из квартиры.

Такса – за ним.

Они шли гулять. И прогулка эта, похоже, получится длинной, как бесконечная нитка из комода.

Но когда они вернулись, в доме было тихо. И даже как-то праведно. Люси сидела в мамином кресле и была при спицах.

Она держала их с боязливостью и подальше от себя. А мать тихо и бережливо приговаривала.

– Надо же довязать рукав. Надо. Обязательно. «Гуси-Лебеди».

У Люси был испуганный вид. Она ничего не понимала, кроме одного – пока она не довяжет рукав на этом свитере для мужа, свекровь не отстанет. Начиталась сказок. Надо же.

24 января 2020, Синяя тетрадь.

Гея

Ну, что должно было случиться с человеком, с его головой, чтобы он засунул в обыкновенную уличную урну глобус Земли.

Да так засунул этот почтенный атрибут учебного пособия, что достать, извлечь его оттуда не представлялось никакой возможности. Глобус сиял из грязной урны северным полюсом, и какой-то тухлый товарищ уж притушил сигарету у самой его оси.

Петруша Кулебякин был человеком легковесным, но в этой урне с глобусом ему почудилась очень дурная примета. И не столько для него, как для человечества в целом. Он вдруг как споткнулся об увиденное им непотребство.

Вообще-то Петр Иванович сильно спешил, и в его план не входили размышления о спасении человечества. Он бежал просто за пивом и совсем не ожидал от себя такой неадекватной реакции. И зачем он вообще смотрел в сторону урны, бросил бы себе окурок метко, одним щелчком, так нет – пошел. И увидел. И теперь не знал, что с этим делать.

Вечерело, шустрил мимо люд. По своим неотложным делам, а Петр Иванович стоял у урны с глобусом, очень туго соображал. Ну конечно же, он сначала сфотографировал необычный дуэт урны и глобуса. Сфотографировал в

нескольких ракурсах и решил выложить сегодня же в интернете.

С каким-нибудь комментарием, умным и философическим.

Потом он зашел в магазин возле которого стояла эта самая урна, он был хозяйственным. Купил перчатки. И началась операция извлечения глобуса, бережная и натужная. Было понятно, что акт вложения глобуса в урну был осознанный. Его притоптали так, что извлечь его не было никакой возможности. Ось глобуса скользила и никак не помогала акту спасения.

Прохожие шли мимо и никто не обращал внимания на скромное спасение макета земли. Петр Иванович заскучал.

Он не знал, что делать дальше. Он тронул саму урну ногой, она качнулась слегка. Петр Иванович решительно взялся за ее края, поднял и попробовал, крутя, вытряхнуть.

Но Глобус засел надежно и навсегда.

И вдруг Петр Иванович вспомнил, что его машина стоит тут, в соседнем дворе. А там в багажнике инструмент всякий.

Нести урну было невозможно тяжело в исполнении и Петр Иванович, чуть подумав и отогнав какого-то мужика с окурком от урны, решительно привалил ее на бок и покатыл. Стараясь копировать при этом свою легальность, что бы никто не подумал, что он просто тырит казенное имущество.

Но зря он боялся. Никто не обращал на него внимания.

Вечер – не время дворников, время гулён и прочего небдительного люда.

Вот и двор, где машина Петра Ивановича. Но никаким инструментом глобус не извлекался. Ни постукивания, ни потряхивания не помогали. Не вылетал даже мусор из урны, так в ней закрепился глобус.

Во дворе Петра Ивановича знали и поддерживали разными советами. – Да, что там думать, урну кувалдой и хана. Он и выпрыгнет.

– Урну казенную, – Петр Иванович сомневался. – Вернуть надо. Но дело приобрело вдруг самый неожиданный поворот.

Во двор въехал на своем роскошном авто местная знаменитость, художник Архип Круглов. Он вышел из авто и, увидев урну с глобусом, просто ошалел от восхищения.

Он бегал вокруг заламывая руки и вопил:

– Какой сюжет ! Мужики, грузи ко мне в машину.

Он открыл бумажник.

– Куда вы её.

– Как куда? На выставку. Это же великий сюжет.

– Но урну нужно вернуть, – робко сказал ничего не понимавший Петр Иванович.

– Я за всё заплачу, – орал восторженно художник и звонил уже кому-то по телефону.

– Да, сенсация на миллион.

Мужики загрузили урну с глобусом в багажник. И Архип

быстро покинул двор. Увез и урну и глобус.

Петя вначале огорчился, что потерял глобус, но зато не нужно было катить урну обратно. Она была очень грязной и тяжелой.

Через какое-то время в интернете увидел он открытие выставки. И на ней главный успех – его Глобус в урне. И название инсталляции придумали.

Архип. «Память о Гео».

Петр Иванович почесал в затылке, думая кто такая Гео.

– Скотина, а глобус, он так и не достал из урны. Тоже мне художник, грязнуля. Хоть бы урну и глобус почистил. А то след от окурка на полюсе так и остался.

Петру Ивановичу показалось, что он стал даже ярче и чернее.

Вокруг инсталляции с глобусом стояла толпа. Все были под сильным впечатлением

– Странно, – подумалось Петру Ивановичу. – А когда я стоял и смотрел, только мусор бросали, пока я не оградил собою.

Он посмотрел фотографии свои в телефоне.

Так и есть. Пятно на Севере было уже поддельным. Скорее всего углем. И Петру Ивановичу вдруг стало жаль, что не получилось у него извлечь

Глобус, он хотя бы его намыл и поставил у себя на окошко. Пусть сверкал бы своим Сиятельным Полюсом.

29 января 2020, Синяя тетрадь.

Вдребезги

Пришлось снять очки, стекла залепило тяжелым мокрым снегом. Его гнал шквалистый ветер прямо в лицо, рвал с головы как парус легкий капюшон.

А снизу еще доставала гололедица, изменяя легкую модельную походку в осторожную поступь начинающего лыжника. И хорошо бы палки к этим невидимым лыжам.

На улице не было ни души. Еще бы, в такую снеговерть даже с собаками далеко не ходят.

Людмила ступила на короткий, но крутой мостик. Шла так осторожно, будто мостик был заминирован.

Держась за перила, она дошла до середины и увидела впереди заметенный снегом лед. Спуск был опасным. И зачем она только надела сапоги эти, на легкомысленном каблуке.

Внезапно из метели появился странный силуэт со снежным горбиком на спине. Людмила не сразу увидела в странной фигуре согбенную прямым углом старушеницу. Свою крайнюю согнутость она поддерживала палочкой и безуспешно пыталась спуститься с мостика.

Мимо пробежал китаец-турист, старуха пыталась обратиться на себя внимание:

– Мил, человек, помоги...

Но «мил человек» проскакал мимо, в ушах у него беле-

ли наушники. Скорее всего, он зова старушки не услышал, а может не захотел. Убежал в снег.

Следующая перед старушкой предстала Людмила. Не думая, подставила локоть и извинилась за парня, пробежавшего мимо.

– Он китаец. Языка не знает.

– У него наушники, не услышал, – тут же вступилась за него старушенция и неожиданно крепко вцепилась в локоть, и они стали доканывать крутизну спуска. А когда выбрались на тротуар, Людмила сочувственно спросила.

– Вам в магазин за хлебом? Что, некому сходить.

– За сигаретами, – ответила старушка, лет которой было за девяносто. Людмила даже руку свою освободила от необычности её ответа. Старушка пояснила.

– Для дочки сигареты, попросила с утра... Сама не может. Кашу правнуку варит. Забрали мы от внучки с зятем, орут...

Старушка начала выговаривать подробности их семейной эпопеи, не выпуская локоть Людмилы. Она попросила дойти с ней до дальнего магазинчика. Только там, у узбека, были сигареты «Легкие, No1». Только у него.

– Другие дочка не курит, – бубнила старушка оправдываясь.

Снежный ветер выбивал палку из ее руки, и парусами взлетали полы демисезонного старенького заношенного твидового пальто.

Людмила слушала бодрый монолог незнакомой бабушки,

смотрела на ее фигурку под углом прямым – самым прямым. На её иссохшее блеклое личико.

И в ней вдруг начали с сильным грохотом передвигаться мирные привычные устои нравственности, морали и обличения отсутствия этих самых качеств.

Она услышала грохот выстроенного ею, и наверняка продуманного кодекса защиты себя от всего и всегда, но эта старушка разбила в осколки все основы её бытия.

Она заметила, что снег на лице старухи не таял.

Как же она обратно, подумалось ей. И старушка, как бы услышав ее озабоченность:

– А всегда найдется добрый человек... доведет.

Да, найдется всегда добрый человек. И дочка этой старушки наверняка об этом знала.

Людмила хотела идти дальше, но забыла, или не хотела вспоминать, что за дело вывело её в такую метель на улицу.

Но забвение было кратким, потому что она шла на литургию. Она вовсе не могла обходиться по утрам без хора. Ей каждый раз в конце хотелось поклониться хористам на балконе и аплодировать долго.

Так это было вселенски прекрасно и торжественно.

У Собора она как всегда встретила Васю, который который год продавал туристам «магнетики».

– А французы, скупердяи, жадобы, каких нет! – приветствовал он Людмилу обычными сетованиями. – Всё нахалюву.

Людмила согласно кивнула, поддакивая, и была рада и Васе, и тому, что вступает на территорию, где мир, лад, высокий штиль и пение.

И ты как в доспехах.

И уйдет из памяти, сбежит и прямоугольная старушка, и её незнакомица дочка. Все сгинет в белой мути Снега. Как будто и вовсе и не было этого конфуза.

И она впервые обрадовалась васиному зычно-знакомому голосу.

– Магнитики Plis!

Французов он избегал. Болтал по английски. И новое слово «ю-ань». Людмила с силой и некоторым успокоением потянула на себя тяжелую входную дверь.

Из вежливости и почтительности ей всегда хотелось постучать, прежде чем войти. Она всегда с улыбкой сдерживала себя в этом. Входящие с ней рядом не поняли бы и насто-рожились. А ей так хотелось войти невидимкой.

И может удастся восстановить разрушенный, от вторжения некоей совсем посторонней силы, стройный свой мир.

Латанный-перелатанный.

И услышав через двери голоса хора, она сразу стала невидимой. Ни для кого здесь её не было.

13 февраля 2020, Синяя тетрадь.

Горица

И кто мог предположить, что из обычного похода в цветочный магазин Мария Бонифатьевна, заслуженная учительница русского языка и литературы, филолог с большой буквы «Ф», пережила такое низко-подлое унижение, и от кого? От обыкновенной цветочницы.

Похоже, она была грузинкой, что еще обиднее окрашивало ситуацию.

Мария Бонифатьевна вежливо подошла к этой самой грузинке и спросила её о вазончике для цветов.

– Для цветов у нас есть горшки. В русском языке вазоны для улицы. Марию Б. чуть удар не хватил от такой горской наглости.

– Вы !? Меня? Русскому языку будете учить...

– А почему нет? Я хорошо знаю русский язык. – «Вазончик»! – хмыкнула она с акцентом.

М. Б. не знала чем и возразить. Ее обезоружила наглость этой горицы. Она потопталась еще у прилавка и, так и онемев, забыв разом весь язык, она выскочила из магазина.

Вслед прилетел громкий гортанный смех. М. Б. сжалась в пружину и хотела вернуться в магазин и перебить там все вазончики и горшки.

Но сдержалась почему-то и пошла домой, дав себе слово

эту лавку больше ни ногой.

Тяжелый булыган несправедливости этой горицы сбил с ног и с пьедестала М. Б., на котором она прочно стояла последние лет 30.

Ее уважали учителя, обожали дети за доступное изложение классики. Её авторитет перед ними был незыблем. Что перед ними. Она считала себя слугой филологии. Любила слово, речь, текст. Одним словом – глубокий профессионал.

И тут – на тебе. Такое развенчание какой-то дикой горской бабенции, да ещё – что оскорбительнее всего – еще и с жутким акцентом.

Если бы у М. Б. спросили, почему она об этом случае думала всю рабочую неделю. У нее было такое мрачное настроение, что многие спрашивали: «Проблемы?»

Дождавшись воскресенья она даже неожиданно для себя, надев дивную свою шубку и каракуль, и такой же берет, она стояла уже у «Цветов». Вооружившись томом «Толкового словаря» Даля.

Ну, она сейчас докажет этой дрофе. Так она назвала свою обидчицу.

Она подошла к прилавку, нервной струной, и вдруг кто-то приобнял её сзади. Оглянулась М. Б.

А там она, горица. Улыбается широко-широко. Слепила зубами.

– Как я рада, что вы зашли, как рада. Я виновата. Я посмотрела у Даля. Можно так и так. И горшочек! И вазончик.

Можно и так и так. Простите меня, пожалуйста.

М. Бонифатьевна, стыдливо пряча том Даля под полу шубы, улыбнулась в ответ:

– Это вы меня простите. Это я вас подколола, уязвила. А ведь вы прекрасно говорите по-русски.

Обе дамы обнялись, наклонились над прилавком и говорили о чем-то и хихикали.

А вазончики или горшочки стояли забытые на полках. У хозяйки были дела поважней.

А через какое-то время Мария Бонифатьевна вышла из цветочного магазина с огромным пакетом.

Ее проводила горица. И громко кричала.

– Луковицу гиацинта на солнышко, на солнышко.

Мария Бонифатьевна оглянулась с улыбкой и помахала ей, горице, рукой. Ведь это она нашла и сказала главные слова. Слова о прощении. Попросила.

13 февраля 2020, Синяя тетрадь.

В тренде

Перед этим псом хотелось снять шляпу или, наоборот – надеть и отдать честь его собачьему сиятельству.

Он брезгливо и лениво вышагивал среди голых и мокрых кустов, боясь испачкать свой комбинезон из яркой болоньи.

Комбинезон этот был строгого стиля, застегивался глухо на все пуговицы спереди и позволял только хвосту вольную. Хвост торчал как сабля, угрожающе, и на морде блистал крепкий оскал, прикрытый модным, в цвет комбинезона – намордником.

Одна несерьезная видимость – и Тома невольно уступила ему дорогу. Сзади плелась хозяйка и разговаривала по мобильнику.

Пес встал именно перед Тамарой, и она заглянула робко в его собачьи глаза. В них не было угрозы, а была вселенская собачья тоска. Тоска по погодному ознобу, лужам, невозможности из-за глухого намордника обнюхать траву и лавки, и столбы.

Пес был так упакован, броня надежная из болоньи и кожи защищала его от настоящей жизни, что и называлось для него жизнью собачьей.

Тамара замерла на мгновение, но потом потянула руку и погладила лоб псине. Это была собака редкой породы с кра-

сивой полоской на спине, шерсть в которой росла вопреки, дыбом. Порода называлась красивым словом «Риджбек».

Пес обошел ее со спины и опять подставил морду под ласку.

Тамара потрепала его ухо. Оно было холодным и влажным. Хозяйка ничего не замечала. Она куталась в норковую короткую шубку с капюшоном. И не переставая говорила в трубку. Ей было сейчас не до собаки.

И Тамара вдруг, неожиданно для себя, отстегнула жестом фокусника намордник.

Намордник с дутым шариком упал на асфальт, а пес, вне себя от радости, понесся на газон. Ему хотелось всё срочно запечатлеть его супер носом. И эту осень, и аромат лошадиного помета, и только что пробежавшей таксы.

Но тут – щелчок. И поводок автоматически выдернул пса из всей этой радости.

Пес замер. Подбежала хозяйка и стала орать. На Тамару, на собаку и заодно в трубку:

– Где намордник? Как ты умудрился его снять? Хозяйка стала осматривать траву возле собаки, которая, видно привыкшая к ее визгливому требовательному голосу, продолжала свободной мордой обнюхивать местные собачьи достопримечательности на бульваре, где она гуляла дважды в день.

И по правилам моды, погоды, стиля хозяйки. И она должна быть довольна.

Но что-то показалось Тамаре, что хочется ей рвануть да-

леко-далеко, погонять за зайцем, лисой без всяких намордников и комбинезонов с зонтиком на макушке. Ничего глупее не придумать, чем собаку под зонтиком, закрепленным на умной, зоркоглазой собачьей башке.

Пес уловил тамарино сочувствие к своей персоне, и рыжая сабля его хвоста чуть вильнула. Дескать, спасибо за понимание.

А Тамара в ответ незаметно, носком туфли, подцепила упавший намордник. Поддала его в уголок за урной. Скрыла.

Хозяйка закончила бесполезные поиски доспехов, взяла пса на короткий поводок.

Проходя мимо Тамары, она даже не взглянула на тетку в китайском дешевом пуховике и стоптанных башмаках.

– Рядом, – брезгливо приказала она псу.

Но тот, уходя, лизнул её руку. В благодарность за понимание.

А Тамара шла, по бульвару домой и не переставала удивляться разноэтажности на нем. И невозможности объединить этих всех людей на бульваре, и поставить их в хоровод. Как в той детской песенке о караве.

И, понимая невозможность выполнения этой своей идеи, она ограничилась одним.

Подняла намордник и бросила его в урну. И улыбнулась Псу. Вот и весь хоровод.

20 февраля 2020, Синяя тетрадь.

Бантик

Бантик на коробочке выглядел золотой бабочкой. Легко и изящно призывал развязать и открыть. И призывал к радости. В коробочку легко поместилась его радость. Вернее, его жены Вали.

Она давно мечтала об этом шарфе – длинном, цвета беж. И он купил его, хотя, стыдно сказать, пришлось залезть в долги.

– Девушка вот здесь бантик чуть . . . порван.

– Не сусальное же золото, – нагрубил продащица и подвинула к нему упакованный драгоценный шарф.

Для него одной из загадок жизни была злоба, с которой его встречали продавцы. Не нравился он им. Всегда. Почему?

В равнодушном к себе отношении он видел мистический приговор жизни.

«Кто ты такой?» – так и слышалось ему повсюду. И он терялся с ответом. А ответ был однозначным и явным.

Он был никто. От него не исходило аромата удачи. Одет он был никак, очки с самой дешевой оправой. А о башмаках и говорить не приходится. Все от того, что тугой замкнутый круг не позволял вырваться и прорваться к новым башмакам. Для этого нужно было найти работу.

А чтобы найти её, нужны были новые башмаки. Они важ-

ны для первого собеседования.

– Девушка, замените ленточку.

– Может еще из золота сусального, – повторила девица. И стала заниматься другим покупателем.

Он шел по бульвару и хотел думать о жене, как она обрадуется шарфу, но злая девица из магазина не выходила из воспоминаний.

Он несколько поежился, вспомнив ее низкий грубый голос. Загрустилось.

И вдруг он увидел на бульваре, по которому он проходил минимум два раза в день, и на котором уже давно была поздняя осень или ранняя зима – он увидел дерево в зеленых листьях и ярких красных цветах.

Дерева было четыре. Они были все в зеленых листиках и огромных нелепых цветах.

Хотелось себя ущипнуть, но это был не сон. Он даже потрогал кору. Она была по-настоящему шершавой. Прохожие удивились тоже – кто фотографировал, кто-то просто улыбался этой сюрреалистичной красоте.

– Наверное, кино снимать будут, – услышал он предположение от проходящей женщины.

От сердца оттянуло тревогу, это кино. А в нем можно всё. И красные пышные цветы на искусственных деревьях.

Он ушел с бульвара, свернул за угол. Здесь, у знаменитого торгового дома, прожил он в коммуналке все свои годы.

Там теперь живет и жена Валентина, и дети – двойняшки,

которым он тоже купил по модельке машинок. К их радости они были малы еще для гаджетов, и он был этому рад. Он найдет работу.

Ему повезет. Обязательно. И как бы в подтверждение или упреждение его надежд, он увидел роскошный «Бентли». Новенькая машина сияла, казалось, она улыбалась всем.

А на крыше этой красавицы сиял огромный золотой бант. Он выглядел так горделиво и величаво, и озорно, будто предлагал развязать его, нырнуть в эту красоту за дверцу и рвануть подальше.

У машины уже фотографировались молодожены.

Рядом с бантиком. Близко-близко к нему, чтобы было похоже, что это их подарок.

Все бы ничего, он увидел этот роскошный бант и вспомнил скромную ленточку на своей подарочной коробке.

Он глянул на «Бентли». Бантик был большим и щедрым, как будто и впрямь из сусального золота, хотя это, скорее всего, была фольга. А еще проще было думать. Искусственные деревья, «Бэнтли» с бантиком.

Тетка та была права скорее всего – кино снимают.

И он улыбнулся этой догадке, вбежал в свой дом, в свой подъезд, легко вбежал на свой этаж. Но прежде, чем открыть дверь, сорвал жалкую ленточку с подарочной коробки и смущенно спрятал ее – в карман пальто.

18 марта 2020, Синяя тетрадь.

Меха

Дивно это. Живет эта женщина в городе и совсем не подозревает, что она научила Варьку правильной жизни.

За одну всего минуту, даже десяток секунд. Она стояла у витрины или на остановке троллейбуса. Стояла как-то отдельно, неприкасаемо ни к той, ни к другой. Стояла над всей этой уличной суетой. Высокая, худая в длинной юбке и белой меховой короткой шубке до талии. Скорее всего норковая шубейка, именно она, выдергивала хозяйку из уличного рутинного бега машин и людей.

Женщина явно кого-то ждала, но при этом никуда не смотрела, ни на кого сама. Знала, что ее увидят.

Вся ее удлиненная фигура намекала на недоступную для Варвары жизнь без ора, ссор, грубости. Представить было невозможно что на это само достоинство во плоти, кто-то может повесить голос.

Всё это Варвара передумала проходя мимо. И лицо у женщины было тонким и серьезным.

Но Варька со своим женским чутьем поняла сразу, что дело в короткой шубейке, которая делала осанку женщины, этой уютной и недоступной.

И Варавара побежала дальше, по своим делам.

Вечером того же дня у нее должен быть неприятный раз-

говор с мужем, который как бы уже и не муж. Но всё еще звонил, надоедал нравоучениями.

И вообще разговаривал с ней как с «девкой-чернявкой».

Его всё раздражало в ней. И непутевость, и непрактичность, и щедрость ненужная.

– Кончай заниматься благотворительностью.

И она лепетала что-то в ответ невнятное, оправдательное, тихое.

И всегда после разговора, она долго приходила в себя, перерабатывая обиду, которую наносил он ей, желая ей добра. Из лучшего – лучшее.

И она досадовала на себя, что не могла толком ответить.

Он сразу стирал возможную дистанцию своим снисходительным «Привет».

И когда на этот раз высветился его номер, она вдруг, прежде чем ответить, представила и запахнула на себе белую короткую шубку – как та дама, тем же жестом укуталась и почувствовала себя как в бронежилете. Кутаясь в белый легкий мех воображаемой шубки, Варвара удивилась только выученности жестов умения обращения с мехом. Она никогда его не носила.

Но тут, мысленно запахнув пола за полу, она будто подросла и вытянулась. Она не спеша подошла к телефону.

– Слушаю вас.

Решение пришло мгновенно.

Она будет говорить ему «вы».

И он больше никогда не посмеет нарушить дистанцию. И на его ироничное «Привет», она повторила:

– Слушаю вас, – придерживая шубку одной рукой. А другой рукой отдаляя от уха ироническое воркование мужа из трубки.

И, неожиданно для себя, поняла, что решила многие вопросы трудности общения. Стоит только накинуть на себя шубку и погладить рукой прохладный мех. И ты защищен от всех страхов.

18 марта 2020, Синяя тетрадь.

Пегас

Она увидела его во сне, который длился секунды, да и спала она, кто знает.

Она смотрела из окна кухни третьего этажа вниз и увидела, вместо привычных бездомных кошек и вечно писающего в углу дома охранника. Его увидела.

Красоту в одну лошадиную силу, а еще и с крыльями.

Он стоял белым факелом под рябиной, и спину его припорошила опадающая листва. Она поняла по засыпавшим его желтым листьям рябины, что он стоит здесь давно, и ждет – ее. Именно ее. Потому что и она его видела, а дворник, что мел неподалеку, не видел. Для него двор был пуст.

– Это – Пегас, – догадалась она и проснулась.

Она помнила как назывался конь с крыльями из школьной программы. Но дожив достаточную жизнь, она ни разу не подумала об этом мифическом образе. Она даже имени этого не произнесла в сознательной жизни.

Но при этом она сразу узнала его во сне.

Видела расширяющиеся от хриплого дыхания ноздри на морде его. И запомнила высокие крылья его, усыпанные листвой.

Он давно стоял.

Сама себе удивлялась, она прямо босиком помчалась на

кухню и глянула вниз.

Рябина стояла себе на месте а под ней недалеко была скамейка, на которой курил дворник. Охранник уже следил в углу. Думал, что его шкоды не видно. Ан нет, еще как надоедливо видно.

Катя затянула штору, налила себе воды, выпила таблетки – утренний паек. И стала собираться на службу.

Но какая-то необычность этого утра тревожила её.

Впечатление от великолепия сна не уходило. Изваянная сном голова коня сразу прижилась в ее голове и она уже любила это видение, как лучшее событие в её жизни.

Почему-то верилось, что конь этот ждал под рябиной её, нелепую Катерину, которая всех смущала и озадачивала своей непутевостью, добротой простушки и чуть рассеянной женщины, которая довольствовалась малым и никогда не обижалась. Её готовность помочь вызывала всегда в окружении раздражение и только. Доброте ее не доверяли и даже не пользовались.

Была она как-то вне реки житейской, стояла на мостках, а все большое и главное, и значимое проплывало мимо – туристическими поездками на Бали или Индию, выборами, спорами, супермаркетами.

Как-то она не приобрела навыка вникать в эти жизненные сущности. И боялась признаться, и не говорила подругам и поддакивала в их житейских историях кивком головы, улыбкой или старалась не участвовать.

Но сегодня, придя на работу и повесив выгоревший от времени черный плащ на общую вешалку, она не выдержала и выпалила:

– Мне приснился Пегас...

Никто не стал вникать и из-за такого несенсационного сообщения глаз не оторвал от монитора.

Только уборщица тетя Клава поинтересовалась. – А – кто это ?

– Конь с крыльями, – ответила Катя.

– А почему «пегас», – спросила тетя Клава. – Пегий, что ли?

Катя вернула себе образ того, кто стоял под рябиной и ее окном, и не стала дальше рассказывать.

Занялась рутиной.

На весь рабочий суетный день сон забылся, крылатый конь исчез. И, скорее всего, навсегда.

Нужно было после работы зайти в ЖЭК, и в который раз писать заявку на ремонт лестницы в парадной, по которой было страшно подниматься на ее высокий этаж. Ступеньки выглядели хлипко и кружевно на арматуре.

В ЖЭКе она выдержала весь ор об отсутствии средств и отсутствии рабочих. Всё как всегда. В этом году смета выбрана.

Катя еще зашла в магазин у своего дома. Поболтала с кассиршей Леной. Она всех здесь знала, эта кассирша. И была приветливой и милой. И Катя вдруг неожиданно для себя

спросила.

– Не знаешь, к чему Лошадь снится.

– Обманет кто-то. Лошадь – это ложь, – не задумываясь приговорила она.

Катя кивнула в знак благодарности и поспешила скорее уйти от глупого анализа кассирши.

Дома она беспокойно побросала продукты в холодильник. Не стала есть. Все это казалось скучным и странным. Странным оттого, что она умудрилась так бездарно плохо прожить годы, десятилетия.

Ходила по одному маршруту, у неё даже чашки не разбивались, она пила из той, что купила себе с первой своей полочки.

Она вдруг увидела себя глазами Пегаса сильного, красивого и знающего зачем он стоит под этой рябиной. И у неё вдруг появилось чувство, похожее на радость о себе. Пусть она квашня, и ничего толкового в этой жизни не застолбила. И живет просто так.

Просто ! И так !

Но, вдруг так подумалось ей, что на весь люд земной ей одной, почему-то приснился Пегас под осенней рябиной.

И он ждал.

3 мая 2020, Синяя тетрадь.

Тайна босса

Владимир всегда вставал по утрам грозно и грузно. Домашние разбежались по своим комнатам, благо их было достаточно, и там тихо выжидали его отъезда на службу.

Шаркая лениво домашними туфлями, он вышел из ванной – умытый выбритый-причесанный и направился в столовую, где Наташа, бесполое и тихое существо без возраста, роботно закрыла все возможные двери ведущие в столовую, где стоял на серебре подноса завтрак.

Владимир махнул чуть рукой и Наташа исчезла.

Он остался один, безразлично осмотрев снесь, не притронулся к ней. Притронулся он к тяжело висящему своему пузику, вздохнул, и пододвинул к себе телефон, который непонятно зачем задержался здесь в загородном доме, как старый друг общительной молодости.

Владимир снял трубку. И снял трубку он с какой-то приветливой любовью, послушал гудок, а потом, почему-то оглянувшись на закрытые двери, стал набирать чей-то номер.

И все домашние знали, что в эти утренние минуты их не должно быть на расстоянии пули, так грозен бывал Владимир, когда кто-то по неосторожности и незнанию нарушал эту таинственность.

Жена сидела у себя наверху и занималась как бы йогой. Сын уходил гулять с собакой.

Наташа стояла как постовой у двери и была ее бронировкой. Она не могла слышать с кем и о чем говорил так таинственно Владимир Иванович, потому что к её бронировке-табу были добавлены наушники для полной тишины, они были выключены.

Наташа почему-то пугалась громкой музыки в ушах. Тишина ей была привычнее. Главное, что она не могла слышать хозяина. Уходивший гулять с собакой сын, с едкой ухмылкой сунул ей в руку скалку, вместо положенного на таком важном посту – ружья.

Впрочем, она бы ничего особенного не услышала, кроме смеха, которым наполнялась эховая столовая. Смех был то громким, то тихим. И любовно-интимным.

И возглас Владимира звучал только в каких-то невразумительных междометиях.

– Угу, угу, ох ты... не может... Эх. Рад, рад, обнимаю.

И прочая неразбериха, озвученная и окрашенная почему-то легкой интонацией, которой домашние Владимира Ивановича не слышали. Никогда. Щеки его розовели, он пил свой утренний кофе в полном наслаждении и держал трубку у уха и, скорее, слушал в наслаждении, и восторге.

И опять легко смеялся.

– Обнимаю.

Кофе был выпит. Трубка положена на рычаг.

Наташа едва успела отскочить от двери, так неожиданно легко и новой походкой уносился Владимир Иванович из дома, к своей машине, с личным шофером. Уехал до вечера.

Наташа облегченно вздохнула, прошла в столовую и осторожно потрогала еще теплую после руки хозяина трубку телефона. Послушала с любопытством гудок в ней. Но он никак не объяснял, с кем по утрам ежедневно говорит её босс.

А очень хотелось узнать.

Жаль не знала Наташа, что на той стороне провода и кабеля далеко-далеко трубку держала милая, в ранней седине женщина. И ей не хотелось опускать её на рычаг. Оттуда, как весенний ручей звенели короткие гудки.

– Похоже, я для него как чашка кофе. А что может быть лучше этого.

И сама себе ответила:

– Ничего.

И это радовало очень.

А Владимир Иванович уже входил в офис черной тучей. И этой тучей его будут зреть все до следующего утра. И никому из клерков не приходило в голову, что этот мрачный хозяин был хозяин своей жизни только по утрам, когда его никто не видел.

24 мая 2020, Синяя тетрадь.

Драже

Сегодня она узнала, что он болен. И навсегда. И торжественно прочувствовав его старость, стала тихо плакать дробными слезинками, утирала их фартуком и думала: «Только бы он не страдал, не помнил, не осознавал себя в этой старческой беспомощности».

Старалась понять, из чего она, эта тонкая материя всяких отношений. Сила – в равновесии их, и чудо – в этом же. Все пропадает и рвется, падает без этого равновесия. А он раньше мог поднять одним взглядом, или желанием поднять, поставить и вырвать своим благородством её из минорного небытия.

Кто-то называл эту способность бредом, эпатажем, а он жил там, и блистал. Ошеломительный он был один такой на всех. Он всегда знал как она в своем горе огорчается, как и чему. Он был человек – событие! Всегда!

А теперь в его жизни время вело себя свободно, как ему хотелось. Оно то тянулось баржей при буксире, то прыгало мячиком у ног. А то и вообще – наоборот. В виде сладкого разноцветного драже объявлялось, соблазняя любимым цветом – взять в рот и, смакуя удовольствие, упиваться увиденными внезапно, и страшно быстро сменившимися друг друга эпизодами из жизни.

Можно было опрокинуть склянку с этими живительными драже, и тогда они стуча и весело разлетались. И их уже было не собрать. Не хватало сознания.

Каждому ребенку, надо вместо колыбельной настойчиво внушать, что жизнь его будет портить. Люди – глупы. А в первую старость – он сам, эта милая кроха, самый глупый и злой. И может, слыша в этом укор в собственном несовершенстве, дитё станет добрым и умным, вот назло вашему колыбельному внушению. Добрым и умным. Но это будет ему невезение, одиночество и свобода в одном сосуде.

Но об этих неловкостях в детстве не думается вовсе.

Уверены все в своем бессмертии, а то и вовсе не думают на такие сложные темы.

И вот он почувствовал, или увидел, что тяжелая стеклянная банка с цветным драже его жизни, грохнулась на холодный кафельный белоснежный пол больничной палаты.

Упала банка, разбилась с каким-то соборным звоном, и весело попрыгали дражинки, покатались в свободе своей по разным углам. И сознания уже не хватало чтобы их собрать.

Ну и пусть. У него сейчас был в наличии дистанционный пульт этого нового для него времени. И в нем, этом новом времени, не было никаких острых препятствий для пребывания в нем и обладания им.

Как странно, показалось ему – что на грохот разбитой банки никто не прибежал и не стал собирать осколков. И цветные шарики конфет.

И ясно вспомнилось девочка – соседка по городу в котором он жил когда-то. У неё в маленькой ладони всегда была зажата – когда помадка, или горошина драже.

Она приносила ему эту вкуснятку тайно от мамы и от себя, потому что он знал, как ей хотелось съесть это лакомство. Сладкое она любила, но его она любила больше.

И он это знал. Знал в детстве, знал потом, когда общался с ней в юности, когда бросил её на полпути в семейную жизнь. Знал, что она так и осталась одна. Знал, что жива и, в отличие от него – здорова.

И с наслаждением стал думать о ней, представляя что она может делать сейчас.

Когда у него здесь ночь, у нее – утро.

А по утрам, она обычно пила свой кофий вприкуску с сигаретой.

И шла гулять с собакой.

Он был недалек от правды. Так оно и было.

Она встала очень рано. И в тишине допивая кофе, она в который раз пожалеет о том, что нет надобности гулять одной – неприлично, так ей казалось.

А собаки уже не было. Они так долго не живут с человеком. Не выдерживают.

Она достойно вкушала свое одиночество в это утро.

И была рада уже тому, что не явились к ней никакие необычные желания, у нее их просто не было. Уже давно.

И из всей своей обыденной рутины её обжигало только

одно желанное воспоминанье.

Это был он.

Она вдруг почувствовала необыкновенно остро его старость. Его.

Он был Человек-Событие. Всегда. Изящен в поступках и в словах, тонок в стане и душе. Неповторимо чуден, и сообщал сразу при знакомстве: «Я глупый», – и это звучало искренне, как просьба о прощении.

И он-таки стал главным событием тогда, потом, и теперь.

Она шла вчера через сквер и увидела, что у Апостола Петра – местной достопримечательности, отсутствуют ключи.

В Скульптуре они очень подробно были исполнены автором. И Петр держал кольцо с этими могучими ключами в руке, а сам строго и задумчиво глядел на прохожих.

Не любя строгость, Апостола безбожно обокрали. Выломали кольцо с ключами и унесли. Кому-то очень хотелось в рай.

Черные дыры от вырванной связки даже приснились ей ночью кошмаром.

А еще ей снился он. Почему-то он шел к ней с банкой яркого цвета драже. Худенький, седой. И она понимала, что банка тяжелая и он может уронить её. Сделала почти прыжок навстречу, так хотелось помочь. Но не успела.

Проснулась.

И вот теперь она поняла что должна непременно выйти на воздух, ветер который бился в форточку.

Ей приказали будто, и она, не забыв теплую кофту, вышла на улицу. Дворники копошились убирая баки. Начался для них трудовой день. Она вышла за ворота, пошла вдоль реки. Утреннее, непривычно новое смятение гнало ее. Ногам стало холодно. Только тут она поняла что идет в домашних шлепках.

Она смутилась своему нелепому виду. И решила вернуться домой. И тут взгляд её выхватил из утренних сумерек, что-то такое, к чему она побежала в тапках, не было бы их – то и босиком.

Апостол Петр сидел на своем месте и скорбно взирал и на неё и на дворника, и на игрушечный город-макет у его ног.

Но на месте зияющих дырок от связки ключей был вдернут цветной красивый шнурок и на нем висели ключики – тоже цветные, с красной и желтой шляпкой. И все вместе они были связаны изящным узелком.

Узелок был крепок и надежен, не хуже украденной бронзы.

И оттого, что они были цветными и веселыми, и шнурочек ключиков, даже у Апостола смягчился взор. Казалось. Она подошла поближе.

Ключики были маленькими, может от машины, или от зажигания. Но тут всей своей веселой игрушечностью, они внушали ответ на вечное наше сомнение.

Было очевидно, что мы живем в уникальной истонченной материи. Каждое грубое непристойное движение делает

в ней дыру.

Но Сила Равновесия Чуда штопает возможные дыры, удерживая мир этот. И без чуда этого он разорвется, рассыпется, как драже.

А он спал и уже не мог видеть как она возвращалась домой. Думая, как ключики похожи на драже в её детстве.

Не видел.

Она знала – они! И это не показалось ей странным (совпадение). Ключи, хоть и казались игрушечными в тяжелой гранитной руке, но вид у них был яркий, привлекательный и живой.

Они напоминали то подтаявшее драже, которым она угощала его в детстве.

Ничего не пробовала она вкуснее потом. Тогда. И потом.

– Драже просит, – сказала нянька медсестре.

– Бред, – пожала плечами молоденькая крепкогрудая халда. – Ночь теперь.

Она была злая весь день, потому что потеряла ключи от банковской ячейки. И какое ей дело было до личных желаний этого иссохшего старика.

А нянька потащила в ближайший гастроном. Она шла в сквере мимо каменного апостола. Но не заметила уже ключиков.

Кто-то забрал их себе. Каждому хочется ключи от рая. Даже если они игрушечные.

9 сентября 2019, Льняная тетрадь.

Рецепт

Они поссорились вдруг!

На пустом месте: вернее в аптеке.

Очередь коротенькая в окошко рецептурное слушала их маленький семейный скандал.

Старушки жадно вникали в происходящее, узнавая эпизод из любимого сериала.

– Я не буду.

– Будешь, – он явно настаивал уверенно и давно.

– Будешь, – и он протянул провизору рецепт с прикрепленной к нему, прикнопленный, пришпиленный снимок УЗИ. Он был качественным, и на нем в трех ракурсах запечатлена была жизнь нового человека.

Малыша, частная жизнь которого была скрыта от глумливого взгляда чужаков и тяжелым веком материнской утробы защищена от их суетных деяний и помыслов.

И он никак не мог оказаться в мрачной аптеке, в скучной болезной ее очереди, где скандалили его родители.

Аптекарьша привычно-небрежно взяла листок и стала быстро складывать рецептурный набор, чиркая кассовым аппаратом.

Ее руки с красивым маникюром небрежно касались величия эмбриона на снимке, вовсе не замечая этого величия.

Список витаминов и прочих причиндалов был какой-то очень длинный, аптекарша побежала на склад за каким-то редким мочегонным, бросив снимок на столик у кассы.

Её не было довольно долго, и очередь начала роптать в недовольствии.

«Не буду – будешь» не прекращалось.

Пока вдруг мужчина, при окошке стоявший за будущими родителями, неожиданно не сказал. —Т-с-с-с.

Очередь не поняла, но замолчала. Затихли перед странностью этого высокого гражданина и те, с «буду-не буду». В этой скороговорке их уже слышалось «Будда-будда».

– Буддисты, заключила тетка из очереди.

А высокий красивый гражданин в шляпе опять тссыкнул и, сняв шляпу, сказал:

– Приветствую тебя, – и поклонился перед окошком жизни низко- низко.

Наступила тихая пауза непонятости.

Тут вернулась провизорша с коробочкой пилюль, схватила скорым рутинным движением рецепт, вычеркнула там что-то шариковой ручкой.

– Всё, – она протянула рецепт со снимком УЗИ будущим родителям.

– Осторожно! Вы вторгаетесь, предупредительно сказал мужчина и, перехватя снимок, задержал его на долю секунды и улыбнулся.

– Привет, малыш. Прости нашу глупость.

Будущий папаша резко выхватил листок из рук незнакомца и небрежно сунул в рюкзак вместе с пакетом лекарств.

«Буддисты», все еще споря, «будешь – не будешь», покинули аптеку.

– Следующий, – выглянула из окошка провизорша.

Мужчина надел шляпу и невежливо как-то отвернулся от окошка. И отошел, вместо него тут же выросли следующие из очереди.

В очереди облегченно и радостно вздохнули.

– Продвинулись, наконец.

Чудак в шляпе вышел на улицу. Там он наткнулся на «буддистов», которые выясняли свои отношения с громкой интонацией. Тема ссоры впрочем сменилась. Теперь был спор о деньгах.

Дороже – дешевле.

Мужчина направился было к ним.

– Ребята, потише, пожалуйста, ему страшно.

«Буддисты» не слышали его. Впрочем сев в машину и почувствовав себя в безопасности от этого городского сумасшедшего, женщина все-таки спросила:

– Кому, кому страшно? Бред.

– Тому, кто в пути.

Но женщина не вникала, заклопила стекло и они уехали.

А мужчина поежился, передернул плечами, как будто выпил ложку горькой микстуры, и пошел дальше по своим таинственным делам.

А пара в машине ехала накупившись, пока муж не сказал в недоумении – Кому, кому это страшно. Что он имел ввиду.

– Сумасшедший – резюмировала жена.

– Нет. Не думаю.

– Сумасшедший, – не сдавалась будущая родительница.

– Он снял шляпу. Нет, ты видела?

– Вот и ты согласен.

– Дурдом, кивнул муж.

И они помирились.

24 сентября 2019, Льняная тетрадь.

Впечатление

Нет ничего гаже обманных фонарей на улице. Вроде и горят желтым, но светом это трудно назвать. Так, подвесили обманки, да еще почему-то на высокие столбы, так и хотелось притянуть их к себе поближе, как летом ветку орешника в лесу, чтобы сорвать нужный плод.

Бесплодное занятие ругать тусклость предмета, он в ней не виноват.

Так задумано каким-то человеком, автором. Ему почему-то нравился этот темно-желтый цвет, придававший улице болезненный вид и погружавший редких прохожих в желтую тоску.

«Только сумасшедших не хватает», – подумалось Юле.

Ан нет. Всего в достатке.

– Вы не знаете где здесь кино бесплатно..., – её держала за лацкан пальто тонкая старушечья ручонка в перчатке из черной кисеи, не по сезону. И старушка, как милостыню, просила у нее показать этот кинотеатр, где крутят бесплатное кино.

Но Юля не знала, вернее знала, что этот кинотеатр давно закрыт, и в нем сувенирная лавка с китайскими поделками.

Огорчать старушку она не стала, просто сказала, что не местная и старушкина ручонка отпустила ее на волю. Но

Юле как бы перешло от нее, как инфекция или вирус, состояние тревоги и неприкаянности, тревожного поиска ненужного чего-то и забытого во времени предмета.

Она, зараженная неприкаянностью этой старушки в ажурных перчатках, вдруг как споткнулась о новое видение своей жизни. Из памяти не уходило милое интеллигентное и потерянное лицо этой пожившей женщины, которая искала в прохожем собеседника. Её монологная непрерывная речь была обращена с просьбой вспомнить этот кинотеатр повторного фильма. Беспокойное лицо ее, худое и тревожное, врезалось в Юлину память навсегда.

Она вспомнила, что старушка и о библиотеке спрашивала. Допытывалась о старых, знакомых уже только немолодым горожанам предметах.

Она ведь именно её схватила за лацкан пальто, узрев в ней ровесницу и понимавшую утерянные давно смыслы.

И Юля вдруг увидела себя глазами этой одинокой прохожей. Она была точным её отражением.

В одиноком вечернем отуплении, она шла медленно по темной улице и мрачно думала о тусклых фонарях.

И ведь старушка в кисейных холодных перчатках обратилась к ней, как к сестре по времени и одиночеству в нем.

И Юле вдруг захотелось оглянуться и догнать незнакомку и сказать, что кинотеатра давно уже нет, а библиотеку перенесли в спальный дальний район.

Но незнакомки в темноте фонарей она уже не увидела.

И хорошо, подумалось ей.

Пусть спрашивает, общается, может кто и отзовется и укажет, но что-то подсказывало Юле, что старушка эта знает правду, но от этого знания забыла её навсегда.

След чего-то спокойно-светлого, прошлого её жизни, приводит её под эти тусклые фонари спрашивать об утраченном. И она, ну совсем, не хочет слышать правды.

Юля повела плечами, как бы стряхивая это знание с себя, ускоряя шаг, и потом почти побежала домой к себе, будто за ней гнался кто-то злобный и страшный.

Но если бы она оглянулась, то поняла – никто за ней не бежал. На улице стоял одинокий мужчина у рекламного проспекта филармонии и вслух читал его с выражением.

И правда. Бежать, бежать.

И кому это в голову взбрело экономить. Включите свет.

27 сентября 2019, Льянная тетрадь.

Хоровод

Если обозначить одним словом позу, в которой она застыла в свои сорок пять с небольшим – так это растопырка.

Она так и видела себя со стороны в этой неудобной позе: с растопыренными руками и открытым ртом.

Руки растопырены по мотивам известной когда-то песни: «Возьмемся за руки друзья, что б не пропасть по одиночке...»

И её крепко держали за руки и кружили в хороводе жизни друзья, мужья, дети. Цепь хоровода этого казалась неразрывной и надёжной, как якорная.

И она даже не сразу заметила, как по одному стали исчезать ее звенья...

Она все хватала за руки детей, мужей, подруг. Но не удержала, по разным уважительным причинам.

И это случилось так неожиданно и быстро, что она так и застыла с растопыренными руками, в которых уже никто не нуждался, и ртом, открытым от удивления от случившегося с ней.

Но по жизни никому эта её поза отчаянного удивления не казалась странностью. Каждый выпал из своего хоровода, и никак к этому не относился. И никто не пропадал «по одиночке».

Лицо свое она несла с непомерным достоинством, руки прятала в тяжелые пакеты с продуктами, которые по привычке закупала в больших количествах.

Придя домой, потихоньку, ненавязчиво, отдавала соседям. Впрочем и это её мало занимало. Обывательские пристрастия были нелюбимы ею и презираемы.

Учительское призвание в ней не состоялось. Она не могла общаться с детьми, которые, ну никак, не вписывались в ее представление об школярах.

Эти ничему не учившиеся дети – старшеклассники, были высокомерны, защищены смартфонами от необразованности. И совсем её не замечали. Она даже не возмущалась. Смирилась и ставила им хорошие оценки.

Так спокойнее. И в благодарность ей дети не хамили и иногда даже отвечали на простые вопросы, которые она тщательно готовила дома.

Дети еще были хороши еще тем, что не замечали ее растопыренности. Впрочем, как и её самую.

По утрам ей так хотелось попасть в хоровод, не в свой, так в чей-то, взяться с кем-то за руки крепко-крепко и не выпадать из этого – никогда.

Но с учениками этого не получалось. Руки у них были заняты телефонами, клавиатурами и скорописанием.

У доски стояла Пирогова Лена – мучение её за последние годы. Грамотность сбежала от Лены еще где-то в начальных классах и больше не возвращалась.

– Пирогова, пишется «кочан», через «о».

– Нет «качан». Мне так кажется. Я уверена. КАЧАН.

Она не стала спорить с ученицей. В позе этой новой молодой и сильной жительницы Земли была такая уверенность в своем знании и вместе с ней в этом хороводе и чувствовала- лась поддержка класса.

И она не стала спорить с этой уверенностью этих всезна- ек. Но более того ей вдруг показалось, что они, все правы, и «качан» через букву «А» писать удобнее.

Она от смущения почесала себе переносицу, отправила Пирогову на место и молча поправила «А» на «О» в слове «кочан».

В классе прошелестел шумок. Но тут раздался звонок.

Ребят ветром сдуло из класса, и она опять стояла расто- пыркой посреди пустого класса. И она уже не была так уве- рена в своей грамотности.

Она была раздавлена вседозволенностью этого невеже- ства.

«Может и вправду «качан», – подумалось ей по дороге до- мой.

Первое, что она сделала войдя в квартиру, побежала и вы- хватила словарь. Орфографический. Он всегда стоял в пер- вом ряду книжной полки. Волнуясь почему-то и очень силь- но, долистала до нужного места. Конечно же, кочан пишется через «О».

Она с облегчением некоторым закрыла словарь. Ткнуть

чтоль эту бездарь, Пирогову, в этот словарь и доказать.

Нет, не станет она этого делать. Очень не хотелось увидеть себя потерянной растопыркой. А уж ребятам из класса совсем знать было об это ни к чему.

Она горько вздохнула от своей правоты и не знала что с ней делать.

25 мая 2020, Жаккардовая тетрадь.

Склеить

Он не хотел ссориться. Не любил ссориться. Но с ним это было невозможно. Они знали друг друга всю жизнь, в буквальном смысле, родились в одном роддоме с разностью в неделю.

Познакомились чуть позже и их мамы и папы на прогулках. Рядом был огромный парк, богатый даже на белочек, которые иногда садились на завесу детской коляски и выклянчивали сухарики, орешки и прочую снедь. Правда за это время парк исчез вместе с белками.

Построили метро и ларьки при нем, тоже с орешками и пр. снедью. Но белочек все равно не было. Ушли навсегда.

Пронеслась и их жизнь. Паша и Игорь учились, женились, разводились, но при этом никогда и никаким обстоятельствам не давали разобидеть свои отношения.

Игорь любил и уважал Павла за то, что он пил, но знал при этом меру. Павел любил Игоря за то, что он ни в чем не знал меры. Считал чувство меры врагом человечества и строгим ошейником на нем. От которого человечество только звереет и огрызло рычит на собрата.

Павел приходил в сильный восторг от смелых выходов Игоря. Он жил чувствуя себя свободным и честным. И имевшим сказать свое правдивое слово каждому, кто в этот мо-

мент напросился.

Так друзья и жили в полном восхищении друг другом.

Как-то сама текущая между ними жизнь не всегда ставила знак равенства между их возможностями и их реализацией.

Игорь как-то ловко поступил в медицинский сразу. Павел работал долго медбратом, чтобы поступить туда же, в медицинский.

Игорь стал стоматологом, а Павел – участковым терапевтом. Игорь ненавидел свои вечно раскрытые рты пациентов.

Павел обожал своих нелепых старушек, который знал не только ее биографию, но и детей, и внуков ежегодную жизнь.

Оба они женились в один год. Но жены их были также не схожи.

Схожи они были только в одном. Активно пытались разорвать эту странную дружбу. И каждая из них была уверена в дурном влиянии их друг на друга.

У Павла случались запои. Но очень редко.

Игорь же, по словам его жены, не просыхал. Хоть это и не могло быть правдой. Иначе как он мог бы смотреть в доверчиво открытые рты своих клиентов.

Жены так и сяк посягали на эту дружбу таких разных людей. И обе кричали в запале им в уши, что дружба эта только во вред, в немощь, и отнимает времени много.

Но мужчины мало вникали в эти причитания.

Они с кротким нетерпением ждали лета. Тогда уезжали их жены с детьми. Кто на Гоа, кто на дачу.

И Паша-Игорь оставались в городе и ходили к друг другу в гости.

Кухня любого жилья становилась либеральным убежищем, ареной, сценой, где Игорь читал возможно меткие свои анти-российские вирши.

А Павел больше молча, слушал, аплодировал остроумию ехидного Игоря и всегда почему-то боялся, что Игорь заметит, как неприятны ему нападки Игоря.

На отечество их, на то, как плохо и скудно живут рабами их общие знакомые.

Павел слушал это и в результате напивался и засыпал.

– На самом интересном месте, – как назавтра огорчился Игорь.

Эти вечера – посиделки были какой-то тайной связью, которую все называли дружбой. И зря, выступления Игоря всегда подавляло Пашу, и Паше иногда очень хотелось дать Игорю в глаз и выгнать его из своей кухни, уставленной русопятыми глиняными фигурками (поделка жены), выгнать Игоря на непонятную душную темень вокруг, выбросить прямо в открытое окно.

Павел не любил и не понимал в себе эту враждебность стеснялся ее в себе и от этой тревожности поскорее напивался.

А Игорь обожал эти посиделки с другом детства.

Он всегда брился тщательно, продумывал свой гардероб вплоть до ремешка в брюках.

Покупая или выбирая из домашней коллекции самую увесистую бутылку со спиртным (все от благодарных больных). И только внимательно осмотрев себя в зеркале, клал бутылку в шикарный пакет, туда же бросались домашние тапки, он выходил из дома, тщательно закрывал на все замки дверь. Он звонил в дверь напротив. И Паша его уже ждал. Правда он себя элегантно не утруждал. Он был всклокочен и небрежен по-домашнему.

На нем была только улыбка радости. От макушки до самых пят в тапочках.

О чем только не говорилось им за столом. Доверительные откровения согревали отстегнутость их в эти минуты от всего законно чужого.

Это были родственники – самые-самые, ведь родились они в одном роддоме. Поэтому доверительность их к друг другу была братской.

Но однажды случилось неожиданное. Широко размахнувшийся руками в запале своей критики нерадивого отечества, Игорь смахнул глиняную скульптурку – мужик и баба порусски обнявшись на деревенской лавочке. Скульптурка – вдребезги, и так тихо разбилась. Глина не звенит как стекло. Она тихо распалась, распались руки, отвалилась скамейка. Простое глиняное счастье, в красивом добром исполнении, разом исчезло. Как и не было его.

Пашка ринулся следом на пол и стал собирать черепочки, будто хотел склеить.

– Да, хрен с ней, потом соберешь... Слушай как пишет Бродский...

Но Паша вдруг выпрямился. Лицо его было обиженным, он бережно положил черепки на стол, а потом вдруг разом, и очень сильно, ляпнул кулаком в зубы Игоря. Вложив в этот удар какие-то свои тайные смыслы. Только посыпались имплантанты.

Игорь испуганно ринулся в панике к двери.

– Сгинь, морда, чтоб я тебя не видел.

Паша выбросил следом пакет с туфлями и выставил на площадку остатки виски в красивой бутылке.

И понимая, что бывший друг его смотрит на него в глазок из двери напротив, плюнул:

– Тьфу !

Дома Паша убрал со стола, расстелил чистый лист бумаги и стал клеивать поделку.

– На что руку поднял, это любимая работа жены. Надо склеить, может не заметит.

И Паша в надежде улыбнулся.

А Игорь действительно смотрел в глазок. И когда Пашка скрылся, вышел на площадку и забрал пакет с алкоголем и туфлями. Потом долго в ванной вглядывался в дырки во рту и думал о друге.

– Что это с ним? Неужели из-за цацки глиняной. Заеду в салон, куплю похожую. А то сидит там клеивает свою нищету. Убогий. Куплю и завтра же отнесу. Чтоб не обижался.

И было понятно, что Игорь не в первый раз принимает столь мудрое решение.

10 июня 2020, Жаккардовая тетрадь.

Выбор

Сорочка, была белоснежной и старательно наглажена. Татьяна, жена, вкладывала в горячий утюг последнюю свою надежду, что балбес ее муж, неработающий бездельник, пристроится в этот офис. Она договорилась о собеседовании с нужными людьми.

Потемкину оставалось только придти и объявить о себе.

Потемкин спешил на это собеседование. Он уже полгода был безработным, и жена Таня так пилила ему шею, что рисковала стать вдовой. А сам Потемкин имел, и давно, одно желание – сбежать от этой самой жены далеко-далеко.

И он бежал, под скорым дождем через парк, не от жены, конечно же, а на собеседование в красивый офис, окна которого уже сияли своей зеркальностью в конце парка.

Но тут же в глазах Потемкина отзеркалился блеск из лужи, которую он перепрыгивал.

Он притормозил и увидел – в мелкой луже барахтается аквариумная рыбка. Не очень похожая на золотую, но живая и настоящая.

Потемкин стоял, обалдевший, над трепыхавшейся рыбешкой и быстро думал о том только, как ее спасти.

Он зачерпнул ее, прямо с мокрой жижей из лужи, и побежал к пруду, такому же мелкому и грязному, но там было

воды побольше. И в его засоренных берегах Потемкин легко отыскал целлофановый пакет. Зачерпнул воды из пруда. И! Вот рыбешка была спасена. Она взбодрилась в обширности пакета. После лужи – это был для нее океан. Она быстро набирала силенки и бодро плавала вверх вниз, открывая рот.

Потемкин разглядывал ее большие, с черным зрачком, глаза и спросил: – Ну, и что мне с тобой делать?

Рыбка молча открывала рот, и Потемкин вдруг осознал, что он наделал. Собеседование его не состоялось, он на него уже не успевал. Брюки и пиджак были испачканы сильно и мокро. И белые манжеты отглаженной по этому случаю рубашки сильно пострадали в своей идеальной белизне.

Но съезжился Потемкин совсем не от срыва эфемерного собеседования с кем-то в какой-то конторе.

Он понял, что его ждет дома. Жена его выгонит, выставит с чемоданом, который всегда стоял у нее наготове, в кладовке. Будет орать, орать, пока громко не хлопнет дверь за ним.

От этого знакомого ему посылы из дома Потемкину стало стыдно. Стыдно этого прыщавого мелкого ужаса перед своей женой.

«Почему выгонит, – думалось Потемкину. – Я ей покажу рыбку. Не каждый день рыбки под ногами валяются».

А на собеседование можно и на завтра договориться. А костюм в химчистку – делов-то!

Так казалось Потемкину. Но! Напрасно.

Первое, что он сделал дома – это переселил рыбешку в

трехлитровую банку с чистой водой. Бросил туда крошек хлебных. И тут на кухню влетела Татьяна.

Выслушав мужа и оценив грязь на манжетах, и совсем не оценив «улов» в банке, она, узнав, что собеседование не состоялось по причине какой-то полудохлой рыбки, она побежала в кладовку за чемоданом.

И Потемкин немедленно был выставлен за дверь, вместе с чемоданом и банкой с рыбкой.

– Достал ! Всё.

Хлопнуло что-то разбилось где-то стекло.

Потемкин в тревоге глянул на банку с рыбкой. Все были в целости. Потемкин сидел в парке на скамеечке. И потихоньку осознавал свое счастье. Он был свободен, наконец.

Он мог не возвращаться домой. Он давно, очень давно желал не возвращаться в этот дом, к этому ору и недовольству и пильству.

Его взгляд упал на банку с рыбкой. Она жевала обильные хлебные крошки с большим аппетитом.

Хоть и не была рыбкой золотой, а главное желание Потемкина исполнила.

– Воля ! Ура. Один.

Он легко встал со скамьи и пошел искать дом для рыбки. И себя. Сначала Аквариум.

И как хорошо, что он не пробежал мимо той лужи. Желания начали исполняться. И Потемкин легко, как в новую жизнь, вошел в «Зоомагазин»

И больше всего сейчас занимало Потемкина непонимание диковинного появления этой благородной рыбки, пусть и не золотой, в грязной луже в центре города.

И понимание одной важности своего не менее чудесного спасения.

А ведь мог, пробежать. Его ждали. Нет. Не мог.

И поэтому он свободен.

И он с горячностью радостью и чувством рассказывал девочкам продавщицам историю спасения, ну, разумеется он взял номер телефона.

А ей сунул взамен старую свою визитку. Он не хотел обманывать. Просто другой не было. Пока не было.

19 июня 2020, Жаккардовая тетрадь.

Светик

Хоть на минуточку, хоть на секундочку оказаться там, где ему тарелку борща принесла бы Она, та самая узкотальная, широкобедрая, легкая от любви к нему девочка.

Нет, не надо и борща, и пусть его, он съел бы все из ее рук с точеными, но жесткими пальцами. Как поздно он оценил их жесткость цепкость и себячество. Поздно.

И пока шаркала тяжелыми широкими ступнями, она медленно, чтобы не пролить, ставила тарелку перед ним, пододвинув хлеб, и привычно убрав за широкий рукав графинчик с водочкой. Будто его и не было, этого графинчика. Фокус такой, длиною в жизнь. Она находила спрятанный им алкоголь в любом даже странном очень месте.

В дупле дерева, где он гулял по утрам с собакой. Впрочем и собаку он завел, чтобы обмануть ее, жены бдительность и во время вечерней прогулки заскочить в любимую рюмочную.

Давно не было собаки и рюмочной. Гнила только эта квартира, их дом, из которого не было выхода. Дверь была, а выхода не было. Корм им доставляли взрослые дети, большее, что она могла – это дойти до мусоропровода.

А он и этим себя не утруждал. Сидел в кресле или лежал на диване днями, стараясь реже видеть толстую нескладную

и в чем-то агрессивную её, жены, фигуру.

И дело было не только в её тяжелом теле, а та гневность его, обращенная к каждому предмету в доме, и особенно к нему, Петру Павловичу, который все не переставал играть с нею в прятки. То там, то сям, она находила запретное зелье. И громко гремя дверными засовами, чтобы он услышал, шла к мусоропроводу. И в нем долго звенело битое стекло, отдавая болью в сердце Павла Петровича.

Она молча возвращалась, опять гремели засовы.

Потом долго текла вода из крана. Она мыла руку.

Поставив сегодня обычную тарелку перед мужем, она села рядом. И вдруг неожиданно спросила:

– Апперитивчик налить?

Не дожидаясь ответа, как Василиса из русской сказки, налила ему из широкого рукава бархатного халата водочки.

Он удивленно вскинул свои широкие сильно заросшие брови.

– Ты здорова.

И тут же выпил налитое, пока не передумала.

Она улыбнулась и продолжила

– На дачу поедем в этот сезон, дети звонили, спрашивали.

Он нахмурился, уже не робея, налил себе вторую рюмашку и резко так сказал:

– Возят нас как чемоданы туда-сюда. Оставят на лето, как в камере хранения. Не хочу...

Он вдруг внимательно стал вглядываться в лицо жены,

пытаясь хоть что найти, зацепиться за милую знакоминку любимой, и очень любимой им женщины, которую он с юношеской щедростью называл “Мой Свет!”

Это был его Свет, его Мир ради которого он был готов на любой защитный подвиг.

Но должно же было остаться от того Чуда ее красоты, хоть что-то. Пропал даже милый ее южно-русский говор, имплантанты вставили плохо и они сильно исказили голос и кривили челюсть.

И все же дело было не в этом. Что-то было потеряно главное. Павел Петрович много размышлял на эту тему, она постарела, да и он не стал моложе, оброс бровями, сутулым стал, и скрипучим.

Он потянулся чтобы налить себе ещё стопочку, но она прикрыла её широким своим рукавом.

– Ешь, – приказала она.

Павел Петрович отхлебнул с ложки борщ. Он был, как всегда, совсем невкусным.

– Вкусно?

– Очень, – соврал привычно он.

И вдруг его пронзила странная, даже беспокойная догадка. О том, что с ними не так.

Он вдруг осознал, что за эти полвека он не сказал ей, жене, ни слова правды. Он говорил только то, что хотела слышать она. Потому что... Он с трудом сформулировал мысленно причинную суть.

Потому, что от страха, потому, что всю жизнь боялся ее непонятным страхом. Боялся её крика, слёз, обидчивых истерик, её неправоты и глухоты. Он боялся её всегда, везде, чувствовал за спиной возможный ее окрик.

И ранняя сутулость его была результатом сжатости постоянной спины от боязни услышать «Паша, хватит».

Этот страх стал сутью и смыслами его жизненных поступков. Он бежал от этого страха отчетности перед ней, всё равно куда, хоть в рюмочную, хоть к случайной женщине. Только там он на короткий срок чувствовал свободу.

Обманную, временную но её. Он уставал от страха, перед этой женщиной, которую он когда-то гордо окликал:

– Свет !

И она правда заменяла ему целый свет.

И может страх потерять этот свет перешел в хронический ужас перед этой тяжелой, в сущности незнакомой теткой, которая варит по-привычке всё тот же невкусный борщ, и он, все так же от боязни чего-то, хвалит этот никчемный суп и благодарит.

Почувствовав перемену настроения в муже, она переспросила:

– Что, невкусно?

И, неожиданно для себя, Павел Петрович резко встал, оттолкнул от себя тарелку с остатками борща.

– Совсем дрянь у тебя борщ! И всегда был.

И, увидев, что жена готовится к обиде и слезам, опередил.

– Гадость, бурда, помои.

И, промолчав, добавил с особым смыслом и ироничной интонацией, и нараспев так:

– Све-тик...

И неожиданно, и спешно, ушел к себе в комнату.

Лежа на диване, он почувствовал себя человеком. Как будто как в дни молодости сбежал с собакой, к заветному дуплу, куда прятал пузырек.

Ему было слышно, как жена говорит – наверное с сыном, горячо говорит, со слезами, и через слово – слышно «Что я ему сделала».

Павел Петрович слушал ее монолог у телефонной трубки и улыбался себе спокойно.

– Что сделала?

Да ничего.. В том то и дело. Стерегла, только. Я ей не чемодан.

В прихожей он надел запыленные туфли и пошел гулять. Один. В целом Свете.

И показал язык всевидящему оку видеокамеры над выходом. А потом и кулак – бесстрашно.

23 июня 2020, Жаккардовая тетрадь.

Оказия

Она была аскетична во всем, без всего могла легко обойтись, но любила яркое освещение во всем доме.

Художник по образованию, еще тому, из прошлого века, она занималась в основном натюрмортами. Писала и цветы и пейзажи. И никогда не писала ничьих портретов. Боялась этого жанра, опасалась не справиться – и тем самым обидеть человека, то есть оригинал.

А пышноцветные вазы удавались ей легко. Вообще она была человеком легким, приветливым. И в дом ее стремились попасть многие. Она и не отказывала. И работалось ей удобнее как-то в присутствии подружек приживалок, которые с разной степени завистью восхваляли ее способности. Но надо отдать им должное – словом они не разбрасывались и талантом Тамару Юрьевну не называли.

Хотя бы могли, она бы не рассердилась. Ну, может чуть щеки покраснели, но они у нее краснели и без такого тяжелого повода.

Дом Тамары был в центре города, поэтому почти никогда не пустовал.

С утра были звонки – и в телефон, и в дверь. Не остывала кофеварка, и булькал кипяток в кастрюле для пельменей или сосисок.

Не убиралась со стола и бутылка виски с мудреным названием и обезьяной на этикетке.

Но главной примечательностью её дома была электрическая избыточность освещения.

Одним выключателем, и это было принципиально, чтобы одним жестом взорвать светом все комнаты разом. И пол, и стены и потолок – все сияло яркими лампочками. По углам росли ветками лампочными торшеры, как диковинные деревья.

Зажигался внутри огромный глобус. Земля на нем была теплой и доступны светящиеся солнцем полюса.

Каждый раз, нажимая эту волшебную кнопку выключателя, Тамара сама ойкала, радуясь как школьница.

Впрочем, школьницей она была, давно, и давно – студенткой. Сейчас ей надо было работать, работать, благо покупатели были, и даже стояли, пусть и не в большой, но очереди.

Тамара уже «причесывала» сухой чистой тряпкой кисти из вазы, когда в дверь позвонили.

Для визитеров было уж совсем рано, гостей она не ждала. А уж ту, что оказалась за открытой дверью, совсем не ждала. Ни сегодня, ни завтра.

Гостья была под явным шафе вздернулась в пьяной улыбке губа, показав желтые прокуренные зубы и гостья шагнула в дом.

На минутку ослепнув от света всех ламп, она прищурилась, потом достала из кармана фуфайки бейсболку и натя-

нула, чтобы прикрыться от лишней яркости. Жест это был очень наработанный, наизустный.

После чего гостя из второго кармана извлекла крошечного щенка таксы.

– Знакомься, это – Оказия.

Она крепко поцеловала Тамару в щеку, а потом ткнула ей щенка.

– Купила вот. С оказией передали. Ох. Ох.

Она прижав щенка к своей груди рухнула в кресло на кухне.

– Свари нам сосисочку, пожалуйста. Оголодавши мы.

Тамара поняла, что день испорчен, Галина приходила к ней всегда на весь день. Выпивала весь коньяк в доме, никогда ничего не ела. И курила, курила. И говорила. Это был монолог на весь день.

Она говорила о самом страшном дне, годах своей жизни, повествовала подробно, как ей стыдно, что ее бросил её Сорокин. Голой на юру.

Сорокин, её муж, действительно покинул её с двумя детьми. И это было тогда странно для всех. Но было это двадцать с небольшим лет назад.

Уже выросли дети, уже было другое время, а она все не могла смириться, угомониться.

Вот теперь таксу завела. Зачем она ей.

Тамара бросила в кастрюльку пару сосисок.

– Что случилось.

– А ты не знаешь. Меня муж бросил.

И она заплакала так искренне, громко всхлипывая, как будто только узнала об этом минуту назад.

И покотился день, плаксивый и сентиментальный. На все вопли Галины Тамара сдержанно проговаривала пошлые фразочки, не очень утруждая себя участием в диалоге.

Таксенек был накормлен, и скрылся опять в огромном накладном кармане хозяйской фуфайки и затих там.

Тамара пыталась обнаружить для гостя свою занятость, но та не церемонясь заявила.

– Ну что ты, ты все малюешь свои цветочки. Поменяла бы жанр. Попробуй себя в страстях, эмоциях. А то цветы везде, как на кладбище. Я пойду, пожалуй, со вчерашнего дня домой дойти не могу. Не хочу. Там... – Галина махнула рукой и встала из-за стола.

Но домой ей было уже не дойти. Она дошла до дивана в Тамариной спальне и рухнула на него.

– Прости, Тamarочка...

И прикрыла козырьком глаза себе от света.

Тамара не успела словом возразить, а гостя уже спала крепко-сладко на жесткой подушке дивана. На ней свернулся таксенек шоколадного цвета пятнышком. Мир и лад и счастье.

Они спали, укрытые одеялом доверия и любви друг другу.

Тамара, опершись на косяк двери, смотрела на эту парочку в сильном раздумье, и не спешила уходить.

Она еще не понимала, что видит она перед собой, на широченном модном диване.

Она не понимала еще, что заставило её быстро-быстро сдержать неожиданные слезы, схватить подрамник и выдержать кисти из вазы.

«Нет, лучше не краски. Может углем – пронеслось у нее в голове. – Быстро. Надо быстро. Только бы они не шевелились, а то настроение уйдет».

Она увидела вдруг, что носки у Галины с дыркой, а белая брючина чумазая.

В другой день, она бы не дала уснуть ей здесь, где свет беспощадно открывал, взрывал возможные скрытые недостатки.

Глядя на спящую Галю, на голову которой перебрался щенок и залег там нимбом, Тамара вдруг передумала рисовать.

Слезы текли по лицу, и в голове родилось неожиданное название будущего холста. И она знала, что обязательно напишет то, что она видела сейчас. Трогательная и страшная дырочка в носке перевесила творческий порыв Тамары.

Она просто взяла толстый плед и закрыла им – и таксенка, и его беспутную хозяйку, и неухоженный носок.

На все это хватило одного пледа. Тамара утерла мокрое лицо ладошкой. Под пледом твякнула и улеглась поудобнее Оказия.

«Ну и кличка», – улыбнулась Тамара.

И опять расплакалась. Ей очень хотелось написать карти-

ну с увиденного только что, она даже знала, как назвала бы этот холст.

Конечно же – «Одиночество». Но что-то подсказывало ей, что она с новым жанром не справится.

И она надеялась, что накрыв подругу с таксенком, она, хотя бы на несколько часов, вызволила их из чьих-то недобрых объятий. – Вот такая Оказия.

Тамара впервые пожалела об одном общем выключателе, нельзя было выключить свет, ей ведь нужно было рисовать. А без света, это невозможно.

почти 25 июня 2020, Жаккардовая тетрадь.

Его благородие

Кто-то заводит себе собаку в споре с одиночеством. А она завела себе рояль.

После звонка по видеосвязи Володя как-то сильно растревожился. Он долго сидел на диване в странно неудобной позе и старался понять, что его так растревожило.

Звонок был обыкновенный, дитя рутины, он стабильно раз в неделю звонил прошлой своей жене. И не то, что бы скучал по ее домашней овсянке, а больше для того, чтобы при случае сказать бывшим общим друзьям. Дескать, все нормально, мы интеллигентные люди, остались друзьями.

Он врал и верил сам, знакомые в восторге были от его великолепия благородства. Но кого интересуется эта вся житейская карьера. Он женился на новой своей Любви был рад этому, и в прошлую жизнь звонил, просто так, что бы не казаться бывшей своей – жлобом.

Она не знала о том, что они остались друзьями, поэтому говорила с ним неохотно, а то и вообще пропускала эту свою радость общения с ним.

Он даже немного побаивался непривычной резкости в ее голосе. Какого-то возникшего скрипа обиды в нем.

Но он был по-настоящему привязан своим благородством к ней и понимал, что правильнее звонить ей, чем не звонить.

Она жила одна, не работала – это всё, что он знал о ней.

Но денег у него не просила, от кого-то он узнал, что она занимается техническими переводами.

Узнал и успокоился.

Но сегодня он впервые разговаривал с ней по видеосвязи.

Но увидел похудевшее уставшее лицо в коротеньком, ну совсем коротком каре волос с незакрашенной по моде – серединой.

Изменилась конечно, они не виделись давно. Но совсем не это расстроило Владимира.

В углу экранчика, за ее стриженной головой, как в шелку, он увидел матово-благородный бок черного рояля.

Откуда у нее рояль? Зачем рояль. Почему рояль. Этот вопрос прыгал в голове Владимира опять и опять, и опять тревожил.

Казалось, что ему бывший дом бывшей жены. Дом, в котором он знал каждую неровность на дешевом паркете. И никакого рояля там быть не должно.

Владимир хотел тут же перезвонить и спросить об этом странном рояле.

Но его позвали обедать, потом ужинать. Хлопотный день получился. Гости какие-то, болтовня всякая, только Володя в этом как-то не сильно участвовал.

Он думал о рояле. И только о нем. Он понял, что инструмент в бывшем доме занимает самое лучшее и светлое место у окна. Место, где стоял его компьютерный стол и любимое

кресло на легких послушных колёсиках.

И он не вставая из него, мог докатиться до дивана и обратно. Теперь этот путь прекратил рояль. Странное приобретение.

Жена бывшая играть не умела.

Зачем ей рояль? Он сильно был заинтригован увиденным в телефоне. А может ему показалось, изображение было на экране не очень внятным.

Ну, а если даже и рояль, то что меняло в жизни самого Владимира.

Он никак не мог успокоиться. И даже себе не вполне признался, что очень, ну очень, хочет перезвонить бывшей и, если наличие рояля у окна подтвердится, то он спросит, зачем ей рояль.

Глупо было думать, что она будет объяснять загадочность обмены, но Владимир тешил себя надеждой, что он ошибся, и никакого благородного рояля он там не видел.

Он с трудом дождался воскресенья, обычно он звонил в воскресенье утром. Но на видеосигнал жена не стала отвечать. Он позвонил на обычный стационарный телефон.

Она подошла. Владимир сразу без обиняков в некотором отчаянии спросил:

– Ты завела себе рояль?

На том конце была долгая тишина.

– Рояль? Какой рояль?

И Владимир с облегчением рассмеялся. Ему значит пока-

залось.

– Шучу, – ворковал Владимир.

Они поговорили о блинах и кофе на завтрак. И поскольку Владимир успокоился, то быстро закончил разговор. – Пока-пока.

– Пока..

Жаль, что не случилось общения по скайпу, он мог бы видеть, как женщина вошла в комнату, подошла к роялю, открыла надломленную крышку – только улыбнулись ей клавиши.

Она обняла во всю ширину рук инструмент прижалась щекой и нажав робко на белую клавишу пальцем, улыбнулась родившемуся звуку.

– Откуда? Откуда. Нашла.

И она аккуратно закрыла надломленную крышку рояля. И вблизи было видно как побит и поношен инструмент.

Через щербинки крышки обнажались клавиши, как в улыбке.

А Владимир шел к себе, тревога его ушла и он дивился своей фантазии. – Почему рояль?

Было понятно, что ему померещилось.

И ревность, вдруг растревожившая его ненадолго, показала невероятной и глупой.

Он вспомнил скучную овсянку по утрам в старом своем доме. И ему, как человеку благородному, стало жаль свою бывшую. И вполне искренне.

Жаль, что не видел он, как женщина с улыбкой и с недоумением разговаривала с роялем.

– Ну, как вы ловко здесь встали. С места не сдвинуть. Похоже – навсегда. Ваше благородие.

И отвесила роялю низкий нешутливый поклон.

26 июня 2020, Жаккардовая тетрадь.

Цокольный этаж

Он никак не понимал, почему проснувшись ночью от цоканья лошадиных копыт, вскакивал. Бежал к окну, открывал его широко и просто вдыхал, погруженный в этот серебристый ночной звук. Он жадно закуривал и смотрел сверху на проезжавшую нарядную карету, впряженную в нее пару лошадей. И все смотрел вслед сквозь табачный дым и слезы.

Он пытался не вскакивать, не вдыхать этот летний ночной туман, в котором звенело цоканье.

В детстве мама сказала ему, когда они въезжали в темную комнату, еле поднимавшуюся окнами над мостовой.

– Ничего, что цокольный, зато отдельно.

Так они въехали в новое свое жилье, которое так жаждали получить. Чтобы свое.

Володя разделял вполне мамину радость. Его ничуть не огорчил цокольный этаж.

Он даже полюбил выглядывать из низкого окна на проезжую часть. И там довольно часто проезжали лошади, возницы их стегали, дорога булыженной шла круто в гору, и Володя каждый раз хотел выскочить на улицу и заступиться за несчастную конягу.

Дело было в провинции, лошади здесь были рабочей силой. И бить кнутом их было обычным делом.

Очередной мамин поклонник принес и прикнопил к вошкиному столу, где он сражался с уроками, открытку.

На открытке было фото какого-то красивого города, вернее площади в нем. Большая, ну просто удивительно просторная. Она вызвала его восхищение еще и тем, что в самом центре этой площади стояли несколько мужчин в цилиндрах и фраках, курили сигары. Упираясь на трости – беседовали.

И на этой площади не было никаких машин, мужчины могли себе позволить занять весь ее центр своими импозантными фигурами.

Там за ними сворачивала за угол чья-то карета. В ней две белые лошади.

Но мужчин это никак видно не волновало. Они чувствовали себя хозяевами этого простора. И никто не мог помешать вкушать эту свободу и красоту.

Володя долго любовался этой фотографией.

Это была Вена позапрошлого века. И Володя крепко запомнил эту красоту. И молча тогда решил, что добьется в жизни такой же независимости и бесстрашного чувства – хозяина. И надо сказать, что фотография эта стала как бы кнут-стимулом, заявкой на возможную новую жизнь.

Выбраться из цокольного этажа. Вверх, на праздный воздух.

И Володька вдруг понял по-своему, что и почему этаж – цокольный. Уж больно громко отдавалось в нем цоканье пробежавших по местной улице, булыжной и старой, подкован-

ных лошадей.

И цоканье это стало частью жизни Володи, пока он, окрыленный планами, не уехал на учебу в большой город, а потом как-то разбогател. Он съездил, и не один раз, в Вену – и даже нашел эту площадь, с фото из детства. И она его сильно огорчила количеством машин, грохотом и рычанием транспорта. Конечно он не встретил там мужчин в цилиндрах и с тростью.

Но его это не напрягло и не огорчило.

Он уже любил скорость во всем, обожал стремительность времени, мало ценил в нем затишные паузы. Хотелось больше увидеть, поучаствовать, описать. Володя стал неплохим журналистом, участвовал постоянно в каких-то глупых, крикливых шоу. Вообще, казалось ему, да и окружению, жизнь у него на службе. Навсегда.

Но почему-то он впал в бессонницу этим летом.

Он поселился в самом центре города. Окна его выходили на его центральную площадь. А площадь эта была заставлена каретами с лошадьми. Где пара, где одна лошадка. Кареты были нарасхват. Туристы набрасывались исторический – же вид транспорта. И катили себе по красотам города.

И цоканье лошадиных копыт раздавалось всю ночь. И Володя, теперь уже уважаемый Владимир Иванович, смотрел на этот каретный разъезд всю ночь. Упивался звоном цоканья. Для него это было равносильно колокольному звону, который призывал к чему-то высокому. Певшему серебряным

голосом копыт, щемящему и светлому. И Владимир Иванович смотрел вниз, на широкие спины лошадок, на немые рогожные мешки у них под хвостами. Санитарные меры соблюдены. И это очень огорчало Владимира Ивановича. Что же за лошади без навоза. Подделки какие-то. И он даже с какой-то ностальгией вспоминал свой цокольный этаж.

Там, в свое окошко, он видел только копыта и хвост лошади. Зато звук от этих копыт стоял звонкой пылью еще долго-долго.

– Ну, ты долго еще, – на балкон вышла милая заспанная женщина

– Ты знаешь что такое цокольный этаж?

– Нет, – она зевнула.

– Посмотри в ютубе.

Владимир Иванович подумал, что не может быть такой информации нигде.

Он вдруг понял, что несмотря на то, что он смотрит лошадиное зрелище сверху, а не как в детстве – и цоканье чуть в другой тональности, потому что асфальт, а не булыжная мостовая. Володя вдруг резко почувствовал, как это неправильно – смотреть на этот лошадиный разъезд сверху.

Он ушел с балкона, хотел лечь к жене, но вместо этого взял из вазы на кухне большое, самое большое яблоко и вышел на улицу.

Он вышел на площадь и, подойдя к первой свободной лошадке, угостил ее яблоком.

– Можно? Спросил он у возницы.

– Можно – разрешила она.

Владимир Иванович сел в коляску стилизованную под тыкву

Золушкину. Они поехали.

Вот теперь все было правильно.

Володька ехал, закрыв глаза и слушал колокола цоканья.

Он попросил возницу за отдельную плату свернуть в мало освещенный переулок.. Где, возможно, низко над тротуаром живет мальчик, которого он разбудит доставленным им цоканием.

Другой возможности здесь, вдали от центра, услышать подкованную звоном лошадь – не было.

Без вариантов. А сам Владимир Иванович для себя давно понял, что утрамбован житием своим ниже цокольного этажа.

Но скрывал это. Не рассказывал. Потому что рассказать было – некому.

9 июля 2020, Жаккардовая тетрадь.

Постирушки

Она и не заметила когда это случилось с ней. Кто-то сильно ее обидел и она сильно в минорном настроении сняла с себя одежду, в которой ее обидели, и стала стирать...

И платье, и белье – все, всё сунула в тазик с проточной водой потом долго терла в мыльной пене и полоскала, полоскала. И тут поняла, что в процессе этом отмывания от скверных слов строится какая-то защита от этого ненадежного мира и тутошних людей в нем.

Уходила обида даже из памяти об этом случившемся. А уж когда всё было развешено на плечиках и сушилке, все обиды прошли и вовсе. Ничего не помнилось.

И она была готова вновь опробовать на прочность отношений новых людей.

С тех пор и превратилась в постоянную постирушку.

И не заметила как. Но потребность постирать отбелить, избавиться от очередного пятна стало основным ее увлечением, и даже лечением и защитой.

Она никогда не стирала модными средствами, а брала в руки крепкий кусок хозяйственного мыла и натирала им ткань любого состава до шика и блеска. При этом она так улыбалась, будто душу и ум ее занимала не тряпка в тазике, а отстирывала она этот мир с яростным остервенением и с

надеждой, что станет он чуть чище.

Но стирать ей приходилось все чаще. Прошли обиды ее молодости, наступали обиды от детей. Вообще дефицит чистоты как-то особенно стал ощутим, когда все выросли, покинули дом, обрели свои дома и свои привычки, в них.

И можно было уже не стирать. И некому было стирать. И можно было отдохнуть. Но тут Татьяна заметила, что приходя из магазина или прогулки в парке, она немедленно переодевалась в домашнее, а уличное тут же стирала, будто хотела смыть с одежды всю агрессивность этого мира, от которой было не запереться, не отстираться, он давил на нее своей истеричной неправильностью.

Сквер, где из-за грохота машин не слышно птиц, а то еще страшнее, колоколов местного храма. И от такого хотелось отмыться, отстираться, и не навещать его.

Каждый раз она давала себе обет – не выходить, не смотреть, не участвовать. Не получалось, суета доставала повсюду. Но каждый раз, в утешение очередному походу, была постирушка.

Вот и сегодня, придя домой, она сняла с себя всю одежду, с отвращением вспоминая подвыпившего грязноватого мужчину, который стоял за ней в очереди в кассу. От него несло пивом и чем-то еще злым, в его дыхании близком и неотвратимом была какая-то вселенская угроза. И за эти минуты, пока он дышал ей в затылок, Тане показалось, что из нее сделали какие-то никудышные консервы, и закрывают её в

жестянке этой навсегда.

Прибежав домой, она швырнула пропитанную чужой жизнью одежду в тазик и привычно открыла кран. Воды не было. Татьяна в ужасе крутила оба крана. Там нечто хлюпало, рычало и плевалось.

Вода отсутствовала.

Татьяна выглянула во двор. Так и есть. Крышка люка канализационного снята, рядом лениво ругались сантехники. Она ведь шла мимо них, и заметила грязные их комбинезоны. Хорошо бы им постирать, подумала она. В чистом они не посмели бы так сквернословить и отключать воду. И похоже надолго. Сантехники вели себя странно. Закрыв дырку от люка пестрой оградкой, они исчезли. А поскольку день клонился к вечеру, похоже, что работа их была отложена до завтра.

Татьяна вздохнула. Она очень расстроилась. Один вид горстки грязного белья повергал ее в такое волнение и содрогание, что она решила не оставаться дома, а пойти хоть куда.

Она позвонила подруге. Всё сложилось удачно. У Нинон пропал билет в филармонию. И Татьяна, хоть и неохотно, пошла с ней.

Но странные дела, даже слушая Рахманинова, Татьяна с неловкостью понимала, что думает о том, как придет домой, и вдруг будет вода, и случится маленькое чудо стирки, которое ободрит её и откроет смысл свой силы над ней, Татьяной.

Закончился концерт. Татьяна с радостью оценила продуманность одежды публики, её несуетность и достоинство разезда. Неспешное.

Сама же Татьяна наспех попрощавшись с Нинон, поспешила домой.

Во дворе всё еще не работали сантехники. Стоял оградкой легкомысленной импровизированный заборчик.

И люк валялся рядом.

Татьяна поднялась к себе. И пробежав длинный коридор, открыла кран в ванной.

Зажурчала, резво выскочила из крана прозрачная шумная струя.

Татьяна привычно бросила в таз и пивные одежды послемагазинные, и концертные платья. Все – под чистую струю, чтобы смыть впечатления ушедшего дня, потому что это давало надежду на день завтрашний. Вдруг там откроются другие, новые смыслы.

Но пока, сегодня, если спросить Татьяну о банальном и главном смысле она ответила бы: «В воде».

И глядя, с каким азартом она очищала свою одежду под струей, смывая весь негатив и радуясь этому процессу, очень легко в это было поверить. По крайней мере, она была на верном пути к этому смыслу.

24 июля 2020, Жаккардовая тетрадь.

Пустоты

Идти было решительно некуда и не к кому. Но Марина старательно и долго копалась в шкафу, придирчиво выбирая самое нужное и подходящее платье на тот самый случай, когда идти было не к кому.

Никакого себе прослабления. Каждая нескладная жиринка упаковывалась, камуфлировалась за пустячной рюшечкой, неслучайной оборочкой и другими хитростями – шейный платок для сокрытия подбородка и высоченный каблук, надежный удлинитель ног. Хотя ноги её, хоть и пухленькие, ни в каких дополнениях не нуждались, а несли ее слегка нестандартных габаритов совсем легко и стремительно.

Пробежав в своем дворике мимо старушек, будто в спину ей дул сильнейший ураган, Марина вышла сразу на центральную, оживленную прохожими, улицу. Тут включила другую скорость, сменила попыхи на величавость, она влилась в поток таких же гуляющих, как бы праздну, людей. Они все ввали – Марина знала. За внешней беспечностью их пряталось, до подходящего случая, и чаяние знакомства, и желание развлечься в каком-нибудь местном уютном кафе.

И в ней это желание было. А вдруг там, из переулка, выбежит ее случай, и прямо в её распростертые, пока пустые, объятия.

Но вместо ожидаемого счастья из-за угла вышла старушечка.

Она была легкой, высохшей, как листок гербария. Но выглядела при этом очень уж независимо, и резко выделялась и нарядными белыми холщовыми брючками и белой, какого-то нетутошного покроя, кепкой.

Старушка поставила, совсем уж неуместный, потертый рыжий портфель на лавку, а сама достала из кармана пиджака пачку сигарет.

Марина даже тормознула от этого, в чем-то нелепого, но впечатляющего действия.

Старушка изящным привычным движением прикурила от спички и вкусно втянула в себя дым.

Вся ее сухая фигурка источала такую неспешность, и её живой взгляд равнодушно, а с интересом рассматривал проходящих горожан.

Старушке явно не было куда спешить. По её спокойному морщинистому личику распласталось наслаждение от того, что вот стоит она и курит. И не суетится ни о чем. Старушка была в этой своей независимой отдельности прекрасна.

Марина затаилась, глядя на неё, будто боялась спугнуть красивую бабку. Тихо стояла и смотрела, как старушка, докурив сигаретку над урной, аккуратно пригасила окурочек. И взяв свой портфель бережно, как кого-то под-руку, пошла своей дорогой по бульвару. Попав в солнечное пятно, её белые брюки как бы зажглись, сверкнули и исчезли вместе с

хозяйкой.

Марина села на лавку, которая еще помнила старухин портфель. Ей показалось, что даже легкий аромат её духов висел над урной вместе с сигаретным дымом.

Марина сидела на этой самой лавке и пыталась разобраться в этом новом впечатлении.

Она с досадой и некоторым огорчением поняла про себя нечто уж совсем неожиданное. Вот она в выходные свои дни бежала от пустоты своего дома в другую пустоту – улицы. И бегала так по кругу давно, из одной пустоты – в другую. И отчаивалась. И всё искала кого-то, что-то. И не находила.

И вот мелькнула перед ней случайная старушка, которая одним своим присутствием, своим достоинством, и отсутствием поиска пошлых никчемных приключений, расставила все смыслы в жизни Марины.

Старушка была неспешной, и понятно было, по длинному её возрасту, что, скорее, она осталась в одиночестве в силу объективных причин. Она была долгожителем.

А больше всего поразило Марину, она увидела как можно взять «под руку» портфель. С таким знанием его важности и нужности в её старушечьей жизни. Взяла портфель так, как замуж вышла.

Марине вдруг стало неловко за свои призывные рюшки и каблуки.

Она сняла косынку, скрывающую подбородок, сняла туфли и, взяв их в руку, пошла тропой старушки. В надежде

тайной увидеть её и спросить, обо всем. И Марина даже прибавила шаг по теплому асфальту. Босые ноги оставляли на нем стойкие следы. И Марина специально давила мягкий асфальт широкими своими пятками, чтобы следы оставались заметнее и надолго.

2 августа 2020, Жаккардовая тетрадь.

Кстати

Пошлость висела на проводах. Застряли и болтались два шарика, исполненные в виде обручальных колец. Они тоже блестели дутой позолотой, напрасно пытаясь затмить собой купола Собора.

К Собору Илья подошел решительно. Побывать в этом старинном городе и не посетить эту государственную реликвию – было бы как-то не интеллигентно.

На соборной площади было много туристов, и всякий старался снять свою физиономию на фоне роскошных колонн, отдельно у ограды. Получилась отдельная толпа. Все смеялись и снимали на смартфоны это зрелище.

На ограде сидел молодой скворчонок и, растопырив свои еще птенячьи крылышки – пел.

Пел самозабвенно, запрокинув голову, взъерошив пушок на шейке. Из его детского горлышка выпархивали настоящие страстные рулады, разбитые на коленца, чередуясь с немислимой красоты подсвистываниями.

Скворчонок очень старался понравиться, совсем не боялся людей, он просто подрабатывал попрошайкой. Ждал угощения. Но туристы хлеба не давали, они поскорее находили нужный ракурс и снимали.

И никто не дал даже крошки, хоть некоторые смотрели и

ели. Ели не- заметно. Наверное, чтобы не смущать скворца.

Илья посмотрел на это зрелище, тоже снимал, чтобы показать это чудо дома жене и сыну, и стал подниматься по ступенькам входа в Собор.

Илья был атеистом, но наслышанный о красоте этой достопримечательности, он решительно вошел, с трудом открыв высокую и тяжелую дверь.

Внутри был строгий полумрак. Довольно робко Илья прошел в центр, остановился у огромного паникадила. Лампочки в нем были не включены. И Илья пытался разглядеть удивительный изящный узор тяжелого этого подсвечника.

Народу было немного. Служба шла торжественно, очень тихо. И это удивило Илью. Он оглянулся. Стоял рядом, опустив голову, молодой мужчина в интеллигентной бороде. Рядом с ним скучал и не знал куда себя деть (так показалось Илье) пацан лет десяти. Худенький, длинноногий, в джинсиках, и в толстовке. Илья обратил внимание на них только потому, что пацан казался ровесником его, Ильи, сына, который был далеко отсюда и которого Илья видел крайне редко, потому как у него теперь новая семья. Так уж случилось, и никто не виноват.

Илья долго наблюдал за пацанчиком, который ходил по просторному и почти пустому залу. Отец мальчика даже не смотрел в его сторону, он всё так же стоял, опустив голову.

Вдруг громко-громко взорвал тишину хор. Их не было видно, этих хористов. Но голоса их обрушились так внезап-

но, что отец мальчика упал на колени как подкошенный. Илья даже испугался и отступил в сторону. Он смутился почему-то и старался не смотреть на молящихся. Но что-то не давало разрешения ему уйти. Он боялся помешать чему-то или испугать кого-то.

Он так и застыл пока хористы не замолчали.

И он увидел как отец мальчика очень медленно, как не желая этого, встал с колен. Илья, почему-то тревожась, хотел рассмотреть этого человека.

Но не тут-то было. К отцу подбежал сын, который вроде был далеко за колоннами. Он, подбежав, обнял отца сначала сбоку, потом прилепился к его груди, положил голову ему чуть выше живота. Мал еще был, он достал рукой щеку отца, его бороду, даже завязки капюшона потерябил с нежностью. И так они застыли парой.

Илья не стал больше смотреть. Он испытал желание странное, ревности и зависти к этому семейству.

Илья вышел на улицу. Скворчонок все пел и никто не давал ему хлеба, только фотографировали.

Тогда, раздосадованный тупостью толпы этой фотолюбителей, купил в ближайшем ларьке булочку. И неся её как гранату, пошел к скворчонку и накрошил ему булку, подальше от зевак со смартфонами, подальше от забора, на зеленую траву под куст.

Скворчонок тут и слетел.

Зеваки гневались и роптали на Илью.

– Мужик, ну зачем. Пусть бы пел.

Илья не удостоил их ответом и пошел себе сквозь.

Он шел и чувствовал, что находится в непонятном, ничем не обоснованном беспокойстве. Его мучил вопрос, на который он боялся ответить.

Он думал о своем сыне.

Случись с Ильей такое «падение» на колени, как у того в соборе. Что сделал бы его мальчик. Скорее всего устыдился и отошел подальше..

А еще хуже, ничего не понял, рассмеялся...

Кстати, надо будет не забыть оплатить его учебу.

Илья ускорил шаг, стараясь не смотреть вверх, чтобы не видеть пошлость надувных шаров, в виде обручальных колец, болтающихся на проводах. Зацепившихся фальшивой своей позолотой.

Илья впервые вспомнил детство и пожалел, что у него нет рогатки. В кармане были только крошки от булки, которую доедал за оградой скворчонок.

14 августа 2020, Жаккардовая тетрадь.

Надо же!

(этюд с рыжинкой)

Ну, очень любил Павел Петрович ведьмину рыжинку осени. Приговор этой любви был пожизненным и подчинялся он ему с удовольствием.

– Как красиво! Красотища-красота! – Павел Петрович даже подпрыгнул сделав ногами ножницы вкось и вкривь. Он был растроган и восхищен неправдоподобным листопадом в парке.

Он давно не ходил этим коротким путем к офису, а все подъезжал на машине с фасадной стороны на стоянку. Где конечно же, не было никаких деревьев. Не выживали, увы.

А листопад был знатным. Просто фантастическим.

Ветер решительно сносил листья разноцветные с деревьев и бросал их ковром под ноги редким прохожим. Некоторые листья даже задевали, задирались, будто бы с их лицами, шуршали в уши осенние мелодии, и потом уже прижимались к вечному покою земли.

Покров их был щедр на цвет, красоту и неповторимость ее. Лечь, на спину, пошуршать – призывали листья.

Но Павел Петрович, с досадой перешагнув эту роскошь, пропал в аскетичном нутре офиса, с ароматом очистителя воздуха. Довольно гаденьким.

Клятвенно пообещав своим глазам встречу после работы с этой красоткой осенью, Павел Петрович сел за свой компьютер, в шаткое и непослушное кресло, и занялся делами текущего дня. Об осени как-то думать было неуместно и, вздохнув:

– Вечером, вечером прогуляюсь, – он успокоился и нырнул в мертвый глаз своего компьютера.

Солнце уходило к закату, и Павел Петрович наконец-то был свободен, и вышел с работы.

Какой длинный-длинный был день. Вспомнились мелкие обиды и крупные огорчения. Сегодня его сильно подставили.

Ну, да ладно, завтра и он не останется в долгу. Легко.

– Зуб за зуб, око за око, – улыбнулся он возможностям завтрашней своей мести. И он быстро прошагал к главной аллее парка, чтобы вернуть в себя полную картину утренней красоты листопадовой радости настроения.

Ожог ! Только не красотой, а ненавистью, получил Павел Петрович.

Да, вот она, пагубность вторжения.

Не было, не стало вдруг этой красоты. Она была грубо собрана, туго утрамбована в черные большие мешки для мусора, туго перевязанные, накрепко шпагатом задушенными, они стояли истуканами, идолами повсюду друг за дружкой, как охранники, строго наблюдавшими за чистотой газонов.

Вся красота была убрана и опрятно спрятана навсегда прилежными дворниками.

И они как бы и ни причем. Просто – работа.

В парке была наведена устрашающая чистота, которую сторожили эти черные истуканы, мистически подбоченясь, угрожали маленькой с перевязанной шейкой башкой.

Павел Петрович долго смотрел на ряды этих черных чужаков и не пошел уже через парк, а пошел по шумной улице, где ездили привычные автомобили, и где-то на стоянке он вчера, после вечеринки, оставил свой черный джип. Ибо был сильно нетрезв.

Он шел на стоянке, с опущенной низко головой и опущенным настроением.

Проходя мимо местных торговых лавочек, взгляд его споткнулся о витрину. На ней торчали рыжие тыквы.

Их было много разных, больших и маленьких. И они пялились безглазыми своими впадинами, уродливым носом-дыркой и беззубым мерзким оскалом. Торгашки приглашали закупиться к «празднику нечести».

Павел Петрович нарочно не выговаривал название этого праздника. Гадость. Он даже остановился перед хором этих рыжих бестий.

Этого не должно быть. Этого не может быть здесь никогда. Он, шкодливо оглядевшись и тщательно примерившись, пнул сильно ногой в нижнюю, самую большую тыкву.

И они все дружно посыпались, покатались, забирая в свои беззубые прорези ртов местную грязь из лужи.

Выскочил хозяин, стал размахивать руками. Он даже во-

просительно глянул на Павла Петровича.

Но тот невозмутимо прошел сквозь и тыквы и хозяина. Да и кто мог подумать дурного о Павле Петровиче.

Никакого в нем не было коварства. Сплошная интеллигентность скалой.

Он случайно уже зацепил маленькую тыквочку носком дорожкой своей туфли, отфутболил подальше от магазинчика. Ударил легонько но она почему-то треснула пополам. Придав Павлу Петровичу скорости и хорошего настроения почему-то.

На его стоянке было, как всегда, много машин, и он не сразу обнаружил свой джип.

Он нажал кнопку сигнализации. Умный его «Мерс» тут же откликнулся. Но что это ?

Как бы назло всем дворникам и гробовщикам красоты осенней, джип был на месте, и его как и не было.

Было возвышение, похожее по форме на высокий джип, но спрятанное под густотой листвы разного узора и разного цвета. Клен, рябина, липа, вырезки природы на любой вкус.

Листья были на фарах, капоте, колёсах. Ночью был дождь, и ветер прочно прилепил сорванное им рыжее сокровище на весь корпус машины.

Стекла, ручки дверей, всё было надежно упрятано, украшено и выглядело фантастическим совершенством.

Павел Петрович вдруг понял, что не победить никакими указами по уборке города и порядку в нем красивые привыч-

ки осени.

Бессильны здесь и дворники и начальник. Он стоял и любовался своей неузнаваемой машиной в роскошной маскировочной накидке из листьев. И мог только и произнести тихо:

– Надо же.

И не стал выключать сигнализацию. Пусть! Возможно больше народу оглянется на эту рыжую красоту!

Это тебе не тыква.

27 октября 2019, Рогожкина тетрадь.

Мираж

Утро было миражным. Низкий туман висел в проулках, и углы домов торчали как носы больших невидимых кораблей. Но Юрий уверенно шел через туман, дорога была знакомой.

Любимой и прочувствованной до последнего выступления сбитой вбок плитки и каждой ямке в асфальтовой тропинке у входа.

Юрий задрал голову перед этим гигантом офисом похожим то ли на початок огромной кукурузы или на что-то совсем уж непристойное. Но для Юрия ничего худого не виделось в уходящем в небо, с мелкими огнями подсвеченных окон, этом стремительном современном строении.

Юрий его обожал. Обожал настолько, что убегал из дома пораньше, чтобы придти, когда в офисе никого не было, кроме уборщиц, и можно было бродить по всем этажам, без опасения пользуясь бесшумным по-шпионски – лифтом.

Прежде чем войти в проходной холл, Юрий еще раз поднял голову к высоте этой вызывающей и снял шляпу. Он всегда снимал шляпу и не хотелось ему формулировать почему он это делает.

Наверное от уважения к этому равнодушному монстру, который сейчас заглочет этого Юру с его шляпой и комплексами и мигом сделает из него значительного клерка, по-

весит ему на грудь похожий на погон бейдж, или бейджик, как он там называется, сунет его туфли с ногами в автомат со щетками для обуви, поставит у огромного зеркала, в котором он покажется себе совсем мелким и потерянным. Взбодрит расческой и позволит пройти на служебное место.

И что это было за место. Юрий стоял у окна 23 этажа и осмысливал простор, который каждое утро казался ему новым. Юрий раскидывал широко руки, подходил плотнее к стеклянной преграде и наслаждался.

Он как-будто летел над городом. Далеко внизу оставались долги, однушка, набитая как подушка далекими чьими-то родственниками. Пельмени и пиццы, заплаканный капризный ребенок, говорили что это его.

Но Юрий без сожалений отлетал от этого всего, стартовал с размахом рук достойных крыльев аэробуса. Поднимался на недоступные ему высоты и старался задержаться там. Присесть на попутную тучку и поведать ей о своей беспросветной жизни, где пока есть вот эта красота высоты, пусть из кабинета. Все-таки – отдушина. Туман плыл где-то внизу. Вдруг щелкнула дверь. Вошло оно. Начальник.

– Извините, – Юрий ретировался согбенно. – Я здесь фрамугу закрыл. Дуло сильно.

Начальство отмолчалось небрежно. Вспыхнул монитор, зазвонил телефон. Босс нажал таинственную кнопку и пополз занавес и закрыл чудный Юркин вид из окна.

Впрочем, Юрий этого уже не мог видеть. Он сидел в угрю-

мом своем пенальчике и говорил в трубку смартфона.

– Понял, понял, не жди. Буду поздно. Работа.

Юрка закончил разговор с женой, откинулся в кресле, вытянул с трудом ноги под узким столом. И в блаженстве мечтал о том, что туман должен к вечеру рассеяться. И возможно ему покажут ночное небо.

Уж очень не хотелось идти домой.

А еще он подумал о себе, что он не планктон. И у него есть тайна. Вид из окна. Которое всегда закрыто шторой когда в нем босс.

А босс в это время уже беседовал с начальником охраны.

– Последни-ка за этим новеньким что-то я его уже не раз застаю в своем кабинете.

И офисный день начался обыкновенно.

1 ноября 2019, Рогожкина тетрадь.

Звездун

Город был маленький, туристы никогда сюда не добирались. Хотя здесь было на что посмотреть. Вернее на кого.

Молодежь впала в селфи, старики в маразм. Всё выглядело обыкновенно, глаз хоть и не радовало, но и не слезило. Все здесь давно знали друг друга, выручали друг друга и терпели друг друга, как в большой, не поддающейся расселению коммуналке.

Так о местной достопримечательности. Это был Юрка Скворцов «Скворец» или «Звездун» – вот липучие клички-прозвища Юры. Хотя никаким звездуном он не был. Просто поскольку он был огромного роста, крепкого телосложения и имел глаза цвета спелой вишни – здесь когда-то незванно снимали фильм. Его так и не узнали горожане, но сам факт запомнился, факт прибытия и убытия киносъёмочной группы потом аукнулся многим барышням.

В их числе и Юрина мама. Отсюда и Звездун. То есть тот, кто имел отношение к приезжим кинозвездам.

И Юрка был и чувствовал себя достопримечательностью. Он жил с матерью в небольшом кирпичном домике на втором этаже, куда вела громкая деревянная лестница. Она озвучивала приход и уход каждого человека по-разному.

И почти называла фамилию визитера.

– Юра это ты?

– Я. Я, мама.

Юрка одним махом победил лестницу, она и скрипнуть не успела, и оказался аккурат у холодильника.

Очень хотелось есть.

– Мама, – вскрикнул он. – Почему кактус в холодильнике?

– Он наказан.

Вопросов Юрка больше не задавал.

Мать сидела за широким столом в горнице и проверяла школьные тетради.

Юрка, чтобы не задеть иголки цветка, пролез за куском колбасы.

– Там суп, – голос матери направил Юрину руку в правильном направлении.

Он со вздохом взял кастрюльку и стал хлебать прямо из кастрюли.

Поморщился и вернулся к батону колбасы. Тихонько попросил прощения у кактуса, и поставил его на окошко, где теплился худой солнечный свет.

– Прости, старик, – сказал он цветку.

Он прошел к себе, на ходу прикоснувшись к сгорбленной спине матери. Нежно, как добрый, любящий сын.

– Поел?

– Да! Спасибо.

И он ушел к себе.

Впереди был свободный вечер, и предвкушалось в нем

удовольствие.

Можно будет пойти к девчонкам на дискотеку. И сделать с ними селфи, много и разных.

Можно было пойти к о.Иоанну, местному батюшке, тихо-му и очень доброму человеку.

Юрке нравилось смущать его нелепыми пугающими во-просами.

Иногда Юрка и анекдотец мог рассказать скабресный. Но отец Иоанн был терпелив и призывал Юрку к Любви к ближ-ним.

А чего Юрку к этому призывать. Он и так был полон Люб-ви, и к отцу Иоанну и к девчонкам из клуба.

Он любил их всех и рад был видеть, помочь, побеседовать.

И только они отталкивали его. Обходили, уходили и никак не хотели уделить ему внимания.

И даже селфи с ними он делал украдкой, а то ведь могли и больно толкнуть и обругать.

Юра никак не понимал такого плохого к себе отношения.

– Ты себя в зеркале видел, однажды грубо оттолкнул его от своей девчонки сосед. – Дурак, а туда же.

Юрка пришел домой и долго рассматривал себя в зеркале. И все ему там нравилось и лицо, и глаза цвета темной вишни. И зубы – все на месте.

– Мама а что такое дурак? – тогда спросил он.

И вдруг заметил как смутилась мать, как стала перестав-лять табуретки на кухне и зачем-то повязала на себя фартук.

– Сделаю-ка я пироги.

И на вопрос не ответила, стала уж как-то нарочито греть посудой. Впрочем, Юрка уже забыл о своем вопросе и о зеркале. Он взял смартфон повесил его на шею, как в детстве ключи, и пошел к выходу.

– Я кактус освободил, – сказал он матери. – Он исправился и совсем не колется.

И Юра бережно погладил цвет прямо по иголкам.

И пошел Юра гулять по любимому своему городку, где он ничем не выделялся.

Шел, нес перед собой смартфон и вел свой репортажик своего вечера.

Он любил так ходить и никто не смел назвать его дурачком, идиотом, юродивым. Он был как все. Здесь.

Самое страшное что могли сказать глядя ему вслед. – Гляди ка-ты. И этот тудаж. Впал... в селфи. Правда, это звучало почти как ругательство.

Но Юра не обижался. Он не умел

3 декабря 2019, Рогожкина тетрадь.

Рюкзачки

Местные горожане разом вдруг куда-то исчезли. Знакомые, родные горожане – неспешные и величавые, исчезли. Она долго не могла понять, что не так с людьми на улице. Пока однажды, гуляя по парку, она увидела на рыже-песочной аллее тень двух горбунов. Она даже вздрогнула и быстро подняла глаза увидеть несчастных.

Но увидела она двух длинноногих веселых девиц, которые, прячась от яркого солнышка, встали к нему боком. И оно светлым своим ярким оком запечатлело тени их на газоне и аллее. И тени эти были с горбатыми спинами. Страшные горбуны.

И она даже не сразу поняла отчего такой эффект. У девиц за плечами – рюкзачки. Ничего такие, симпатичные. Один джинсовый, другой черный и с черепом из блестящего люрекса.

Череп скалился на солнце и сиял. А рюкзачок отбрасывал величественную тень, хоть сам был незначительный и сморщенный. Но солнце их возвеличивало, да и девиц тоже сильно одарило длиной ног в тени. В оригинале они были коротышки, скорее толстушки. И уж совсем не горбатые.

И тут Мария поняла, где-то, что не давалось никак в ее понимании. Это по поводу местных жителей.

Они все вдруг стали рюкзачками. Горбатенькими такими, деловыми.

Рюкзак – это готовность старта. Пусть и внезапного отъезда. Рюкзак – это удобно. Руки свободны. Да руки не свободны, потому что они держатся за смартфон. И глаза отражают только синий мертвый свет экрана.

И бегут эти рюкзачки со свободными руками по городу. И нет, исчезли местные жители. Мелькают только их спины с горбом рюкзака. Мария вздохнула от этого открытия неожиданного, а потом не смогла отмахнуться от назойливой мысли, что в этом поголовном рюкзачестве есть честной и честный чей-то приговор.

Завыючили клажей, в руках игрушка, и живи себе. Беги, говори.

И главное, поголовная обманчивость нездешности.

Вдруг страшно стало, что эти все рюкзачки бегут на суперэкспресс.

Добегут, погрузятся вместе со своими рюкзачками и уедут, сгинут навсегда. Особенно жалок был мальчик, спину которого расплющил огромный ранец. И головы у этого детеныша не было. Спина заканчивалась огромной арматурой ранца.

Мария даже оглянулась, посмотрела повнимательнее. Подумалось, что она, как всегда, сгущает краски. Нет. Картина не менялась. Вот все люди с рюкзаками, хоть и бегут в разном направлении. Но суть суеты их однозначно бессмыслен-

на.

Они несут на спине свои клажи-ноши как маскировочный костюм. Ничего нет в этих рюкзачках нужного.

Так, дань моде удобств. Потому что если всё, что нужно, без всей лишней чепухи, люди организованно положили в рюкзак. Аскетический минимум, то и походка у них была бы другой, осмысленной, и детей не несли бы впереди или сзади в подвешенном состоянии – как рюкзак, удобно, что бы руки были свободными. Только для чего столько свободы рукам, наверное, что бы обнять кого-то, к себе, когда они где-то там выйдут из своего туристического экскурса, а рюкзаки сгруппят со своей спины и небрежно бросят носильщику.

Но Мария видела и то, что идет рюкзатизация образа жизни. И поняла почему. Была защищена спина от любого удара сзади – неожиданного и коварного.

Спина защищена это уже бодрит.

Из кармашка под молнией можно конфеткой поживиться. Но она знает, что каждый рюкзачник догадался спрятать драгоценное для себя в какойнибудь потайной кармашек. Не дураки.

Все туристы на этой улице, на этой площади, с защищенными спинами от возможных коварств людей, бегут, каждый на свой экспресс.

«Удачи», – подумала Мария и незаметно положила в рюкзак мальчугана большое яблоко. И тихо незаметно застегнула молнию. Оглянулась, но никто и не заметил.

Спины сутулились и скрывались за рюкзаками.

И хоть бы одно лицо ! Хоть в профиль. Нет, не видать.

Ракурс не тот.

16 декабря 2019, Рогожская тетрадь.

Рычаг

С появлением мобильного телефона Варвара лишилась своего любимого и почти ритуального жеста – швырнуть громко трубку телефона на рычаг. С треском таким, с пониманием громко поставленной точке в отношениях или просто в неприятном для неё диалоге.

Громкую такую точку последней собственной инстанции, в лучшем случае – иногда многоточие. Но тоже громкое. Об рычаг. Вот.

А в мобильнике была только кнопка деликатности.

Варвара была не замужем, можно было считать ее девушкой на выданье.

Ей стукнуло тридцать пять годков. Она была статна, говорлива, улыбчива и одинока. И это не было и не казалось странным по той причине, что Варвара была хозяйкой роскошного магазина Свадебных платьев и аксессуаров к ним. В этот магазин заходили одни невесты, женихи туда не вхожи по поводу плохой приметы. Жених не должен видеть платье невесты до свадьбы. Вот они и сидели по домам, а в магазин к Варваре ходили только девицы с мамами и папами.

И выбирали, примеряли часами.

Магазин был в центральной части города и назывался «Золушкой». В этом же доме помещался ломбард. Так что

было такое маленькое заблуждение.

То ли в «Золушку», то ли в ломбард. Путались посетители. Но «Золушка» годилась как название и ломбарду, если думать чуть не всерьез о свадебных обновах.

Варвара любила свой магазинчик. Любила придти в него пораньше и зажечь все лампы разом. Платья на кронштейнах как бы оживали от голубого света и предъявляли миру свою красоту и небесность.

Варвара шла вдоль кронштейна с этим белым кружевным взрывом и все еще не верила, что эта красота принадлежала вся ей одной. И она, если и отдает её кому-то, то за очень дорого.

Завершив свой прилежный утренний ритуал и поправив каждую складочку на каждом платье, она почему то краем глаза уловила непривычное движение за окном. Глянув, она заметила фигуру мужчины в надвинутой кепочке на лоб, на котором так держались как-то и очки. Стекла в очках были темные, и глаз мужчины было не рассмотреть. Но вид его Варваре не понравился.

Она немедленно отвернулась и на всякий случай нажала кнопку вызова охраны.

Между тем очкарик стоял на улице и старательно вглядывался в разночинные свадебные наряды.

Он ходил вдоль витринных окон и внимательно разглядывал манекенов на них.

– Звали, Варвара Петровна? – появился охранник, выти-

рая салфеткой кофейную пену с губ.

Варвара кивнула в сторону любопытного за стеклом.

– Бди, – показала она жестом и пошла к себе в кабинет.

Начался обычный рабочий день. Примерки, стилисты, невесты, охи-ахи и прочая атрибутика таких событий. Варвара совсем забыла об утреннем происшествии. Но о нем ей напомнил охранник.

– Он весь день стоит под окнами. Не заходит, – доложил он хозяйке.

Детектив какой-то. Варвара вышла в торговый зал и увидела знакомую кепку и очки. И в них незнакомца. Он и правда, стоял под окном.

«Детектив», – с некоторой иронией подумала Варвара.

День удался. Выручка была больше обычного. Но Варвару это не очень радовало. К хорошему быстро привыкаешь.

От вечных невест и их примерок ее подташнивало. Скорее всего, это было еще и от зависти к этим счастливым глупым личикам с их уверенностью в своем счастье. А Варваре приходилось им вторить, улыбаться и убеждать.

Случалось, когда уж от модельера привозили какое то совсем уж «чумовое» и смелое платье, Варвара с любопытством могла примерить. Но тут же выскакивала из белого шелка, будто чувствовала что что-то спугнет нечаянно.

Она специально задержалась в магазине, потому что заметила примелькавшуюся кепочку за стеклом.

Ей очень вдруг захотелось, что бы это её ждали. Она вклю-

чила сигнализацию, выключила освещение. Поникли в серости платья на кронштейнах. Вечер теплый летний, успокаивающий.

И вдруг улицу оглушил женский визг. Варвара едва не сослалась со ступеньки от этого громкого вопля.

И тут она увидела девчушку. С растрепанными волосами повисшую на парне в кепочке.

– Ты дождался. Я была уверена, что ты не дождешься. Какой ты молодец. Молодец, спасибо! Ты дождался.

Она целовала звонко на всю улицу.

Варвара невольно улыбнулась этой чужой радости.

– Но вот... я весь день здесь торчал.

Варвара, готова была открыть им свою лавку, даже сделать им шаг навстречу.

Но парень неожиданно вдруг спросил у нее.

– А в ломбард это где?

– Не знаю, – соврала Варвара.

И сказала это так резко – будто бросила трубку на рычаг, того еще телефона.

18 декабря 2019, Рогожская тетрадь.

Глаза

Антонина считала себя человеком серьезным с мощной энергетикой борцом за справедливость. Она еще и голосом обладала громким, и от этого неприятным для окружающих. И поэтому любой конфликт, в который она впрягалась своими басистыми звуками, немедленно сходил на нет. Все дружно разбегались от этого невыносимого для уха звука.

Она была грозой двора и окрестностей. Никто не смел заниматься своими делами во дворе. Мрачная фигура Антонины заставляла всех думать тут же о недостойном своем поведении. Мамаши снимали с горки визжавших от восторга детей. Даже местные собачники скрывались со своими питомцами, опасаясь орущей Антонины.

Антонина чувствовала это отношение к себе, но почему-то гордилась им. «Боятся – значит уважают», – думалось ей несколько лестно о себе.

Другие причины не рассматривались. Она привыкла к почтенному отношению к себе. Ей и в голову не приходило, что ее тяжелый взгляд, громкий голос и неопрятное морщинистое лицо могут вызывать отторжение.

Но Антонине не думалось о себе так, и она так и ходила хозяйкой их старого двора, как будто у нее был ордер на всё законие.

Она подходила к магазину слегка раздраженная. Опять какой-то пацан обогнал ее на самокате прямо на тротуаре, за что был сдернут тяжелой рукой Антонины с самоката и оштрафован громовым ее голосом, приговорен к пожизненному испугу перед всякими старухами и нелюбви к ним, и вообще к старости.

Отпустив пацана и слегка довольная собой, Антонина набирала продукты в супермаркете. Всё строго по списку дочери, с которой она жила.

И которая никак не выходила замуж. Ох-хо вздохнула Антонина от этой мысли. Ничего, она заставит этого гражданского мужа зарегистрировать, узаконить отношения с ее дочкой. Вот подождет еще немного и узаконит. Никуда не денется.

Антонина вдруг обнаружила, что стоит рядом с детской коляской, в которой нежно розовело детское личико в розовой шапочке и в розовом костюмчике.

Антонина оглянулась. Вроде мамыши рядом не было.

Она разглядывала ребенка и хотела попасть сама в поле зрения прехорошеньких, парочке умных серых глазиков.

Но девочка ее не видела. Она смотрела с любопытством вокруг себя, рассматривая яркие банки на полках. Но все это рассматривалось как бы сквозь Антонину, будто ее и не было.

Та было подумала, что у ребенка что-то со зрением. Антонина даже улыбнулась этим глазкам в коляске.

Но девочка ее не видела. Она не видела эту грозную Антонину, в могучей тяжелой шубе из нутрии, в норковой шапочке, которой Антонина так гордилась, выходя во двор.

– Нет, явно с ребенком что-то не так, – подумала Антонина, но тут личико вдруг растянулось в улыбке, глазенки заблестели и ребенок засиял в счастливом детском своем состоянии.

Антонина оглянулась, чтобы посмотреть на того, кто вызвал такую радость у ребенка из коляски.

Она подумала что это мать объявилась.

Но у коляски стоял тот пацан, которого она только что сняла с самоката.

Девчонка улыбалась ему как брату, современнику. Она его видела и хорошо к нему относилась. И пацан даже рукой показал ей «Приветик». И тоже улыбнулся.

Тут к коляске подошла мамаша, машинально поправила одежду на девочке и потащила коляску в другой отдел.

Антонина неожиданно для себя пошла рядом с коляской.

Ей вдруг до крика захотелось, чтобы это дитя из будущего увидела её, Антонину. Она повторила «приветливый» жест пацана, но девочка её не видела.

Как будто Антонины и не было.

Это открытие сильно обеспокоило почему-то Антонину. Очень сильно. Она выскочила из супермаркета, бросив корзину с продуктами, вдохнула морозный воздух и услышала как испуганно клокочет сердце.

То, что чужой ребенок проявил к ней такое тотальное недопустимое равнодушие обидело Антонину. И она вдруг поняла, что есть люди из нового непостижимого мира, из далека, пришли хозяевами дня, и на них не распространяется никакая власть. На них не закричишь и с самоката не сорвешь.

И Антонина вдруг, впервые за много лет, поняла, и это открытие не понравилось ей, что не везде можно всё решить через громкоголосие. И ей очень захотелось вернуться опять в магазин, подойти к этой коляске и заслужить взгляда этой новой девочки и непонятого времени.

Но не было ни коляски, ни мамы, ни девочки. Антонина опоздала.

20 декабря 2019 , Рогожкина тетрадь.

Мостик

Она работала Екатериной II-й. И ей очень нравилось. Уже второе лето она, надев тяжеленное платье с кринолином, парик, шляпу, и не снимая при этом кроссовок (они не видны), в паре с Петром I-м, ходили по центру города. И фотографировались.

«Сто рублей – и вы в истории», – говорили они бесчисленным китайцам, те улыбались, кивали болванчиками и сдавались под натиском этого безобидного бизнеса. Их ничуть не смущало, что в строгом историческом прошлом Екатерина II-я, ну никак не могла ходить под руку с Петром и приставать к горожанам. Но это никого не волновало. Многим хотелось попасть по дешевке в историю.

Екатериной работала Люся, приезжая из глубинки ткачиха. Люся была крепкой, розовощекой и веселой без всякой причины девушкой. Она не без труда прорвалась на историко-экзотическую эту работу.

Еще готовилась к экзаменам. Вступительным, разумеется. И в свободное от туристов время почитывала учебники. Благо, под рукой всегда был Wi-fi – жизнь удалась. Весело, красиво, общительно проходило белоночное лето. Бизнес процветал.

Пока к ней в один из дней не подошел мужичонка с ко-

ротким вогнутым носиком, злым оскалом большого рта и со злым вопросом:

– Ты кто?

Мужчина одет был чистым щеголем дорого и модно. Выправка была стойкой офицерской.

Поэтому Люська его совсем не испугалась, а привычно улыбнувшись представилась

– Екатерина.. Селфи? Сто рублей и вы в истории.

Тип посмотрел на нее недобрыми глазами и ей казалось, что он тихо рычал, как собака, предупреждая о нападении.

– Пошлая вы дура, тьфу, – плюнул ей в ноги этот псих. – Снимите это немедленно.

Он рывком сорвал с нее шляпу и *сильно* дернул за юбку. Шнуровка была слабая и тут же отщелкнула кринолин на мостовую.

Люська ухватила её, пытаясь вернуть на место и юбку и царское достоинство свое. У нее это слабо получалось.

А злой пижон уже сгинул. Исчез среди туристов, а сходя с мостика, зло двинул в бок Петра, который уже спешил на помощь своей раскоронованной царице.

И вдруг взметнулись в руках туристов смартфоны. Спешили увековечить за бесплатно оконфузившихся царей России.

Люси с трудом добежала до примерки. Шла она в джинсах юбку несла в руке.

Примерка оказалась закрытой, гардеробная тоже. Никто

не ожидал столь скорого её возвращения. До конца рабочего дня была целая белая-белая ночь.

Люська стояла и нервно притоптывала ножкой в кеде, когда вдруг она увидела её. Старуха шла одна, тихим шагом в ее сторону. Очень высокая, особо статная в тяжелой темной юбке в осмысленном жакете с продуманно уложенными седыми волосами.

Она приближалась к Люсе странным для старухи легким шагом. Бесшумным и величавым.

Люся видела каждую морщинку на ее лице, высохшего от времени, как листок гербария. То, что еще больше поразило Люсю, лицо это было густо припудрено.

И было понятно, что обладательница этого лица не забыла придать ему достойно-представительный вид. Пудра лежала местами чуть неровно, видно, что у хозяйки дрогнула рука или подвело зрение.

Но это, скорее, досужие додумки Люси. От зависти. Именно – зависти.

Люся стояла, открыв широко свои узкие глазки под душем горячей зависти, обрушившегося на нее при появлении этой старухи

Она молниеносно спрятала за спину тяжелую свою костюмную юбку, которую содрал с неё наглый щеголь, возмущенный какой-то пошлостью

«Дура пошлая».

Ну ладно – дура, согласилась бы она. Но почему – по-

шляя?

Старуха бесшумно прошла мимо Люси. Не посмотрев, не заметив. Прошелестела юбкой.

И будто своим неприступным видом и этим шелестом поставила свою величественную подлинную подпись под приговором-воплем щеголя- драчуна с мостика.

– Пиковая Дама какая-то, – обругала старуху вслед Люсенька.

Но вдруг с особой ясностью поняла, что больше никогда уже не сможет работать Екатериной.

Старуха эта своим видом запретила.

– Мистика, – Люська плюнула и пошла переодеваться.

– Подумаешь, старуху увидела, – орал на нее работодатель. – Много здесь старух шляется, всяких.

Но Люся уже его не слышала. Она сдала костюмеру костюм и вышла из душной гардеробной.

Она вышла на мостик, где топтались и фоткались с другой Екатериной туристы, и вдруг сама себе удивилась.

Как она могла, что она здесь делала.

А заметив, что почти бежит по набережной, вдруг вспомнила старуху. И пошла как можно медленней и величавей, в подражании ей.

А ей не стыдно было подражать. Почему-то почетно и трудно.

5 августа 2019, Чёрная тетрадь.

Садовники

Всё упиралось в её необычную реакцию на всякое значительное событие в жизни.

Ушел муж когда, она это заметила не сразу, чего потом стыдилась, и это же вина ее была поставлена заслугой самой. Все сама заслужила. Погоревала чуть, даже прослезилась чуть, но тут же успокоила себя мыслью «ну и пусть». Нашла в этом и хорошие стороны и почти сразу же забыла об этом незначительном «плешивом» казусе.

У нее было свойство забывать о значительном, она наблюдала жизнь и признавала силу её только в мелочах.

Вот и сегодня она хотела было потревожиться, что проснулась под слоем мелкой штукатурки, которой посыпал на нее потолок в спальне. Она стряхнула желтую известь с лица и пододеяльника и озадачилась вопросом. Почему штукатурка роняется сверху только по ночам. Как десант. Днем держится крепко крепко за потолок свой. А ночью – на тебе, обрушивается опасным врагом.

Надо бы конечно переставить диван, отодвинуть – подумала, но тут же забыла об этом. Потому что ночные сюрпризы, были перекрыты приятно утренними.

В окно кухни она увидела семью уток, которые бодро и целеустремленно летели по своим делам. Летели красиво,

дружно. Со знанием дела.

И сразу взлетело у нее настроение, очень захотелось рвануть туда, к птицам, и робко и вежливо встроиться в их летящий клинышек.

Но утки исчезли с экрана ограниченного оконной рамой, она вздохнула, сожалея о краткости увиденного, и стала готовить завтрак.

Это был целый ритуал, фундаментом которого было желание её пожизненное – всех накормить.

И еще от этого была приятность – тратилось, убегало время длинного предстоящего к прожитию – дня.

Пока пеклась шарлотка и жарились сырники, она увидела новую картинку в окне.

Внизу на газоне выгружали какие-то ящики из фургончика рабочие. Коробок было много, потом появились пилы-болгарки. И фургончик уехал, а черноволосые таджики остались.

Она забыла о приготовлении завтрака и стала наблюдать за пришельцами.

Это была семья, скорее всего – отец, четыре сына и пр. родные. Они все были в форме дворников в ярких жилетах.

И они дружно занялись газоном. Кто-то ловко управлялся сикатором, зарычала болгарка, отпиливали сухие ветки с рябины. Потом взъярилась газонокосилка.

Они работали очень дружно и слаженно. Ими нельзя было не восхищаться.

Старший из них отдавал распоряжения скромными, едва заметными жестами. И сыновья, это несомненно была семья, тут же исполняли распоряжения его.

Потом они обедали здесь же, на газоне. Перед этим помолились тут же, на газонной траве.

Что-то в их слаженных действиях пугало её.

Глядя на них сверху из своего дома она чувствовала в них какую-то угрозу. От этих мирных людей, чужих здесь, в северном городе, исходила какая-то непонятная сила. В слаженности и взаимопонимании их была новая редакция отношений людей. И чужеземцы были в ней же никчемной частью.

Уже уверенно, дружно пообедав, аккуратно убрали за собой все пакеты в коробку и вдруг извлекли откуда-то и надели перчатки. Белые. И стали красить заборчик вокруг газона. У каждого было по стороне своей. Они уверенно держали кисточки. Профессионально, очень быстро покрасили низкий металлический каркасик ограды в черно-зеленый цвет. «Как на кладбище» подумалось ей.

Потом приехал фургончик. Туда загрузили и *траву* и срезы ветки рябины полные спелых ягод. Сняли чуть испачканные перчатки.

Что-то проговорили на непонятном языке и уехали.

Всё это выглядело как побег. И почему-то, несмотря на наведенный ими порядок, что-то вселило в неё тревогу и беспокойство.

Надо-же они садовники здесь. И у них получается. Оградки красить в черный цвет. Да ещё в перчатках.

Непонятный протест в душе рос, и она понимала почему увиденное огорчило её. Это действительно смахивало на побег.

Утешало и слегка успокоило ее только одно. Чужеземцы оставили картонку, на которой той же рабочей кистью было выведено.

«Астарожно – Акрашено!»

И это вселило надежду.

Она сгрэбла с противня пирожки в пакет и понесла во двор. Поставила там на окно дворницкой. Кому-то пригодится.

Длинное утро заканчивалось. В нем оказалось много событий. Но прежде, чем продлить день, она распечатала на компьютере листы – «Осторожно, окрашено», и не поленилась прикрепить их к заборчику.

А те, с ошибкой сунула в мусорный бак. Подальше от позора.

11 августа 2019, 9 утра, Чёрная тетрадь.

Легко!

Скатерть в доме – это его знамя, хоть и место ее на столе и как бы и незаметное. Но она хорошо усвоила, что в доме, главное предмета нет. И не может быть.

На отдельной полке в шкафу скатерти лежали по свое-образному «алфавиту». Будничные, праздничные, пасхальные и рождественские. К каждой из них прилагались такие же салфетки по шесть или двенадцать штук.

Все они были изысканными, самой, что ни есть ручной работы. Ее руками вышиты, маркированы, аппликациями украшены.

Если нужно – накрахмалены, отглажены и проложены для аромата таинственной засекреченной сушеной травкой.

Юлия Петровна любила говорить – Дом начинается со скатерти. И правда она могла увидеть по пятнам на скатерти всё о хозяйке и её семействе.

С подробностями.

И своё скатертное знамя она держала в полном порядке. Не зачехленной, а на поле хозяйственной передовой. У каждой скатерти был свой режим стирки, только ручной разумеется. Она никогда не ругала детей своих или гостей за пролитое на скатерть вино или чай.

Даже скорее в глубине души радовалась возможности об-

щения с предметом своей гордости. Пятна тут же сжимались в точку и исчезали под колючими щетками и нежными руками хозяйки.

Юля знала толк в своих скатерках и берегла, и заботилась о них – будто это были какие-то сказочные скатерти-самобранки.

Всё закончилось в один день. Неожиданно и странно.

Петя, старший сын, привел в дом некую Лилию. Девушку. Нет, он не женился, свадьбу отложили, на потом. Были более важные дела по карьере у обоих. Но Юля старалась не вникать. Она решила все-таки сделать праздничный ужин в честь молодых. И пока эти самые молодые были на работе, она пока тушится мясо, раздвинула круглый стол. Он раскрыл объятия свои широким овалом, будто улыбнулся.

Юля открыла шкаф и стала выбирать достойную для такого события скатерть. Домашнее, но всё-таки торжество.

Остановилась на белой льняной с веселыми пушистыми кисточками и выполненной ришелье вышивкой. Белое с голубым. Весело и красиво.

Отошла от стола на пару шагов. Улыбнулась увиденному. Выглядел стол в скатерти просто сиятельно.

Услышала шум в прихожей. Пришли дети с гостями. Они долго раздевались в прихожей. Смех, ор, веселье.

Юля побежала на кухню.

Пора было накрывать на стол. Она выключила духовку, взяла тарелки, ножи, вилки и прихватив подставку для горя-

чего, пошла в гостиную – столовую.

То, что она увидела, повергло её в короткий шок. Потом посадило на ближайший стул.

Она не сразу поняла, что случилось.

Главное, она увидела, что её веселая скатерка была сдернута со стола и небрежно брошена в пустующее кресло.

А за овальным столом сидели взрослые ее дети милой сплоченной стайкой. Перед каждым из них стоял открытый ноутбук и тусклым бельмом экрана своего выдавал какой-то текст, наверное очень важный, потому как все разом забыли зачем пришли.

А посреди голого стола рыжела огромная коробка готовой пиццы.

На Юлю никто не смотрел и она тихо вышла из комнаты, прихватив с собой поверженное васильковое знамя, своего дома.

Быт упростился. Наверное этому нужно было порадоваться.

Она закрыла дверь к молодоженам. Аккуратно сложила скатерть, положила на полку. Хоть и понимала уже, что раньше рождества скатерть не понадобится.

А может и вовсе не понадобится.

И только ее робкое воображение думает, что из-за отмены скатерти, одновременно отменится что-то важное, нужное и нежное.

Она поспешила положить скатерть в алфавитную её ячею.

На букву «Р».

Рождество еще никто не отменял. И Юля успокоилась.

13 августа 2019, Чёрная тетрадь.

Лён в городе

Это был выстрел – прямое попадание.

Нет, это было впервые в жизни, когда в её могучем, подкрепленном дипломом филфака, не нашлось слов, чтобы увиденное чудо донести до окружающих. Хотя бы членов маленького ее семейства.

Пока она стояла и хлопала от восторга перед увиденным. Более того, ей хотелось снять шляпу, которую она никогда не носила, и отдать честь этому экзотическому цветку на её подоконнике.

Им заканчивался длинный-длинный стебелек, выросший случайно сбоку в горшке с кактусом, колючим и неменяемым.

Семечко льна проросло стремительно, рвануло вверх, стартовало, и за ночь на этой устремленности образовался бутон, который мудро так разворачивался к лучикам солнца. И к обеду – расцвел голубым и желтым.

Очень необычный был цветок. Он смотрел на улицу, узкую и грязную от пыли и машин, которые с этой высоты выглядели игрушечными, а особняки давно уж сущего времени стояли насупленными и грязными.

Синий глазик цветка на тонюсеньком стебле выглядел совсем уж неуместным здесь незнакомцем.

Она позвала сына..

Он только отмахнулся, опаздывая на работу. Но стебелек всё-таки на мобильник заснял.

И снял вид сверху, чтобы лепестки в кадре оказались. То есть подтянутыми высоко вверх. Ракурс был неудобный, но эффект оказался поразительным.

В кадре была видна чуждая всем мирам узкая улица с маленькими авто.

А над всем этим возвышался баобабом голубой крохотный цветок льна. Получилось очень смыслово.

– Вечно ты придумываешь небывальщину, – хохотнул сын и даже не утрудил себя её разглядыванием.

Она долго смотрела на наглый цветок и думала об его призывании откуда-то свыше, приказу выжить и расцвести.

Если подумать, что такое лен на подоконнике. И есть – небывальщина. То-то в детстве она видела эту синеву целыми полями, с горизонтом рядом. Это было красиво и нежно. И она любила долго идти босиком вдоль этой красоты.

А здесь? Как его семечко занесло, как оно попало в горшок к кактусу.

Нет ответа. Не было и не будет. Но дело его было сделано. Он расцвел.

А вечером позвонил сын и сказал, что увеличил фотографию и хочет отправить её на какую-то выставку. Она и не вникала в суть вопроса.

Она знала, глядя на этот оголтелый стебелек в голубой

шляпке – главный приз будет за ним.

Она это уже знала.

– Шедевр, – тихо приговорила она его.

16 августа 2019, Чёрная тетрадь.

Престиж

Он стоял в синей цигейковой шубе и ушанке. Это-то в июле, и смотрел через стекло кухонной двери на кастрюлю с очищенной картошкой. Белой, нежной в чистой-чистой воде.

И во взгляде его на эту картофельную благодать была такая трагедия и тоска по чему-то ушедшему навсегда из его жизни. Так наверное тоскуют по Родине, называя это красивым словом ностальгия.

Бомж за стеклянной дверью смотрел так на кастрюлю. И было понятно, что он помнил какой вкусной она, эта самая картошка бывает на домашнем столе, с укропчиком и маслом.

Рядом стояла кастрюля чуть поменьше, с очищенным до бела луком, и тут же – с очищенной морковью. Всё в воде, разноцветное и выглядело очень живописно.

Бомж стоял, не двигаясь, уже минут пять, не отводя глаз от этого натюрморта, глаза его увлажнились, пальцы невымытых давно ладоней дрожали.

И Галине показалось что он очень завидует чистоте этих намытых овощей, готовых превратиться в какое-то съедобное блюдо.

Завидует их опрятности и востребованности. Галине показалось, если бы ему позволили, он сам бы стал под холод-

ную сильную струю из крана, что бы выглядеть как эти достойные овощи.

Бомж, наконец заметил, что Галина наблюдает за ним и испуганно отпрянул от стекла.

Галина заметила, как он не стар еще, худ, высок. Заметила и прореху в брюках сзади, страшную, обнажающую ноги.

Вздыхнула от этого горько, подумалось, а ведь это чей-то сын. Промелькнула эта мысль телеграфом и исчезла.

Галина работала в этом кафе хозяйкой. Да это было ее детище, небольшое, но в центре города, в очень престижном месте, впрочем оно так и называлось «Престиж».

График работы был крайне напряженным, особенно летом – туристы. И Галина вкладывала в этого своего «ребенка» и силы, и время и финансы, разумеется.

Она не бегала от трудностей и любила иногда, вот так рано появиться на кухне и проследить чисто ли всё, готовность персонала к подвигу дня.

Глянув в окно через шторы она заметила, что бомж достаёт газеты и всякую дрянь из урны рядом.

– Отпугнет клиента, – она приказала охраннику отогнать незванного гостя.

Он немедленно исполнил приказ.

Бомжик исчез. Но тревога почему-то осталась от его появления.

Уже натюрморт, видом которого наслаждался незнакомец давно был

разбросан по кипящим кастрюлям. Булькал и варился в разные разносолы, а тоска из Галины не уходила.

Она не могла забыть выражения лица, особенно глаз незнакомца. Тоска и горечь переваливали через край тугой волной скорби.

И было видно по этому взгляду, что было о чем сожалеть и тосковать этому человеку.

“Дура”, – подумала она о себе. Надо было ему поесть дать.

Но тут же поняла абсурдность своей мысли. Незнакомец есть не хотел, он хотел другого. Того, что когда-то было доступным и казалось таким скучным и обыденным. Это дом, где накрывали стол и еда была домашняя, присоленная любовью.

Увы, этого Галина не могла дать обладателю синей кацавейки. Еще через официанта она могла передать ему булочек, но даже в кафе не впустила бы. Уж очень грязен был незнакомец.

Хотя уже – знакомец. Она ведь думала о нем весь день. И как-то неловко думалось все больше о себе. Она понимала, что сделала не так, поступила глупо, дурно. Но в чем.

Она подошла к кухонной стеклянной двери и опустила жалюзи. В пол. Теперь не было видно, ни двора, ни улицы, ни прохожих.

– И впредь, держать жалюзи закрытыми, приказала она кухарке. – Будет душно – кондиционер включи.

Проблема была решена. Но тоска не уходила.

И так весь день. Галина беспричинно сердилась, орала на персонал беспричинно.

Наконец к вечеру утомилась и стала собираться домой. А что домой ей не хотелось, так об этом знала только она.

Там была фэнь-шуйская пустота и холод. И початая бутылка коньяку. Которую она обязательно допьет сегодня. И докурится до сипоты, и обзвонит всех подруг, чтобы услышать нескрываемую интонацию зависти в их голосе.

Она наслаждалась этой завистью к её устроенности и благополучию. Муж и сын давно жили своей жизнью, хоть и в одной квартире.

Жили мирно и по согласию. Каждый своей жизнью. У них даже общие деньги были в специальном портсигаре. Портсигар был роскошным серебряным с непонятым вензелем, а может гербом.

В него легко помещался весь бюджет семьи. И каждый брал сколько хотел оттуда, а вот туда – только она. И ей было приятно осознавать некую зависимость ее свободолюбивого семейства от нее.

Она уже положила в сумку нужные бумаги и косметичку, как вдруг заметила тот самый портсигар с бюджетными деньгами в сумке.

Как он там оказался – неведомо. По рассеянности перепутала с чем-то. Всё от рассеянности, все от неё.

Она на секунду задержала портсигар в руке, а потом положила в карман пиджака. Открыла перед этим – посмотрела.

Да! Полный бюджет из евро и рублей – на месте. Да, конечно же, она вчера и пополняла его. Ибо ни муж, ни сын не участвовали. И она четко вспомнила, что клала наличные в портсигар.

У всех были кредитки, но она почему-то любила наличность. И держала в доме её, родимую. Мало ли что. С сантехником рассчитаться или настройщиком. У нее в доме был настоящий рояль «Беккер».

Никто не играл на нем, но он так облагораживал квартир-ное пространство, что его не продали даже в жуткие девяно-стые.

Она закрыла дверь, включила сигнализацию. Попроща-лась с персоналом, кафе работало допоздна. И вышла в бе-лую ночь.

Шаркали ноги туристов, сигналили в пробках злые и ску-чающие водители. И она пошла вдоль канала не спеша. За-курить хотелось очень, но у нее было личное табу на курение на улице.

Она спустилась с мостика и вдруг внизу, у причала, уви-дела незнакомца в синей странной шубе. Он сидел на верх-ней ступени и смотрел на воду.

Рядом стояли два больших пакета с газетами и прочей ста-рой бумагой и картоном. Она вспомнила большую прореху на его штанах.

Холодно как на граните, подумалось.

Она уже почти прошла мимо, как вдруг совсем уж нежи-

данно для себя резко, чрезмерно лихо подошла к нему и пошарив в кармане пиджака вынула портсигар и протянула бомжу.

– Возьмите!

– Спасибо, я не курю.

Боясь случайно коснуться его руки, она бросила портсигар на картон в мешке. Бок его блеснул в свете фонаря.

– Я тоже, – отрезала она.

И круто пошла вверх от набережной, ругая и себя и бомжу этого. И всю свою непонятную тоску и недоброжелательность свою к этому миру, к этим ханжам узнающим приезжих издалека, поглазеть на местные красоты.

А ей было пора домой. Она насмотрелась.

Но странно, на душе полегчало, посветлело, подрасцвело.

Она не стала анализировать почему, боялась спугнуть что-то очень маленькое новорожденное и глухое пока и глухое, пусть живет.

А Галина просто глянула на небо. Просторное и чистое. И с первой уже звездой.

22 августа 2019, Чёрная тетрадь.

Вне тональности

Она физически ощущала прохладу костяшек, их матовую привлекательность и яркое щелканье при ударе о стол. Доминошки были высыпаны и коробочки на стол перед ней.

Высыпаны небрежной чужой рукой, так что черно-белыми брызгами разлетелись по столу и даже парочка улетела вниз в траву.

Они лежали перед её лицом бессмысленной мозаикой, а она поняла почему-то, что должна непременно уложить все эти костяшки в коробочку, ровно, очень ровненько сложить, закрыть крышкой, вот так, чтобы непременно щелкнул замок.

Домино – загадочная игра, в её детстве в эту игру погружались все, от малого до старого. Стол трясся колченогий, кряхтел от возгласов «рыба», «козел» И в этих словах никто не улавливал библейских смыслов. Козел отчуждения, например. И знак рыбы был понятен пару тысконок лет.

Но доминошники увлеченно похрустывали костяшками и в высокие смыслы не вникали.

И она стала мысленно складывать ровненько, двухэтажиком доминошки в коробочку. Ей это было сделать непросто. Черные к черным, белые к белым. И обязательно отделить Пусто-пусто.

Почему так надо было сделать, она не знала, не анализировала, но знала – всё сложить, и чтобы закрылось, шелкнул замочек. И тогда она – свободна.

Вот такой странный образ сложился в её голове, когда она нашла дом свой пустым. Все сбежали, оставив ей на столе, когда-то обеденном рассыпанное домино.

Она встала и подошла к окну. Заняла любимую позу, упор на локоточки, подпереть щечки и гляди себе в мир. Она глядела в окно, а видела черно-белый беспорядок из костяшек.

Все-всё, сейчас она сложит, упакует, шелкнет и закроет занавес тяжелый и пыльный, опустит его наглядно, над событиями пошлого развода и сиротства своего – тоже обыденного и серого. Скучного и надоевшего.

Вот только соберет в порядок эти клавиши. Доминошки похожи на клавиши рояля. Очень схожи, но по-разному играют. На них. И в них. Как по нотам до-ми-но.

Сравнение было неожиданно веселым.

Она сунула первый ярус в коробочку. Что-то они стучали, сопротивлялись. И ронялись на пол.

Тут зазвонил ну совсем уже неожиданно телефон.

Наверное кто-то из бывшего ближнего круга хотел посплетничать с ней. Обругать его и прочие глупости.

Она заметила «Пусто-пусто».

Вот. Сейчас и уложится все – думалось ей, но телефон всё визжал.

А «Пусто-пусто» выскользнуло из пальцев под стол.

И тогда ей пришел на ум простой вопрос. И ответ тут же рядом. «Пофиг» – так всегда говорила её дочь, отвечая на любую дурную новость в ее ранней части жизни.

«Как мудро», – откликнулось в ней чувство солидарности с пофигизмом.

Она рывком взяла урну для бумаг и разом смахнула в нее и костяшки и коробочку.

– Всенепременно, – почему-то услышала одобрение. – «Пусто- пусто» еще не забудь.

Она легко нагнулась и нашла под столом доминошку. Она полетела к остальным. И все это она озвучила щелчком красивых своих пальцев. Пианистки в прошлом. Щелчок получился в ля миноре. Любимой и популярной тональности.

Стук костяшек долго еще слышался в мусоропроводе. Но он был вне музыкальной тональности.

27 августа 2019, Чёрная тетрадь.

Ловушка

Скандал в семье начался совсем неожиданно. Горьким сюрпризом. Не могли справиться с письменным столом.

Стол был никчемный, старый, но на антикварный никак не тянул, поскольку был изготовлен совсем бездарно, на обыкновенной мебельной фабрике и был просто Гостом: школярская тумба – две ножки, ящик, черное покрытие каким-то дермантином. Школьников в доме уже не было, дети выросли, а внуки обходились без письменных столов, у них были компьютерные. Этакие щеголи дорогушие, с немислимыми приспособлениями. И без всяких тяжелых тумб.

И когда купили этот самый современный стол под компьютер, старый письменный надо было вынести из комнаты, где он благополучно отстоял лет двадцать. Скромно заняв место в углу от окна. На нем правда никто не писал, а стояли пустые цветочные горшки и лейка. Удобно, цветы – рядом, поливать. И еще мусор всякий хлам садовничий.

Когда позвонили, что стол новый доставят во второй половине дня, семейство, как положено бросилось разгрести пространство для обновки. Старый стол был приговорен к выносу на помойку.

Все были «за» и только ретро-виновник отказался уходить, покидать свой угол.

Он не пролезал в дверь комнаты. И в этом была какая-то мистика. Когда-то же он пролез в комнату, когда был новым и нужным. Он мигом проскочил в эту же дверь. Прямо и быстро.

Но сейчас как ни крутили его за тяжелые бока – он не пролезал.

Ни вверх ногами, ни с ящиками, ни без них. Он, стол, намертво уперся всеми четырьмя стоптанными некрасивыми ножками.

Глава семейства был сильно раздосадован, когда понял, что меняли дверь при последнем ремонте – и сильно сузили вход в комнату, чтобы дверь не болталась. И еще тогда ему сказали, что надо будет дверь эту каждый раз снимать с петель, чтобы вынести из комнаты что-то. Но лучше не снимать, косяк будет мешать.

– А если? – спросил глава. – Распилить, и по частям.

Шутка оказалась пророческой. Придется его распилить. Ножки укоротить. Тогда пролезет. Отец отправился очень решительно за ножовкой.

И вдруг внезапно пришел сын.

– Что за перестановки? – поинтересовался. И тут же вступился.

– Он же настоящий, деревянный. И я за ним уроки делал.

– И еще много чего происходило на этом столе до твоего рождения, – вспомнил с улыбкой отец.

– А после твоего рождения – тебя на нем пеленали. Ты

лежал, и еще много места оставалось. – Мама показала рукой на краешек стола.

– Ну и что? Распилить и на вынос. Он перестал быть функциональным.

Мнения разбродились до конца дня. Новый компьютерный стол в белом картонном ящике стоял пока в ожидании места своего в этом несговорчивом доме.

И на нем поселился кот Моня. А уж Моня – это навсегда. На кухне тихо ужинали, и уже не громкословно, и отец не тряс угрожающе ножовкой.

Было решено, что завтра позвонят бывшим ремонтникам, спецам по снятию дверей. И потом состоится вынос стола. А пока мама намыла серо- черную его поверхность, вычистила от хлама ящики.

А потом провела рукой и незаметно быстро прикоснулась к грубому дермантину губами, как бы запечатлела что-то очень важное для себя.

– Завтра – так завтра, – даже с каким-то облегчением сказал отец семье и сел к телевизору.

А Моня спокойно спал на теплой картонной коробке с новым столом. Он был старый, и давно понимал что «завтра» – это навсегда.

12 июня 2019, Белая тетрадь.

Русская печь – одна штука

Если бы ему сказали, что он будет выбирать цветы достойные дворничихи, и при этом очень стараться угодить, представить, какой икебанае она порадуетя, Пал Палыч не поверил бы.

Впрочем, слово «икебана» вряд ли было из лексиконных запасов Алевтины. Там больше была в почете нецензурная лексика. Которой она с утра громко и ясно обкладывала наглых туристов, перебравшую молодежь, писавшую на углы, чужих заблудших котов.

Своих же, дворовых, всех узнавала по хвостам и мордам. Прикармливала и охраняла от злой местной детворы.

Она была хозяйкой двух дворов, и не стеснялась напомнить об этом любому, претендовавшему на власть ее территории. Доставалось даже начальству, которые, правда редко, делали проверку на этой самой территории.

Алевтина тут же забрасывала их кирпичами претензий по отсутствию инвентаря и прочих недочетов.

И только благодаря её грубостям и колючей лексике, зимой во дворе только у них рыжели на снегу тропки, посыпанные песком. Ведро с которым стояло тут же у дворничихи и после снегопада она сразу же обновляла песочные проходы.

Но даже замечая её старания и усилия навести и поддер-

живать чистоту и порядок, Алевтина раздражала всех жильцов своей какой-то коровостью, швабристостью и косноязычием. Она говорила невнятно, недоговаривала окончания слов и многие звуки просто проглатывала. Удавался ей только мат.

А поскольку Пал Палыч был профессором русской словесности, он убегал от возможного контакта с дворничихой, как от летящего на него пушечного снаряда.

А вот сегодня стоял в цветочном магазине и выбирал ей цветы. В благодарность за спасенный ею в ночи автомобиль.

Она случайно выглянула в окно своей кухни, курила и заметила мужиков в капюшонах, которые пытались открыть его машину. Сигнализация на осторожные действия преступников не среагировала.

Но тут же среагировала на Алевтинин мат из окна.

Верещали дурным голосом обе разом. Воры махнули через ворота, Пал Палыч выскочил в плаще в трусах, отключил сигнализацию. Но Алевтинин ор нельзя было отключить никаким пультом.

Впрочем на этот раз Пал Палыч терпелив был. И даже успел вставить в гневный монолог дворничихи свое фр. «мерси».

Вышли еще во двор разбуженные соседи. Повозмушались, ошупали дотошно осмотрели каждый свою машину. И, успокоенные, ушли спать. Завтра ведь всем на работу. Но раньше всех встала Алевтина.

И громко, не стесняясь, уже рассказывала кому-то о ночном происшествии.

Пал Палычу очень хотелось купить розы. Он по жизни обожал эти цветы. Но вспомнив плоско-гневное лицо Алевтины он не увидел сочетания.

Видя, как он мучается с выбором, продавец спросил:

– Маме, девушке, жене, дочери? Какой цветок напоминает ваша жена?

– Дворничихе, русскую печь, – признался Пал Павлович.

– Такая же большая, горячая очень, и грозная, – улыбнулся он в уточнении. – В благодарность.

– Тогда лучше денежку. Культурно, в конвертике. Дворники наличными любят.

Пал Палыч отрицательно отнесся к этому совету.

Ему подумалось вдруг, что Алевтина действительно похожа статью и лицом на русскую печку. Грозная широкая, и с открытым зевом за заслонкой она, хоть и пугала его в детстве своим трещавшим огненным нутром, но он- то знал, что она, печка эта, защитит тепло, накормит пирогами и хлебом. И даже намочит в своем чреве всю семью бабушки. Как оно и было в его послевоенном детстве.

Да, Алевтина абсолютно напоминала ему эту громадную крепость русской печки.

Пал Палыч, уже не удивляясь, купил ведро, всё что было в магазине, ромашек. И понес дворничихе.

Прежде чем позвонить в её дверь, он вытащил и хотел по-

ложить денюжку на белый с желтым сноп цветов, но не стал.

И дальше он поступил совсем странно. Услышав шаги Алевтины за дверь, он дунул вниз по лестнице и затаился внизу.

Услышав удивленный мат, выполненный в восхищенной мажорной тональности, Пал Палыч понял, что Алевтина очень довольна. С ромашками он угадал. Он был доволен. И рад за себя, что очень вовремя вспомнил о русской печке, которая была в его детстве.

13 июня 2019, Белая тетрадь.

Божья корова

Она с детства слышала от матери «корова», и, чтобы не обиделась, добавлялось со вздохом сожаления – «Божия».

Вроде получалось не так обидно. И она не обижалась. Корова и корова. У неё красивые скорбные глаза и она умеет вздыхать. Так глубоко и печально, создавая уверенность, что знает о своей коровьей участи.

А почему маленькое насекомое в веселый горошек люди называли коровой тоже – непостижимая тайна бытия. Да!

Но все эти колкости и обидные клички едва вспоминались. И только с улыбкой и любовью.

Сегодня никто не окликал ни по имени ни по прозвищу.

Иногда обзывали «дамой» Уж лучше бы коровой. Откуда дама, почему дама. Еще одна тайна мрачного этого города с его белыми ночами и мрачными деревянными жителями.

Город украшал по настоящему только декор из приезжих. Шумных, эмоциональных, чернобровых и узкоглазых людей. Которым в голову не пришло бы называть ее словом дама. Они просто не знали его.

А вот низко-низко поклониться, как соседке, согнуться в почтении ее достойному возрасту – она принимала эту вежливость иноземцев даже с некоторой благодарностью и коротким удивлением.

Так и проскочила она от коровы – к даме, ничего не поняв в отношении к себе. Его просто не было.

От нее всегда что-то хотели, а когда получали, исчезали. И спасибо им за такое отношение – думалось ей. По крайней мере, без лукавства.

Она давно преподавала в университете, жила рядом с ним, и всё было рядом. Все открыточное пространство города жило в ее высоком окне в эркере. И она могла видеть эту красоту повседневно.

Да, город был. Но людей в нем она не встретила. Вымороженные умом, не простые, не умеющие поохотаться всласть; сдержанные и ленивые на любовь во всяком её проявлении. Такими были местные горожане. И были у них плохие зубы, с детства бледный цвет лица и блеклое, но длинное и искусственно выученное высокомерие. Оно было блеклым и некрасивым, как растение, выросшее без солнца, в бетонном подвале или погребе.

И ароматом погреба были пропитаны и мысли и желания, и творчество местных псевдоаристократов. Гнилое здесь было все, и ненастоящее, кроме реки.

Её конечно не сковали, оформили как в гроб в гранит. Она живая, настоящая, была угрозой для фиктивных безжизненных обитателей. И обязательность её прорыва на свободу была очевидной. Когда-нибудь накроет сильным своим напором. И смоеет, как мы по утрам, в унитаз, то есть в нее. Всё вернет, выплюнет.

Такие мысли и выжидательность глобальных перемен присутствовали в ней всегда. Но она не высказывала своих суждений никому и никогда.

Когда кто-то толкал ее больно в транспорте и говорил «Корова», она улыбалась в ответ и добавляла – «Божия».

И вздыхала, и очень хотела удрать с этого города-кладбища, в любой дом, где в хлеву жива, и вздыхала, обреченная на продукт потребления, корова.

Она – всегда «Божия».

14 июня 2019, Белая тетрадь.

Главнее главного

Единственное и очень сильное желание наличествовало в нем. Никогда не ходить, не попадаться на обманку врачей.

Вся подлость, отчаянное самозванство, стально-дебильная уверенность – и тотальная глупость. Все эти качества, в разных пропорциях, но обязательно в исполнении профессии – врача.

Более сильного отвращения Борис не испытывал ни к одной профессии. И он знал, почему это с ним случилось. Он сам был врачом.

Более того – популярной знаменитостью, нечаянной славой закрепленное за ним «Врач от Бога».

Врали все. Но он-то знал, что это неправда.

Люди умирают не от хвори. Они умирают от нелюбви к себе.

Свой мало медицинский вывод Борис понял сразу же. Болели сильно от нелюбви к себе или от своей. И других недугов он не видел.

И таким ненужным и обременительным показалось ему это его открытие, что он хотел было уйти из нее. Не получилось. Какая счастливая случайность, громкое выздоровление местной знаменитости сделали и его знаменитым. И теперь он жил с этой Славой.

И не любил ее, и прятался от нее, и не любил всё больше затюканных (им же) хворых неизлечимых клиентов.

Он считал, что он занимает чужое место, и мало знает и мало делает от этого незнания. Но твердо понимал одно – надо дышать ровно, правильно, диагноз, рецепты – и ты свободен.

И главное, что бы никто не почувствовал отвращения врача и неверия в свои возможности. Одним словом – крамола. И Борис честно боролся с ней.

Жалоб не было, его все обожали. А он понимал, что отбывает срок – пожизненный.

Пока однажды старая нянечка, протиравшая пол грязной шваброй у него в кабинете не обронила в его сторону.

– Борисыч, шел бы ты домой. Тяжко тебе, ох тяжело.

– Заметно? – он с оживлением оторвал взгляд от бумаг.

– Бьет в глаз, – сказала нянечка.

– Бьет.

Борис посидел еще несколько минут после ее ухода и вдруг простой вопрос сдернул его со стула. И рванул за старой санитаркой, чтобы узнать, как она узнала его правду.

Но санитарка была уже в кабинете главного.

И Борис не осмелился задать ей свой главный вопрос. Потому что на диванчике сидел, поджав покорно ноги перед шваброй – сам заведующий отделением.

И он был главнее всех вопросов. Усомниться в этом Борис не посмел.

14 июня 2019, Белая тетрадь.

Сэл-фи! Фи!

И как было не сфотографироваться на этом знаменитом месте, где Лиза и пушкинские дамы не утопились. И мостик здесь был подходящей красоты и канавка сама впечатляла.

Люська шустро развернула над собой смартфон. И солнце в закате шикарно смотрелось. И ее лицо с восторженной улыбкой.

Щелк-щелк. Все смиренно запечатлелось и всю эту красоту можно было уносить с собой. Люська хотела взять сумочку, чтобы положить в нее Айфон. И тут же это случилось.

Сумочка вместе с телефоном ринулась, опрокинулась с каменного периламостика. Тихий всплеск, и Люська увидела дорогой свой ридикюль в этой самой канавке.

Он не тонул, застежка оказалась надежной. И сумочка спокойно держалась на волнах поплыла себе по канавке ей только ведомым маршрутом.

Люська взвизгнула сильным своим голосом, да так, что проплывающие внизу на прогулочном катере туристы дружно подняли головы и уставились на бегущую вдоль ограды чугунной девицу, которая кричала, и как бы звала на помощь.

Еще бы не кричать и не звать. В пузатенькой сумочке этой были все смыслы Люськиной жизни. Айфон, документы, ключи от дома, банковские карты. И мало ли что еще.

Всё самое нужное девице приезжей туристом в эту красоту.

Люська показывала туристам рукой на беглянку, но на катере не стали вникать и поплыли дальше, слушали гида, который наверное рассказывал о мистическом этом месте, где утонула бедная Лиза, а теперь пропадала сумка Люси.

Катер проплыл мимо и в другую сторону.

Сумочку чуть покачало на волне, но она не утонула, а решительно направилась вниз по течению. По рекам и каналам которых здесь было немерено.

Плыла, раздувая белые бока, как паруса и благополучно проплыв еще под тремя мостиками, решительно поплыла в сторону залива.

Люська бежала за ней то и дело призывая зевак помочь ей. Один молодой человек даже спустился к воде, раскрыл свой зонтик и попытался сумку выловить, как пельмень из кастрюли. Но сумка увернулась и продолжала свободное свое плавание.

Помочь было некому. Вместо помощи близходящие туристы фотографировали и Люську у воды, и сумку отдельно, и улыбались Люське, делая с ней сэлфи.

Люська ругалась на зевак и всё не теряя надежды, пыталась догнать, достать, спасти.

– Что с Вами? – остановил ее мужчина.

Люська подпрыгнула от радости. Потому как прочитала три большие и главные для неё три буквы – М.Ч.С.

Люська, думая, что уж он точно нырнет за ее непотопля-

емой кладью. Но не тут-то было. Мужчина глянул на белый пузырь удаляющийся на середину реки, оценил обстановку и весело ответил.

– Если бы живность какая... Собака. А так... барахло! – Но там Айфон, – умоляла Люська.

– Барахло, – мужчина махнул рукой так выразительно, что было понятно – прав. Барахло.

14 июня 2019, Белая тетрадь.

За космос!

Он так и сказал жене, супруге своей, с большим стажем в должности таковой.

– Это – Космос !

И чуть закатил печальные глаза свои к небу. Вот, мол он где теперь.

Космос – так космос, что уж! Как можно на это посягать. И супруга, которая в миру звалась просто Галей – сдалась. Почти без боя. Разве чуть поболела, но так, скорее назло этому самому космосу. От зависти.

И он ушел хмельной походкой влюбленного.

И она в окошко наблюдала, как два «космоса» сели в машину типа «люкс» и умчались из ее жизни.

Навсегда.

Банальная, пошловатая история приключилась с Галиной, простой домохозяйкой. И совсем невероятная жизнь началась у двух космических объектов.

Да! Эта была любовь в самом-самом высоком смысле.

И она длилась бы бесконечно, если бы не откололся вдруг космический детеныш – результат любой земной несдержанной любви.

Явился и сразу заорал и стал требовать.

Только слепой бы не заметил, как обрушились космиче-

ские высоты. В звездную пыль детский ор превратил, в горы памперсов, потом грязной посуды, погасшего огня в постели и такой же холодной плите. На которой не готовили.

Все бралось из ресторанов. Еда оттуда и одноразовая посуда из ближайшего универсама. Быт прорастал удобными всякими современными штучками. Но космос в этот дом не возвращался.

Вроде все бегалось, росло, отдыхало, работало. Но кто-то властной рукой сорвал скафандры с этой семейной четы. И они стали дышать земными проблемами. А их была тьма. И одна глупее или злее другой.

Единственное, что он сделал для сына, то в день совершеннолетия шепнул ему на ухо тост.

– Никакого космоса нет ! Врут.

Сын улыбнулся и пошел танцевать со своей подружкой.

И папаша вдруг ясно увидел, как на этих двоих глупых детских бошках – засветились скафандры. Вдруг. И это было! Было!

– Ты это видишь? – спросил он у жены.

– Опять..., – только и сказала она, увидев пустой стакан из-под вискаря.

Он тоже заметил что его стакан пуст.

Наполнил его немедленно, и уже громко, для всех за столом объявил тост.

– За космос! Что б он... был.

12 июня 2019, Белая тетрадь.

Страхи! Хи-хи!

Страх – клумба роста человеческой души. Душа рождается в поисках смыслов жизни – а это всегда страшно. Страх – главная сила как и в приобретении, так и в потере этой души. Страх движет всем. Здесь.

Так тонко и философически размышлял грустный русский интеллигент Константин Веревошкин, сидя на лавочке в сквере и глядя на красивую клумбу у своих ног.

Вот возьми и сорви он эти цветы все разом. И принеси домой любимой женщине. Она бы ему сразу все простила – и безденежье и неприкаянность его и безработицу.

Костя знал, что соверши он сейчас этот достаточно спорный подвиг – и все в его семейной жизни наладилось бы.

Но ! Страх не давал! Да, да.

Этот самый страх сидел в кустах напротив и только ждал костинного такого огреха.

И тут же – раз! Откуда не возьмись общественность возмущенная, полиция, штрафы... Оказал сопротивление... Протокол! И пожалуйста, Костя так отчетливо представил себе позорную эту картину и сказал мысленно спасибо своему всегда бдящему его страху.

Все предательства на Земле от страха. Все ошибки, подлости – от него

Страх бессмертен. Его не убить в себе никак. Ни водкой ни любовью, разве что, когда так достанет его постоянное присутствие в этой жизни что махнешь на него рукой, еще и плюнешь. И уйдешь в загул «смелости» ненадолго. Совесть тебя пальчиком поманит и ты придешь к ней в покаянии. И тут же страх очередной рядышком присядет.

Бедным – страшно быть. Точно так же и богатым. Страху все равно, твой капитал. Он, как водица – просочится. И будет жить внутри черным глубоким озером.

Константин на лавке докуривал уже далеко не первую сигарету и вожделенно смотрел на красивенькие синенькие цветочки на этой самой клумбе. Они были мелкими, изящными какими-то сине-мохнатенькими. Ну просто очаровательные. И еще на клумбе были анютины глазки. И они смотрели на Костю, будто читая его желания, крайне недовольные. Чувствовали будто покусительство на свою красоту.

Но страх сидел в кустах, и Костя понял, что он не даст ему совершить этот сомнительный подвиг.

И тут, прямо на клумбу вступила грозно и смело нога в кроссовке. Синие цветочки разом перекочевали в руку хилого нескладехи подростка. Он снял свою бейсболку и сунул туда охапку мелких синих, пополам с Анютиными глазками. И держа бейсболку за козырек приподнес девушке своей в голеньком каком-то сарафане. Она засмеялась громко и весело.

Она поцеловала дохляка в щечку. И они уже втроем с бе-

йсболкой пошли по бульвару.

От их смеха Страх исчез из кустов.

– Ну, я дурак – подумал о себе Костя, глядя вслед парочке. И я бы мог так, в бейсболке придти с цветочками, с повинной.

– Нет, не мог ! – сказал из кустов страх. Он сидел на соседней лавке, закинув ногу на ногу, и не сводил с Константина глаз. Хотя выглядел он как средних лет мужчина, просто читающий газету.

12 июня 2019, Белая тетрадь.

Не о чем говорить

Она все целовала его в щеки, с любовью так, по-прошлому, сердечно и долго.

– Нет, этого не может быть. Неужто это ты, господи, я даже не знала, что так люблю тебя. Так соскучилась.

Он было оторопел от такого к себе отношения, но тут же вспомнилась эта её манера из провинциального, почти деревенского прошлого.

Он смотрел на неё уже со страхом и некоторым любопытством. И даже возмущением.

Что она себе позволяла. Это толстая тетка в несуряжного покроя юбке, коротко стриженная и пепельно-седая голова ее оказалась у него на фрачной груди.

Он стоял в растерянности и не знал, что с этим делать. Ему сразу стало неловко за неё.

Чистое посмешище. Уж не провокация ли завистников подsunуть ему здесь, на фестивале, ему, призеру, этот укол прошлым. И надо сказать, у них получилось.

Он оконфузился, но его выручила его умница жена. Она легко подошла холеной своей походкой, взяла толстуху за руку и его тоже. И подняла все это вверх на публику.

И тут же была овация. Никто ничего не понял. Но жест удачи понятен был всем. Они так и ушли со сцены взявшись

за руки.

Потом руки распались, его окружили журналисты и пошла рутинная фестивальная.

Утром, когда он с трудом открыл глаза в прокуренном номере отеля, он сразу вспомнил стриженую круглую голову у себя на груди. И он резко встал с диванчика и вышел на балкон.

Внизу плескалось море. Вставало солнце. Было тихо, красиво, умиротворенно. Он стал рассматривать редких прохожих внизу. Всё это был рабочий люд. Из местных кафе.

Уборщики мыли – кто окна, кто тротуар у своей лавки. Все выглядело убедительно и надежно.

Ему опять вспомнилась милая стриженная макушка.

– Приснилось. Этого не могло быть. Похожесть явная. Кто-то из почитательниц. Их тьма теперь.

Он докурил сигарету и стрельнул окурком вниз. Уборщик с уккоризной глянул на него.

Была. Это была она. Такой искренности, безлукавия и открытости он не наблюдал ни в ком последние лет сорок.

Но как она – и вдруг здесь. В Европе. Это казалось невозможным.

Единственное, что она хорошо умела делать в жизни – мыть посуду. И вообще, что намыть, начистить до сиятельности – было её любимым делом. Все, что попадалось под ее чистые добрые руки делалось сиятельным и притягательно красивым.

И сама она при этом никогда не выглядела усталой. Доставал его только поток слов нескончаемый. Казалось, она всем старается угодить, красиво, и не забыть похвалить. И обнять словом и согреть, и приветить. Даром. За просто так. Берите – нате.

И всё отдавала.

Она так была занята этим, что, ему казалось так, скорее всего, не сразу заметила, что он сбежал от ее мягкой доброты и преданности.

Однажды за много лет совместной их жизни, она удивила его. Он встал водички попить. Был ранний рассвет. И на кухне увидел её.

Она сидела на широком и низком подоконнике, обхватив коленки и смотрела на восход. Он точно увидел край рассвета.

А из губ у нее торчала почему-то шариковая ручка.

Ее длинный контур был хорошо виден на фоне окна. Силуэт круглой стриженной головы её с торчащим карандашом.

Этот кадр он тогда задержал в памяти, а потом вставил его в свою первую фильму. И потом с него, это кадра, успех. Его заметили. То есть это кадр.

Он обозначил навсегда его стиль в кино.

Но этого и не вспомнить было. Если бы не вчерашняя похожесть и конфуз на сцене.

На столе в фойе, куда он спустился за сигаретами он глянул на свежие газеты.

Вот он на сцене. Вот приз у него в руках. Вот жена, актеры, продюсер. Никаких стриженных голов пожилых теток ни на одной фотографии не значилось.

Он был везде строгим и во фраке совершенно чужим для всех. И даже для себя. С трудом проглядывался в этом фрачном заносчивом типе добрый дядя, на груди которого можно было публично порыдать, да еще целовать его в бородастые щеки так щедро и сыпать словами.

«Рада, рада, рада. Тебе.»

– Дурной сон, – вынес он решительный приговор этой нелепице. – Нет – дивный сон, скорее. Именно дивный. Это не могло быть.

Тут он увидел жену, которая спустилась к нему по лестнице. Она никогда не упускала момента указать на исключительность своей холеной походки.

Она чмокнула коротко по-утреннему его в щеку.

Они вышли на теплый утренний воздух.

– Послушай, а ты не знаешь, что за странная тетка лезла к тебе с поцелуями? – спросила жена.

Он слегка огорчился, а потом обрадовался. Значит, не приснилось, и значит это была она. И как он мог сомневаться. В том, как она прижалась всем телом к нему было такое доверие и столько любви к нему.

– Дивный сон, дивный, – пробормотал он себе.

А жене ответил.

– Мало ли сумасшедших. Не знаю. Не о чем говорить.

12 июня 2019, Белая тетрадь.

Таратайка

Она как будто выпала на дорогу прямо из шестидесятих годов прошлого, эта таратайка. Местами бежевая, но больше ржавая, она проехала перед глазами Ольги.

За рулем сидел всклокоченный мужик с белой бородой и длинными такими прядями волос. Похоже, он когда-то был блондином, ну, вызывающий стиль хиппи окружал мужика в машине ореолом свобод! Свобод от всяких человеческих обязанностей и проблем.

Таратайка скрылась за углом на повороте, а Ольга так и осталась стоять у зебры на тротуаре, пригвожденная лихим видом мужчины в старом авто.

Удивило её то, что она вдруг влюбилась в этого незнакомца. Ей страшно захотелось поскорее запрыгнуть в эту машину, на заднее сиденье, и так же лихо скрыться из своей тусклой жизни за каким-то новым поворотом. И с этим незнакомцем. Который вдруг за секунды их незнакомства стал ей нужным, близким, необходимым.

Это был человек её этажности. И она сразу заскучала по нему.

Она пошла по зебре, свернула на тротуар. Зашла в магазин. Маршрут был для неё рутинный.

Но ржавый таратай с его хозяином не исчезал. Ольга уже

с улыбкой вспомнила, что и руль в машине был справа. И это тоже было для неё радостным подтверждением того, что она только что видела настоящую возможную свою жизнь, проехавшую мимо. Именно – руль справа. И во всем. Так ей казалось интереснее.

Она зашла еще в овощную лавку, покормила знакомых воробьев на набережной, и пошла домой. Шла медленно, как будто боялась расстаться с впечатлением о ржавой таратайке и незнакомце в ней.

Это был ее человек. Она не сомневалась. Но проехал мимо. Так бывает. И теперь уже – она знала – такой значимой встречи в её жизни вряд ли случится.

Да, и вообще, что за фантазии. Пора их завязать в узелок тугой, чтобы больше не развязывать в себе никаких желаний. Не трясти перед собой глупостью своих мечтаний, желаний, ожиданий.

Мимо проезжали сотнями машины. Авто, люксовые джипы и другие вольво-мерседесы. За темными стеклами даже тени хозяина не видно. Ни намек на человека.

И среди этой реки-сели машин, не проскочит на красный свет, как давеча, светло-ржавая таратайка.

Ольга вздохнула, и стала открывать калитку в свой двор. Калитка тоже была ржавой. Но не светлой а чугунно-грозной. И скрипела и ругалась на всякого её открывавшего.

Ольга прошла мимо помойных баков, мусор в которых утапывал ногами таджик-дворник. Он этим занимался по

вечерам.

И вдруг, во дворе собственного дома, Ольга обнаружила ту самую таратайку. У Ольги опустилось сердечко до самых кончиков ног. Надо же. К кому это.

Мужчина тут же был. При деле и при машине.

Он был в шортах, в аляповатой рубашке и целовал каких-то детей и женщину.

– Дед, почему ты не позвонил, надо было позвонить, – выговаривала женщина.

– Не люблю я звонить, – ответил бородач.

И Ольга об этом знала. Он не любил звонить.

И это была правда. Они семейственно уносили вещи из багажника в дом.

И пока они ушли в паузу, Ольга подошла к таратайке близко-близко и с умилением посмотрела через треснувшее боковое стекло на заднее сиденье. На котором она должна была ехать. И смотреть на любимую патлатость мужчины, который тоже любил, когда руль справа.

Семейство возвращалось за остатком вещей. И Ольга поспешила отойти от машины незнакомца. Но каким-то странным и маловероятным зрением, она вдруг поняла, что приезжий долго смотрел ей вслед.

«Кто знает», – подумалось ей. – «Может быть тоже узнал». Ольга вздохнула, но не оглянулась на всякий случай.

12 июля 2019, Белая тетрадь.

Шнурки

Осень очень была кстати. К настроению, событию печальному и неизбежному. Уход матери из жизни как бы закольцовывал итогом все далекие возможные отношения с прошлым.

Она удивилась большому количеству народа на панихиде. Но еще больше она удивилась, что увидела его. Человека, высказываниями которого и сейчас пользовались, как цитатами великих людей.

И дети её, давно ставшие взрослыми, иногда пользовались ими. Самая популярная у старшего – «грязи нет, есть только химическая формула», звучала ей в назидание, когда ему было лень вымыть посуду или снять, наконец, заношенные джинсы.

Сколько она знала и помнила, Борис всегда был непрекаемым для всех авторитетом. Врач-психиатр, умница, аскет, он мог сделать карьеру. Но он ушел из профессии, не стал защищать никаких диссертаций, потому что честно признавался всем – никто ничего, кроме явных заблуждений, не привнес в эту науку. Он просто стал читать лекции студентам, на которые сбегался весь институт. Лекции были настолько необычными, что как-то незаметно он получил признание в своем истинном призвании – беседовать о непо-

стижимом царстве человеческой души.

Она, как и всякая студентка, была влюблена в него, романчика не получилось. Получилась дружба. Особенно укрепилась, когда он женился. Вздохнувши, сообщил : «Женюсь на любви к себе».

И это было мудрым решением.

Она уехала в другой город. Поначалу они перезванивались.

Но листались годы. Забывались подробности. Но вот главное что-то осталось. Потому что главное когда-то случилось, она поняла не сразу.

Еще во время панихиды, она нечаянно увидела прямого сухонького старика. С тяжелой красивой тростью. Он стоял чуть поодаль, чуть в сторонке и, как ей показалось, смотрел на нее.

Но панихидная суета отвлекла внимание. Странно, что и на панихиде тоже суета, подумалось ей.

Подходили к ней люди, говорили слова. Но все же понимали, что мало печали в том, что человек уходит в таком почтеннейшем возрасте. И в душе скорее всего даже завидовали. Сто лет!

Она равнодушно принимала соблезнования, и почему-то вспомнила мужчину с тростью, и стала искать его среди рассаживающихся в автобус гостей.

И она увидела его. Он все еще не мог преодолеть расстояние до неё. Он приволакивал ногу, и тяжело опирался на

трость. Впрочем, это ему помогало мало. Она в мгновение успела рассмотреть на нем то, роскошное черное пальто, любимое ею в прошлом. Оно теперь казалось серым. А может и не казалось, и было таким. Но самым нелепым и странным ударом по глазам были шнурки от башмаков. На одном из них шнурок был совсем развязан и, с каждым тяжелым шагом, развевался как змейка.

Жалость, любовь к нему обрушились на неё так внезапно, что она, впервые за эти скорбные дни, наконец заплакала. Она вдруг в этом грязном, беспризорном шнурке увидела прежнюю неразрывную канатную связь. Этот человек, она поняла в это мгновение, образовал всю её жизнь, подарил ей особый уровень в этой жизни, открыл ей глаза на новый какой-то ракурс, вне пошлости этой самой жизни. Он как нашептал ей, о возможной отдельности, указал ей старт возможностей в другую жизнь. Своим присутствием, строгим и умным присутствием, он как бы уверил её, что пора... Она не осознавала тогда четко, что такое это «пора». Но, по совпадению, или уж от желания «утереть ему, такому умному» нос, написался её первый рассказ. А потом и понеслась её новая жизнь, в прекрасный её Ренессанс.

И сейчас, глядя на его порхающие своевольно шнурки, она вдруг рванула к этому старику – вдруг испугалась, что он наступит на шнурок, символ флага капитуляции какой-то перед жизнью. Наступит и упадет. И тогда уже ничего невозможно будет исправить.

Она подбежала к нему, и не обняв, не поздоровавшись, встала на колени и быстро-быстро, накрепко завязала шнурки.

На руках почувствовала засохшую колючую грязь.

Убедившись в надежности узла, она выпрямилась и обняла его, старого и родного.

На пальцах своих она ощутила нечистоту замызганных шнурков. Блеснули перед ней его живые, ироничные, и чуть виноватые глаза.

Он был смущен чуть её порывом. А она, отряхивая испачканное пальто и ладошки, хотела достать платок, чтобы протереть руки. Но вспомнила «Грязи нет – есть химическая формула».

И это стало вдруг явной правдой. Она обняла его еще раз искренне. Без всяких обид, брезгливости и страхов.

20 марта 2017, бестетрадные.

Гламур

Она поднималась босиком к высокому обрыву над рекой. В легком кисейном балахоне, в немислимого фасона шляпе, поля которой, казалось, вот зацепят деревья, мимо которых она проходила.

Солнце уже закатывалось над рекой. И делало воду в ней то ли золотой, то ли ржавой.

Ветерок вольно гулял под белым балахоном. Босые ноги согревала остывающая вечерняя земля.

На плече у неё висела большая холщовая сумка. Раздутая, беременная в ней кладью.

Пели птицы, промычала где-то корова. И казалось она одинокой в этом сожженном за лето солнцем большаке.

Вот и обрыв. Она взошла по тропинке, прошла до самого навислого края её. Глянула вниз.

Река равнодушно плыла себе внизу. Ей вдруг подумалось: «Сколько живности всякой несет она в себе эта река. Нячнит. Оберегает. И никому не показывает. Скрывает от людского взгляда. Тоже робеет перед людьми за свои тайны».

Лена вздохнула. И тут же сказала сама себе:

– Лена, не вздыхай! Она может позволить себе тайную жизнь. И ты – тоже. Ты здесь одна-одинешенька. Таинствуй. Или кричи. Ей всё равно. Реке все равно, небу все равно. Ле-

су все равно. Ребята, родные мои ! Я пришла попрощаться!
Ау-у-у-у!

Она бросила холстину пузатую на выжженную траву и села сама. Загорелое лицо её сморщилось в улыбке.

Елена Ивановна была штука столичная. Богатая, и очень знаменитой фамилии в определенных кругах. То ли муж, то ли она сама достигла всех «благ» – никто из местных деревенских не знал. Но ненавидели, не любили её сильно. За непонятность.

Она приезжала каждый год в свой, купленный когда-то здесь домик, и жила до конца августа. Уже много лет. Никто к ней не навещался, и общалась она только с бабой Маней, у которой была корова. И она покупала у нее жбан парного молока. Иногда творог. Домик приезжей стоял на самом отшибе. Садик при нем давно вымер, засохли смородинные кусты. Но хозяйку это мало трогало. Она целыми днями лежала во дворике, или гуляла до леса. Что удивляло всех – в лес не заходила никогда.

Добредя до первого дерева, быстро сворачивала к реке. К обрыву. И сидела там подолгу, глядя на воду.

«Странная старуха», – дивились местные, но не приставали с вопросами по своему обыкновению, побаивались необычности во взгляде Елены. Взгляд этот останавливал любой вопрос, любое приближение к ней.

Все отступились. Бабы с интересом рассматривали её наряды, которые она вывешивала после стирки во дворике.

Платья были непомерно широкими, раздувались на ветру как паруса. И казалось, унесут в небо – и хилый домик, и ее невесомую загадочную хозяйку.

В дождливые дни она тоже сидела в домике, но открывала окна, даже в грозу. Похоже и её она не боялась.

Потом к ней привыкли и вежливо здоровались. И полюбили, когда поняли, что у неё всегда можно занять немного денег. А еще больше прониклись благодарностью, когда поняли, что деньги можно не отдавать. Взгляд её прозрачных глаз останавливал от лишних визитов.

Иногда кто-то из мужиков, навешивал кукан с уловом к ней на косую изгородь. Но он мог провисеть до первых котлов. Она рыбу не брала. И это доброе благодарное начинание было оставлено. Не в ножки же ей было кланяться этой горливой столичной штуке.

К ней за столько лет привыкли, и только в день приезда её, и день отъезда замечали. А так она на все лето становилась частью местного пейзажа. Из-за всех неповторимых, невиданных ранее шляп. Шляпы эти вызывали у сельчан недоумение, неодобрение, праведный гнев, иногда обоснованный ужас. То домик у неё на голове, то яхта. То букет роз на целое ведро. Было понятно, что такая шляпа стоит немерено, и возмущала такая расточительность. А поля-то поля в них. Чисто размером с колхозное.

Это слово еще помнилось, И служило. Под полями своих шляп приезжая как бы пропадала. Сверху огромная крыша

шляп – внизу тоненькие ножки с узкими пятками. Гриб-поганка. Её так и прозвали. Ленка- поганка. Она еще и курила все время. Из-под шляп струился дым. Смешное зрелище. И все лето этот тонкий гриб ходил не спеша до леса, к обрыву и обратно. И каждый день в новой шляпе.

Было о чем поговорить. О Поганке. Так за ней закрепилось это прозвище.

Но Лена ничего этого, конечно, не знала. Не думала, что вызывала столько страстей в душах местных. Она сидела на обрыве и ждала полного захода солнца. А оно не спешило уходить. Как будто понимало, отводило момент прощания с ней, Леной. Как будто полюбило её, как часть реки, обрыва. Как будто знало о ней больше, чем сельчане.

Лене тоже не хотелось, чтобы оно ушло. Она смотрела на его теплое, не горячее лицо через прищур своих поблекших глаз. И мысленно просила. Спрашивала.

– Давай ты не навсегда уйдешь. Давай мы еще увидимся. Здесь, на этом же месте. Через год. Слабо? – засмеялась она.

Она легко встала и потянулась. Через балахон просвечивала неестественная худоба. Тела как будто и не было. Легкий ветерок мог просто снести её и сбросить с этой кручи. Но она спокойно постояла, глядя вниз. Потом резко сорвала с земли холщовую сумку, распахнула её. Достала оттуда шляпу с огромными полями, похожую на цветочную клумбу. И повертев ее в руках, выбросив свое худое тело как можно

резче вперед, она бросила шляпу вниз, в реку. Ту подхватил ветер, слегка покружив, бережно опустил на воду. И шляпа поплыла. Вяло покачивалась на волнах цветная тулья. Сверху она казалась маленькой и изящной.

Затем вниз полетела следующая шляпа с пальмой, затем шляпа-яхта, шляпа-паровозик, шляпа-ладья, треуголка-бонапартка.

Каждая из них изящно перемещалась по воздуху и ловко опускалась на воду. И плыла, плыла, плыла. Армада из шляп красиво шествовала на своем речном параде.

Наконец, была снята с головы и запущена в высоту панамма, с головы хозяйки. Это была простая панамка, не столь выдающаяся, как её предшественница. Она мягко шлепнулась в реку, но короткие поля не позволили ей плыть. Она быстро набрала воды и затонула.

Лена вздохнула.

Вот и все. Вынула из сака шелковую креповую косынку и повязала себе на голову.

– Вот и все! – прошептала она солнцу, которого сегодня уже не было. Диск его скрылся.

Лена забросила легкий сак на плечо и быстро стала отходить от обрыва.

Шляпы же плыли по реке ровным строем. Поля не позволяли им тонуть. Река была опорой своей глубиной. Они даже не намokли от такой передряги.

А Лена, уже быстрым шагом подходила к своей роскош-

ной машине. Равнодушно достала из багажника туфли. Надела их. И уехала.

Дверь дома так и осталась незапертой. А во дворе остался на веревке один забытый балахон. Белый. Он был похож на флаг капитуляции. Лена ехала сдаваться. Похоже.

Но кому, так и осталось для всех местных загадкой.

Зато повеселился паромщик на переправе. Когда посредине реки к его дощатке стали прибиваться странные цветы. Он не сразу понял, что это было такое. А потом с трудом выловил одну шляпу, долго рассматривал её и, усмехнувшись, хмыкнул.

– Гламур! Гламур! – то ли выругался, то ли восхитился он.

И поняв, что этот предмет в хозяйстве ему не пригодится, плюхнул шляпу обратно в реку.

Так они и плыли. Впрочем быстро темнело. И их было уже не рассмотреть.

21 ноября 2012, бестетрадные.

Прикосновение

Она не сразу уловила эту странную связь между бессвязностью незначительных и пустячных событий.

Она увидела красивую картинку на мониторе, просторную комнату, полумрак в котором исчезала бархатная золотистая мебель, стеклянный овальный низкий стол. Компьютеры, с их деловым видом, явно были лишними в этом интерьере.

Она задержалась и поинтересовалась у сыновей, что же это за роскошь такая. Это оказался офис сына, где он накануне в выходной день работал, и, используя отсутствие коллег, снял всю эту красоту на телефон, по привычке. Чтобы показать семейству.

Она присоединилась, впрочем без интереса – своих дел полно, но тут просто споткнулась, с неожиданным изображением.

С экрана на неё смотрело премилое глазастое создание в усах, как в перьях была его мордашка.

– Ой? – сказала она. – Это кто?

– Сомик...

И изображение поползло дальше, а она пошла к себе на кухню и долго почему то не отпускало из её памяти полупрозрачное тельце этой рыбки, и сама мордочка, которая ты-

калась в прозрачную преграду аквариума и открывала рот, и тарщила глаза, будто не понимая, кто это там, на берегу, мигает ему яркой вспышкой, тревожит его водяной покой и тишину. Человек, перед аквариумом отражался в стекле, и казался титаном, и усы топорщились у сома, то ли от страха, то ли от возмущения.

Зрелище было таинственным, и сомик прямо-таки сиял своей белесостью, и отражал своим пятнистым белым тельцем всю никчемность остальных банальных рыбок в аквариуме. Вид его вызывал уважение и даже восхищение. И она вспомнила, что сомиков этих держат за санитаров. По-настоящему, людскому – сантехником.

Прозвище «санитар» очень как-то не шло этому оригинальному красавцу, и она еще долго вспоминала его нахоленную в луче вспышки сомномию.

Хотелось зайти к нему, познакомиться поближе, на что сын возразил – у них строго, и посторонних не пускают.

Так что о личной встрече с красавцем-сомом пришлось забыть, но почему-то её не оставляло ощущение, что через этого сомика она прикасалась к чему-то загадочному, непостижимому и трогательному. Созданному специально для неё. Для этой самой минуты, когда душа вздрогнула в ней, как будто там в аквариуме, в этом сомике, увиделось и прикоснулось к ней что-то важное, главное, которое, ну никак не забывалось.

Она даже попыталась нарисовать его у себя в альбоме. Ни-

чего, конечно же, не получилось. Рисовалась обыкновенная рыба, а та взъерошенность усов и милые крапинки, и глаза черными горошинами, ну никак не рисовались. Увы, она радовалась уже тому, что видела, это. Прикоснулась к этому. Взглядом.

И все бы забылось, если бы в ней не осталась странным послевкусием любовь к этой странной мордашке.

Странно, она никогда не любила рыбу. Более того она и не готовила её, у детей была аллергия, никогда не любила рыбалку, и когда-то в селе на Украине, в далекой молодости, её уговорили походить с бреднем за местными карасиками. Она было согласилась, но видя как они барахтаются в сети, тут же прекратила это занятие.

Никаких отношений с рыбой, и к рыбе. А тут глазастый сомик так запал в душу.

Она расспросила сына о жизни аквариума.

Кто кормит, чистит, и почему сомик не ест других рыбок.

Они большие для него, а он получает корм автоматически. Раз в час. «Бедненький», никто с ним не общается. Живет так-сяк.

Вся её привязанность, такая странная и заочная к этой рыбке закончилась, неожиданно, и очень скоро. Ужиная, сын неожиданно произнес: – Сомик издох.

– Как? Почему?

– Да, срок его вышел. Старый был, – равнодушно проинформировал сын.

Она встала из-за стола и долго не могла успокоиться от странности этого сообщения. Ей стало грустно и почему-то беспокойно. Она не старалась это объяснить, потому что понимала – ей это не по уму, такие объяснения, но что это была какая-то связь, какой-то знак именно для неё – не было никаких сомнений. Да просто то, что сын сообщил ей об этом – странно. Уж это совсем не из его закрытой жизни новость. Но сказал же он ей. Значит знал, что должен.

Уже никто и никогда ей не объяснит этой странной связи между рыбешкой в чужом аквариуме и ею, большой старой теткой, случайно оказавшейся перед монитором. Она вообще любых компьютеров избегала и не гасила страх и враждебность к ним.

Но ведь было, состоялось это прикосновение. И пусть стекло в квадрате – аквариум и монитор, и пусть это было наездное селфи офиса. Но вот случилось нечто, а оно случилось. Прикосновение, которое с ней теперь навсегда.

И это прикосновение к чему-то большому, таинственному абсолютно разумному, доброму и красивому – это и есть жизнь.

Даже, если ты – рыбка-несмышлениш, не понимающий коварной подлости стекла, но тебя обязательно увидит кто-то большой за стеклом.

Полюбит и запомнит. Жизнь есть – Прикосновение.

10 декабря 2018 , бестетрадные .

Контакты автора:

email: aalemur@gmail.com

telegram: [alemurat](#)

skype: [alemurat](#)